

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

Н.А.БЕЗМЕНОВА

Очерки по теории и истории риторики



1166785

МОСКВА "НАУКА" 1991

Введение

Если высказать утверждение о том, что гуманитарные (общественные) науки должны приносить пользу обществу, то это справедливо будет расценено как трюизм. Если слегка заострить данную мысль и сформулировать тезис, что гуманитарные науки обязаны быть прикладными, то это суждение, продолжая для многих оставаться общим местом, вызовет сомнения у большой группы теоретиков. Скептицизм понятен и оправдан, поскольку многое в этом утверждении неопределенно: и само понятие "прикладное знание" (полезное, практическое, "нефундаментальное"?), и соотношение понятий фундаментального и прикладного (что может быть более практичным, чем хорошая теория?), и, наконец, вообще сомнительность тезиса о том, что в науке могут преследоваться какие-либо иные цели, кроме постижения истины. Последнее особенно важно, поскольку новейшая отечественная история убедительно продемонстрировала (на примере лысенковщины в биологии или марризма в языкознании), к каким трагическим результатам для общества и негативным для науки ведет постановка любых экстранаучных задач, даже формулируемых как немедленная общественная польза. Все это не означает, что теории, разрабатываемые в рамках общественных наук, бесполезны для общества или не могут найти практического воплощения. Напротив, именно гуманитарные идеи, сфокусированные в теории, при корректном воплощении на практике могут обслуживать огромные массы людей и приносить ощутимую пользу каждому индивиду и обществу в целом. Очевидно, что теоретическое знание должно пройти этап популяризации (с помощью соответствующей литературы или образовательных циклов в школе) и этап культурного освоения. Не нужно доказывать, что этот процесс

необычайно сложен в реализации; существенно, что главная трудность популяризации состоит в форме теории, слабо приспособленной к решению практических задач. В этом смысле особый интерес, видимо, должны представлять те разделы гуманитарного знания, которые формально алгоритмизованы, т.е. воплощают собой некий набор правил или рекомендаций, регламентирующих интегральный цикл.

Одним из таких разделов гуманитарной науки, "идеально" приспособленных к практическому освоению, является риторика, в рамках которой сформулирован "алгоритм речевого поведения" человека. Риторическое знание принципиально антропоцентрично и следует тезису Протагора: "Человек есть мера всех вещей". Риторика переживает на Западе подлинный Ренессанс и в отечественной науке последних лет получает все более широкое признание. Этот процесс закономерен, поскольку любая либерализация общественной системы сопровождается повышением внимания к нуждам и чаяниям индивида, к которым не в последнюю очередь относится и свобода слова. Очевидно, что, когда общественная трибуна монополизирована, риторика, стремящаяся научить владению словом, не может принести ощутимой пользы, разве только группе профессиональных политиков, спичрайтеров и пропагандистов. В обществе же сознательно развиваемой демократии, когда в политическую жизнь оказываются вовлеченными, как это продемонстрировала последняя предвыборная кампания, огромные массы людей, владение словом превращается в насущную необходимость. Важно представить, что свобода слова не является декларированным правом или разрешением цензуры, а предполагает прежде всего умение этим правом пользоваться. Этим умением обладают врожденные ораторы, но каждый из нас, безусловно, испытывал — хотя бы раз в жиз-

ни — смущение и даже панический страх перед публичным выступлением, а вместе с этими чувствами приходило осознание необходимости овладения основами знания о целесообразной речи, т.е. правилами риторики.

Вообще практическая значимость риторики для поднятия речевой культуры общества на Западе достаточно очевидна, но в отечественной гуманитарной науке риторика после М.В. Ломоносова развивалась слабо из-за сложных политических условий, в которых укреплялась российская цивилизация в новое время. В современном общественном мнении, сформулированном в большей части журнальной и газетной литературы, по поводу риторики преобладают высказывания, содержащие взаимоисключающие эпитеты "манипулирующая" или "пустая".

Огромный творческий потенциал риторики раскрывался на протяжении долгих веков существования европейской цивилизации. Исторический взгляд на вещи позволяет последовательно представить себе не только "сиюминутную" пользу риторики, но и имманентное содержание этой дисциплины, рожденной в цельном мире античного человека. Эта проблема затрагивается во многих культурологических исследованиях последних лет [Аверинцев 1981; 1981а; 1984; Лосев 1963—1980; Florescu 1982].

То, что мы привыкли называть культурой, греки называли "пайдейя", или воспитание, т.е. сумма навыков, прививаемая ребенку. В центре пайдейя — две силы, пребывающие в постоянном конфликте, но и в контакте, во взаимной соотнесенности: воспитание мысли, т.е. философия, ищущая истину, и воспитание слова, т.е. риторика, ищущая убедительности. Философия и риторика, поставленные греками в центр культуры, оказываются ближе, чем мы представляем себе: общий

их корень уходит в архаическую мыслительно-словесную культуру. Однако антагонизм между ними, прослеживаемый на огромном историческом интервале, постоянен: стремясь восстановить неразделенность мысли и слова, каждая претендовала на единственность и стремилась поглотить соперницу. Так, для Платона, стоиков, неоплатоников философия единственна, а для Цицерона подлинный оратор и философ — одно и то же. Но в античном мире философия и риторика не отдельные домены; лицо культуры двоится: пайдейя выступает под знаком философии и риторики одновременно. "Философия и риторика — самое сердце культуры античного типа, и в сердце этом живет возрождающееся противоречие". Культурологические парадигмы (вплоть до XIX в.) могут строиться исходя из этого диалектического единства. В некотором смысле этот конфликт может быть рассмотрен как диалектическая константа европейской культурной истории, приводящая к представлению о двух магистральных путях культуры: литературном и научном.

Научная (математизированная) культура исходит из доказуемого, литературная, часто отождествляемая с риторикой — из ценностного, убедительного. Признаки "математизированной" культуры — скептицизм к ценностям различного рода, принципиально жесткая логическая позиция. Эта парадигма прослеживается очень глубоко: еще Платон полагал, что мнения, сущности, суждения, т.е. все, что связано с ослаблением логико-математических принципов и, вообще, с присущей человеку чувственностью, — низшая форма познания, глубоко отмеченная релятивизмом. Аристотель, ослабив логико-математический догматизм этой концепции, выдвинув теорию "неформального доказательства" и постулировав необходимость сближения математики с реальностью. Платон полагал, что мнение противо-

поставлено науке: наука должна заниматься сущностью, а мнение — тенью сущности (наука элитна, мнение народно — *indoctus*). Согласно Аристотелю, аргументация должна дополнять доказательства, в определенных случаях даже заменять их, и должна существовать специальная теория аргументации, или риторика. Здесь Аристотель со всей очевидностью выступает в защиту специфики гуманитарного знания. Современный философ и теоретик риторики Х. Перельман идет дальше, многократно подчеркивая мысль о принципиальной невозможности математизации естественного языка [Perelman 1970, 1977]. Вообще, аристотелевская мысль о необходимости построения знания для человека и о человеке на основе анализа мнения как факта общественного и индивидуального сознания и построения иерархии общественных ценностей все еще актуальна и нереализована в полной мере и сейчас. В этой задаче риторика и философия могут идти рука об руку, создавая идеологию как некоторый комплекс иерархически организованной мыслительно-речевой культуры. Идеал греков все еще разумен, но пока недостижим.

Существо спора между философией и риторикой иногда сводится к проблеме языка. Философия в любом понимании — всегда поиск истины и стремится к тому, что сейчас мы называем "чисто референциальным" языком (ср. современные требования к языку науки: точность, логичность выводов, чистота формы и т.д.). Риторике инкриминируется эстетизм (словесное украшательство). Ею открыта магия слова (в частности, Демокрит признает, что слово может больше убеждать, чем золото). Художественная форма речи и эмоциональное воздействие речи на аудиторию вступают в противоречие с требованием сухого, научного, "голого" доказательства. Широко известно также об-

винение риторики в аморальности. Поскольку риторика прежде всего метод, который может быть дан любому, кто постиг свободное искусство, следует ограничить ее правом и моралью. Эта оценка риторики типична не только для эпохи раннего и позднего Возрождения, но и для последующего времени. Философы часто представляют аморальность как общую тенденцию артистизма быть независимым от этики. Эта вуаль "безнравственности" висит над риторикой вечно (ср. "безнравственность" ядерных сил) Риторическим ответом на эти обвинения является тезис о воспитании личности ратора. Только нравственный человек достигает полного эффекта убеждения и консенсуса. Конфликт между философией и риторикой иногда интерпретируется как конфликт исключительно в области образования. Однако, как мы видели, разногласия касаются также гносеологии и этики.

С началом христианства риторика переживает подлинно тяжелые времена. Как отмечают многие историки литературы, парадоксален тот факт, что концепт веры и концепт убеждения — общие для теологии и риторики — не объединили их. По-видимому, область веры для христианства лежит вне рациональной досягаемости и со всей очевидностью вне человека. Теоретическое неприятие риторики первыми христианами настолько значительно, что некоторые историографы этого вопроса настаивают на полном забвении риторики на весь период средних веков до раннего Возрождения в Италии. Заметим, что раннее христианство антагонистично и философии, и, вообще говоря, всему языческому миру. Оппозиция *ratio/oratio* заменяется на *fides/ratio* (*scientia* — источник греха). Однако, как показал А.Г. Лосев, по мере того как ощущается необходимость придать теологии системный вид, реабилитируется философия ("подходя-

щая” к теологии: гностики, стоики, Платон), которая в идеологически очищенном виде объявляется сакральной. Позже в системе образования появляется и риторика (у Святого Павла: необходимость правильно строить проповедь). Вообще, именно в это время и в рамках этих задач рождается гомилетика, и риторика начинает адаптироваться к теологии, к нуждам церкви как института. Святой Августин в сочинении “*De doctrina christiana*” практически создает введение в христианскую риторику, оговаривая примат идейного (доктринального) содержания проповеди. Интересно, что Цицерон остается идейным врагом, и даже Данте в своем известном сочинении “*De vulgaris eloquentia*” не называет его в составе классических раторов. Реабилитация риторики в системе образования нашла воплощение к концу средних веков в возвращении тривия, а затем и квадриа. Отцы церкви соглашались на элементарное образование паствы, которая должна все же понимать их проповеди. Не только теологическое неприятие, но и структура средневекового государства (отсутствие юридических институтов, свобод и т.д.) также не располагала к развитию риторики. Отсутствие демократических свобод равно отсутствию риторики. Средневековая риторика лишается инвенции и элокуции и сохраняет за собой лишь *ars dictandi* — сочинения по композиции.

Возрождение знаменуется ощутимым поворотом к риторике и, по существу, ее подлинным триумфом, что прежде всего может быть объяснено возрождением античного идеала человека. Как только личность попадает в центр культуры, возникает риторический ренессанс. Данте, Латини, Бруни постулируют необходимость гуманитарных штудий и занятий языком в целях формирования личности. Кумиром итальянского Возрождения

является Цицерон — оратор-философ, сильная динамичная личность, проповедующая философию действия.

Примирение философии и риторики в общеренессанской концепции вовсе не означало нахождения устойчивой гармонии. Далее отношения между философией и риторикой приходится делить на национальные тенденции, затем на авторов. История культуры дробится, и связь риторики с философией опосредуется, делается очень сложной для анализа. Доминантой всех европейских национальных элементов развития риторики, начиная с эпохи Возрождения, является ее "литературизация". По существу, А.Г. Лосев глубоко прав, отрицая полное восстановление античного идеала в эпоху Ренессанса. Риторика отступает, отдавая философии уже практически все, кроме языка, а в эпоху Пор-Рояля отдает и язык, оставляя себе стилистический изыск, теорию фигур и т.д. Тенденция отрыва риторики от философии, логики и права в пользу сближения с грамматикой и поэтикой абсолютна для всего Возрождения. Философы обретают относительный покой, оставляя за собой монополию познавательной деятельности.

В XVII—XVIII вв. апологетами антириторизма были Декарт и Спиноза. Неприятие Декартом риторики, как великолепно обнаружил Х. Перельман [Perelman 1977], зиждется на ошибке. Декарт ограничивал действие человеческого разума очевидностью. Аристотель чувствовал эту опасность, т.е. отнесение всего неочевидного в сфере иррационального, и потому не ограничивался в своей теории только аналитическими доказательствами, а ввел также доказательства диалектические. У Аристотеля рациональное познание покрывает также и области, ускользающие от доказательств и подчиненные аргументации. Аристотель рассматривал это пересечение психологии и логики не как ограничение эффективности разума, а, напротив, как расширение

его влияния. Декарт сузил рациональное познание, изгнав из него риторику. Критика Спинозы связывалась с пониманием им естественного языка как несовершенного инструмента. Примерно эту же мысль проповедовал Локк, утверждая, что спонтанная коммуникация осуществляется естественным языком, а любые фигуры речи или вообще переносные смыслы — результат несовершенства естественного языка. Подобная концепция отрицает не только риторику, но и искусство вообще. Антириторичен, хотя и с другой аргументацией, также и Кант.

Страстным сторонником необходимости восстановления в полном объеме риторики явился Б. Паскаль, который еще в XVII в. увидел возможности риторики и понял античную традицию. Его исследования практически предваряют неориторические работы бельгийской и американской школ неориторики XX в. Естественный язык, в понимании Паскаля, — не вариант, полный ошибок и непоследовательности, формализованного языка, а иное образование, требующее другого анализа. Существенную поддержку риторике в рядах философов оказал Ницше, читавший курс истории риторики в 1872—1873 гг.

Нам приходилось много писать о том, что в XX в. реабилитация риторики завершается [Безменова 1984; 1986; 1987; 1989]. Возникает пестрая картина течений и школ американской и европейской неориторики. В значительной мере роль риторики возрастает благодаря появлению новых типов коммуникации и новых типов демократии. Однако отношения между философией и риторикой в XX в. не становятся проще, хотя, например, в американском прагматизме философия поглощается риторикой и становится видом риторического текста. Философия начинает признавать существенную роль риторики в теории познания, логике и философии

права. Постепенно приходит осознание того, что восстановленная риторика (полный цикл) должна входить в школьное гуманитарное образование. Отсутствие риторики в гуманитарном образовании у нас в отличие от США пагубно сказывается на воспитании сильных языковых личностей, без которых демократия невозможна. В понятие языковой личности риторики обычно включает: 1) владение фундаментальными знаниями; 2) богатый информационный запас и стремление его пополнять; 3) владение основами построения речи соответственно определенному коммуникативному замыслу; 4) речевая культура (представления о формах речи, соответствующих коммуникативному замыслу).

За реабилитацией риторики в теории познания должно последовать ее возвращение в систему гуманитарного знания. Этот процесс будет происходить по мере накопления наших знаний по истории риторики и наших интерпретаций ее теории. Обе эти области — история и теория риторики, фрагменты которых рассматриваются в книге, — объемны и сложны для понимания. Теория разработана величайшими умами античности, когда человек стремился к полному овладению миром через логос, в котором мысль и слово находились в гармоническом единстве. Риторика создавалась как способ овладения этим единством и, как мы увидим далее, дала образец алгоритма мыслеречевой деятельности человека. Правила риторики, которыми изобилуют ее трактаты, позволяют увидеть основные этапы этого процесса.

Первая часть книги называется "Комментарий к теории", и этим названием автор хочет подчеркнуть свою убежденность в том, что теория риторики уже создана, и современным исследователям досталось лишь обширное поле интерпретаций. В первой главе сделана попытка описать центральную схему риторического ка-

нона в том виде, в котором его наследует европейское знание нового времени. Далее, в остальных главах первой части, анализируются основные направления новейшей риторики последних лет и обозначаются те проблемы, которые могли бы явиться предметом изучения для неориторов различных национальных школ. В отличие от классической риторики, поглощенной вопросами речевого воздействия, центральной проблемой неориторки, возможно, станет проблема речевого взаимодействия, лежащего в основе любой социальной интеракции.

Во второй части книги "Материалы к истории риторики (Франция XVI—XX вв.)" автор стремился к краткому и последовательному изложению истории одной из национальных риторических традиций — французской, и этот очерк, сопровождаемый Хрестоматией, в которой собраны некоторые образцы риторических текстов, призван быть не только историческим экскурсом, но и продемонстрировать широкий спектр идей, сформулированных риторикой в разные периоды ее развития.

Вообще теория и история риторики почти неразрывны, как и сама риторика, в свою очередь, тесно связана с культурными, политическими и иными факторами существования нации. В отечественной культуре риторика не получила существенного развития, чему способствовало немало обстоятельств. Тем не менее политическая тенденция к демократии, и прежде всего демонополизации трибуны, внушают оптимизм, и поэтому автор надеется, что небольшие сведения о риторике, содержащиеся в этой книге, могут принести читателю некоторую пользу.

ЧАСТЬ I

Комментарий к теории

ГЛАВА I

Схема концепции риторики

Дефиниции. Что такое риторика? При попытке осознать ее предмет следует прежде всего считаться"... с тем фактом что за 2500 лет ее существования сотни формул применялись для ее определения" [Florescu 1973, 6]. В наиболее общем виде могут быть выделены три главные группы дефиниций, сформулированные в исторически определенные периоды ее развития.

Первая группа, условно называемая греческой, трактует риторику как "искусство убеждения". Платон приписывает это определение Горгию, иногда авторство связывается с Исократом. Так или иначе, в греческой античности и в более поздние времена эта дефиниция являлась если не единственной, то центральной у Платона, Исократа, Аристотеля, Аполлодора и других философов и риториков. Ядром *officium oratoris* является концепт убеждения. Речь, призванная обратить в свою веру слушающего, оказывается основным типом текста, который представляла собой греческая риторика.

Вторая группа определений, связанная в большей мере с особенностями римской цивилизации, оказывается чрезвычайно влиятельной и удерживается вплоть до средних веков. Наиболее четкая дефиниция встречается у Квинтилиана: риторика — *ars bene dicendi* — "искусство говорить хорошо". *Bene* здесь означает оптимизацию речи как со стороны результата коммуникации, так и с точки зрения ее эстетической характеристики. С этого времени риторика начинает свое движение в сторону усиления интереса к литературно-языковой ком-

поненте текста и намечает тенденцию, негативно расцениваемую многими историографами как основную причину кризиса риторики в более поздние времена.

Третья дефиниция, характерная для средневековья и начального периода Возрождения, трактует риторику как *ars orandi* — "искусство украшения (речи)". Возникновение этого третьего "типа" риторики, по существу, является результатом указанной тенденции, приведшей к окончательному распаду синкретичности логоса: познание (мысль) и выражение (язык) начинают свое раздельное существование. Риторика испытывает на себе этот процесс, хотя и призвана изначально к укреплению мысле-речевого единства. Риторика как *ornare verbis* с этого времени опирается уже не только на устный, но и на письменный текст.

Каждое из трех перечисленных исторических определений риторики не может быть строго приписано определенному периоду ее развития: эти дефиниции лишь отражают объект с различных сторон. Возможность плюралистических взглядов на риторику тогда, как и теперь, объясняется прежде всего составом самой доктрины, объединяющей в себе некоторый глобальный цикл, названный нами **идеоречевым**. Описание и интерпретация главной риторической схемы, с большим или меньшим объемом модификаций сохраненной на огромном историческом интервале, — сложная задача. Далее предлагается синтез риторической доктрины, выявленный на основании того уровня понимания, который был достигнут в европейской риторике нового времени.

Предмет риторики. Во многих древних сочинениях рассказывается басня о божественном происхождении риторики: Юпитер призвал к себе Меркурия и приказал дать людям Риторику. Согласно этому мифу, риторика есть начало человеческой цивилизации. Объяснение этой фундаментальной роли, издревле припи-

сываемой риторике, кроется прежде всего в том факте, что риторика, какими бы ни были ее национальные очертания или социальный статус, занимается прежде всего Словом, "мощь и свобода которого, много раз подверженные в ходе истории тяжелым испытаниям, являются мерилom цивилизации" [Baneel 1869, 6].

В наиболее общем виде риторика есть искусство воздействия. В основе ее лежат две главные категории: понимание и воля. Искусство "направлять интеллект и действовать" предполагает внушение другому "мысли, чувства, решения, чтобы овладеть его разумом, сердцем и волей" [Pellissier 1894, 1]. Влияя на огромные массы людей, ритор формирует мнение, о котором Паскаль говорил, что оно правит миром. "Это очень серьезное искусство, — пишет один из французских риториков, — предназначено обучать людей, руководить страстями, исправлять нравы, поддерживать законы, руководить общественной деятельностью. Каждому изменению общественного мнения, каждой существенной идеологической вариации соответствует новое Слово, новая система текстов. У каждой Революции свои ораторы" [Bancel 1869, 7].

Когда-то в ответ на обвинение риторики в аморальности, идущее еще от греков, Монтескье ответил так: "Море поглощает корабли, затопляет города и страны, однако оно полезно людям". Свобода слова, всегда способствовавшая развитию риторики, есть вещь относительно полезная обществу, если она регламентируется, во-первых, правом, во-вторых, моралью. "Я думаю, как Цицерон, что оратор должен быть вскормлен принципами высокой философии и возвышенной морали" [Pellissier 1894, 7]. Иначе риторика, "эта весталка, превращается в куртизанку" (Там же, с. 11). Риторика должна служить природе и истине: "суть философии — убеждать, склоняя ум к истине; Риторика не ограничи-

вается убеждением ума, она стремится склонить волю” [Ordinaire 1866, 175].

Воздействие есть род деятельности; риторика, таким образом, это деятельность. Речь в риторике понимается в широком смысле как акт, направленное действие. Рассмотрение риторической доктрины как некоторой отвлеченной системы является поэтому операцией условной. Риторика — не комплекс знаний, вытекающих из абсолютных принципов. “Когда мы хотим описать теорию красноречия, мы не будем восклицать: вот он, истинный метод убеждения, — а скажем: вот средства, которые успешно использовали величайшие ораторы...” [Ordinaire 1866, 7].

Риторика как деятельность в классической интерпретации предполагает: 1) определенную природу (естество или врожденное качество); 2) метод, или системное изложение правил и рекомендаций; 3) практику, или упражнение в сочинительстве вкупе с изучением и имитацией моделей.

Риторика возникла, как отметил один из крупнейших французских риториков и грамматистов Дюмарсе, в результате наблюдения над “различными способами выражения и включает в себя все размышления, возникшие по прочтении и внимательном изучении величайших образчиков ума и красноречия” [Du Marsais 1793, 3]. Глубочайший, вековой эмпиризм, заложенный в риторике, и ее деятельностная концепция слова сформировали особый способ описания осознанного — в форме определенной системы правил. Способ этот со всей очевидностью проистекает от “тэхнэ” (“подражание природе”): описание риторическое линейно и последовательно разворачивается во времени, в подражание человеческим действиям, имеющим определенный алгоритм, начало и конец. Риторика “имитирует” процесс мыслеречепроизводства; система правил, составляющая осно-

ву описания, призвана оптимизировать этот процесс. Риторика а ргіогі не могла быть ограничена только ораторским искусством, и это великолепно понимали ее теоретики. Правила ее чрезвычайно общи и охватывают невероятно широкий диапазон "идея — слово", создающий полный идеоречевой цикл.

"После искусства мыслить, искусство говорить и писать — самое сложное" [Pellissier 1894, 2]. Мысль и слово в риторике связаны в логосе в довольно сложной зависимости, где определяющая роль принадлежит мысли. "Все искусство слова покоится на связи идей" — так полагают риторы [Bancel 1869]. "Связь идей есть аналогия; она же источник всех инноваций в языке и всех стилистических приемов" [Там же]. Состав схоластического тривия (грамматика, риторика, диалектика) не случаен и отражает строение логоса, так же, как и состав самой риторики — инвенция, диспозиция, элокуция. "Прагматический" способ построения риторики предполагает слово "обдуманное"; многие риторы цитируют шутливые слова Бершу: "... и все-таки прежде чем сказать, необходимо подумать" [цит. по: Bancel 1869, 31]. "Человек, достойный того, чтобы его слушали, — замечает Фенелон, — использует речь только для мысли, а мысль — только для истины и добродетели" [цит. по: Pellissier 1894, 7].

Слово в риторике — прежде всего речь. Речь (в современной науке "текст", "дискурс" и т.д. со многими неуловимыми интерпретационными различиями) этимологически связана с глаголом лат. *discourere*, означающим 'бегать в разные стороны'. Этимон этот, по-видимому, главный враг риторики: речь в рамках последней представляет собой некоторое цельное образование, построенное по определенным правилам и обладающее целенаправленным характером (т.е. вряд ли мо-

жет быть отождествлена с той "речью", которая переводит сосюрианскую *parole*).

Наиболее общей типологией речи в риторике является предпринятая Аристотелем во второй книге "Риторики". Вообще, интерпретация Аристотеля часто затруднительна из-за неопределенности объема введенных понятий. В данном случае, по-видимому, можно утверждать, что таким образом оказывается сформулированной типология речи по месту, времени и цели. Аристотелем выделяются три типа речей, называемых также "ораторскими жанрами": эпидейктическая, или демонстративная, речь порицает или восхваляет (цель); относится к настоящему и потому должна оперировать исключительно фактами (время); произносится, как правило, на торжественных собраниях в учреждениях (место). Речь делиберативная построена как совет, который оратор дает индивиду или коллективу (цель); поэтому относится всегда к будущему (время); в современной практике почти целиком принадлежит прессе (место). Юридическая речь посвящена защите или обвинению (цель); относится к прошедшему (время); произносится, как правило, в суде (место).

Речь в риторике почти исключительно монологична. Легко показать, однако, что риторический монолог всегда представляет собой *свернутый диалог*, а риторические правила призваны обеспечить это свертывание. Возьмем, к примеру, речь Цицерона, привлекающую внимание (правда, по другому поводу), одного из крупнейших французских риторов XVIII в. аббата Батте [Batteux 1793]. Цицерон, давно уже не державший речей в сенате, берет слово, чтобы поблагодарить Цезаря за прощение оклеветанного и впавшего в немилость Марцеллия. Оратор прекрасно осведомлен о крайнем недоумении, царившем среди сенаторов из-за его длительного молчания. Даем в переводе полностью

чрезвычайно лаконичную речь Цицерона и попытаемся ее проанализировать.

"Долго я хранил молчание. Но не из-за страха". "Мешала боль за друга". "Пока существует сострадание, нет места клевете". "Истина всегда торжествует".

Текст, вызвавший овацию римских сенаторов, оказывается почти непонятным читателю, если не восстановить ту систему внутреннего диалога, который оратор ведет со слушающими:

"Долго я хранил молчание". Это почти избыточная на первый взгляд фраза оказывается уместной не только как элемент вступления или констатация всем известного факта, но и как вызов на диалог для объяснения своего молчания, которое приписано его опасению оказаться неугодным Цезарю. Итак, аудитория вызвана на диалог, и ее первым вынужденным и спровоцированным молчаливым вопросом должен быть:

"Почему?" В самом деле, почему оратор хранил столь долгое молчание?

Ответ Цицерона скор и лаконичен:

"Но не из-за страха". Это "но" симптоматично: со всей силой отвергает оратор оскорбительное предположение публики о его боязни высочайшего гнева. Лаконичность ответа, поддерживающая напряженность момента, вызывает новый, уточняющий вопрос аудитории:

"Почему же тогда?" Ответ на этот "мысленный" вопрос должен быть точен, чтобы не вызвать крайнее раздражение аудитории, не выдерживающей драматической ситуации.

"Мешала боль за друга". Здесь Цицерон почти бросает вызов Цезарю, личным врагом которого был Марцеллий. Однозначность реконструкции внутреннего диалога в этом месте нарушается и далее можно предложить только вариант. По-видимому, аудитория должна отреагировать так:

“Почему же сегодня заговорил?”

“Пока существует сострадание, нет места клевете”. На афоризм ответа, как известно, нет, хотя и здесь публика вправе спросить, о чьем сострадании идет речь: Цезаря, которого за амнистию Марцеллия призван публично поблагодарить Цицерон, или самого Цицерона, страдавшего вместе с другом? Однако сильное слово *клевета*, брошенное почти как обвинение Цезарю, гонителю невиновных, снимает этот вопрос: сострадание жертве собственного злодеяния не может быть заслугой тирана. На какой же вопрос аудитории ответит следующая, финальная фраза речи Цицерона? По-видимому, вопрос этот должен быть таким:

“Кто же, если не Цезарь, способствовал твоей радости и реабилитировал Марцеллия?”

Цицерон отвечает утверждением, звучащим не банально в этой ситуации:

“Истина всегда торжествует”. Таким образом, не сенат, не Цезарь, а высшая справедливость — вот подлинный судья человеческих поступков. Не правда ли, удивительное похвальное слово Цезарю?

Батте в своем анализе этого небольшого выступления Цицерона оказывается очень близок к пониманию монологической речи, построенной как свернутый диалог, как цепочка вопросов и ответов реального говорящего и “мысленного” слушающего. Эта речь приведена Батте в качестве примера ораторской оранжировки, позволяющей контролировать внимание аудитории.

Для нас существенно то, что монолог в риторике есть наиболее общий вид текста, поглощающий диалогическую речь. Кроме того, связь, существующая между монологом и диалогом, подтверждается исторически: античное знание, формулируемое первоначально в форме диалогов, развивается впоследствии “монологично” в различных авторских письменных научных текстах.

Состав риторики. Все правила риторики делятся на три группы по трем основным частям, составляющим доктрину: правила инвенции; правила диспозиции; правила элокуции. Четвертой частью, составляющей классическую античную модель, было так называемое инсценирование речи (*Actio hypocrisis*), красноречие "голоса и жеста". Это искусство, имевшее полнокровное развитие во времена Цицерона, почти не унаследовано европейской риторикой (Описание некоторых его элементов см. в Приложении). Состав риторики определен античным каноном и включает:

Inventio — *invenire quid dicas* — букв. 'изобрести, что сказать'

Dispositio — *inventis disponere* — букв. 'расположить изобретенное'.

Elocutio — *ornare verbis* — букв. 'украсить словами'. Инвенция может называться также поиском аргумента; диспозиция — поиском порядка аргумента; элокуция — словесной орнаментацией. Соотношение частей риторики, обеспечивающее ее цельность и равновесие, делается очевидным после более пристального рассмотрения каждой из них в отдельности.

Инвенция. Поскольку речь в риторике рассматривается как разновидность целенаправленного поведения индивида, она управляема, т.е. может быть подчинена воле. Перед ритором, таким образом, прежде всего стоит выбор цели. Наиболее общие направления целей диктуются "ораторским жанром": порицание или восхваление, осуждение или защита, различного рода рекомендации и советы. Далее естественно возникает проблема темы. Выбор цели и темы называются в риторике "предварительной рефлексией"; оратор должен не только знать определенно, для чего и о чем он говорит, но и помнить об этом в каждый момент речи. "Есть несколько способов достичь инвенции, — пишет

один из раторов, — первый состоит в пристальном, упорном наблюдении себя, людей и вещей. Второй способ — наука, или наблюдение прошлого. Третий сводится к размышлению над приобретенным знанием и тщательным обдумыванием необходимых для изложения мыслей. Четвертый есть аналитическое и синтетическое изучение образцов и правильно выбранные, постепенно усложняющиеся упражнения в сочинении” [Bacon 1853, 388—389]. Прежде чем научиться говорить и писать, учит риторика, следует научиться мыслить.

Собственно инвенция (“доказательства” у Аристотеля) или *inventio* в латинской традиции имеет объектом обнаружение способов убеждения. Латинский эквивалент греческого слова — *inventio* — буквально означает ‘изобретение’. Эквивалент, по-видимому, неудачен, поскольку в значительной мере способствовал ошибочной интерпретации этого раздела риторики. Может сложиться ложное впечатление, что речь идет об “изобретении”, “выдумывании” доказательств в смысле поиска чего-то там, где ничего нет. В первой книге “Риторики” Аристотель уточняет свое определение: задача инвенции — нахождение тех средств убеждения, которые содержат выбранный объект.

Схема инвенции состоит из трех частей, традиционно именуемых: нравы; аргументы; страсти. Основное рассуждение, связывающее разделы Инвенции, таково: поскольку каждый оратор обращается к аудитории, к людям, должно подумать о производимом на них впечатлении (использование “нравов”). Выбор аргументов чрезвычайно важен, но представление их в защиту своих мыслей никогда не достигнет цели, если оратор не вызовет ответной эмоциональной реакции (использование “страстей”).

Под понятием “нравы” в риторике подразумеваются прежде всего качества, позволяющие оратору: устано-

вить контакты с аудиторией; утвердить свой авторитет. К таким ораторским добродетелям традиционно относятся: серьезность (надежность), скромность, доброжелательность и осторожность. Так, у Буало: "Пусть ваша душа и нравы, отражаемые в ваших сочинениях, дают о вас только благородное представление".

Очевидно, что не всегда реальный моральный облик оратора совпадает с его показным, "сделанным" обликом. Лучший и надежнейший способ иметь ораторскую мораль — иметь мораль подлинную.

Правила: 1) продемонстрировать серьезность, скромность, доброжелательность и осторожность; 2) избегать всего, что может создать впечатление несправедливости, зла, лжи и т.д.; 3) преимущественно использовать "нравы" во вступлении; 4) остерегаться аффектации и строить свою речь таким образом, чтобы чувства сами собой "вырисовывались" из слов оратора.

Представить аудитории убедительные аргументы в доказательство своей правоты — главная задача оратора. Изучение различных способов доказательств включает в себя изучение собственно аргументов и так называемых "общих мест". Аргументом в риторике называется форма рассуждения, имеющая целью из известных положений вывести новое. Приведем главные виды аргументов.

Силлогизм (две посылки, один вывод). Более всего свойствен научному доказательству, принятому в логике.

Энтимема (греч. "представление", "концепция"). Вид силлогизма, более принятый в риторике: одна из посылок остается неявной (в "уме"), невыраженной в речи, и силлогизм сводится к двум положениям (антецеденту и следствию). У Гомера: "Смертный, не храни бессмертной ненависти".

Эпихерема (греч. 'рассуждение') — развернутый силлогизм. Ср., например: а) собственно силлогизм: "Следует любить то, что облагораживает. Изящные искусства облагораживают. Следовательно, надо любить изящные искусства"; б) развернутый силлогизм, или эпихерема: "Кто может не любить изящные искусства? Они обогащают наш ум, смягчают наши нравы; именно они совершенствуют род человеческий. Самолюбия и здравого смысла достаточно, чтобы понять их неоценимую пользу и необходимость развития" [Batteux 1793, 294].

Дилемма: разновидность сложного силлогизма (две противоположные посылки и одно заключение). Из Тита Ливия (реакция Римского сената на уговоры Тарквиниев вернуть им имущество, блага и права): "Не вернуть им их — дать предлог к войне; вернуть — предоставить им оружие и средства нападения".

Сорит (цепочка связанных положений): "Верующий человек почитает Бога; тот, кто чтит Бога, чтит его заветы; один из заветов — милосердие к ближнему; милосердие предупреждает преступление, облегчая страдания и нищету; предупреждение преступлений служит интересам государства. Следовательно, верующий человек служит интересам государства" [Batteux 1793, 301].

Кроме классификации по форме рассуждения, аргументы могут рассматриваться также по источнику, происхождению.

Пример (силлогизм, одной из посылок которого является исторический факт или интересное событие).

Индукция (общий вывод, проистекающий из различных частных примеров).

"Личный" аргумент (*ad hominem*) (вывод, проистекающий из посылок, действий или слов оппонента, противопоставленных оратором своим собственным по-

сылкам, действиям или словам). Слова Фигаро из комедии Бомарше: "Судя по добродетелям, требуемым от слуги, Ваше сиятельство, много ли есть господ, достойных стать слугами?"

Основные отличия ораторской аргументации от философской (логической): словесные украшения, сопровождающие речь оратора; следствие, опережающее посылку.

Правила: 1) доказательства — основа ораторской речи; 2) доказательства следует не столько умножать, сколько взвешивать; 3) отбрасывать аргументы, которые могут быть опровергнуты.

Учение о страстях, или патетика, — третья, завершающая часть инвенции. В основе классической патетики лежит представление о двух главных страстях — Любви и Ненависти, формирующих все другие, второстепенные чувства. Причина успеха Демосфена у греческой публики, замечает Пеллиссье, вовсе не отточенная техника декламации, как принято считать, а развитая патетика, воплощенная в страстном патриотизме [Pellissier 1894].

Правила: 1) призывать на помощь чувства только применительно к потенциально патетическим объектам; 2) приберечь чувственный эффект к концу выступления; 3) избегать излишней чувствительности, вызывающей насмешку, и наоборот — сухого изложения.

Отношение между учением о нравах, аргументах и патетикой — тремя основными разделами инвенции — определяется прежде всего триединой целью оратора: привлечь нравом, убедить аргументом, тронуть чувством. Приведем общие правила инвенции, соблюдение которых обязательно для каждого оратора (и сочинителя): 1) нравы, аргументы и страсти должны "сотрудничать" во имя единой цели — убеждения; 2) один из трех способов должен быть выбран как доминиру-

ющий; 3) нравы и страсти более всего подходят для сочинений, адресованных "слабым, чувственным лицам и молодежи" [Pellissier 1894, 58]; 4) аргументы должны превалировать в речи, обращенной к людям степенным и разумным; 5) злоупотребление нравами и страстями легко высмеивается; 6) "размышление, опыт и внимательное изучение наследия великих учителей необходимы для формирования вкуса, который диктует правильный выбор и меру, без которых сочинительство всегда напрасно".

Кроме собственно доказательств, к системе Инвенции относятся также "общие места" аргументов. Аристотель и все логики, переводившие и комментировавшие "Органон" и "Риторику", подчеркивали, что все сюжеты, темы, объекты ораторского выступления имеют некоторое сходство и могут рассматриваться с общих точек зрения. Такое "сходство" может быть внутренним, исходящим из самого предмета — внутреннее общие места, и внешним, исходящим из посторонних свидетельств — внешние общие места.

Определение (дефиниция). Представляет собой доказательство, почерпнутое из самой природы объекта. Сюда же относится так называемое "перечисление частей" — видородовая характеристика. Например (от рода к виду): "Если народ должен защищать свои права, каждый гражданин должен делать то же". От вида к роду: "Если долгом каждого гражданина является защита своих прав, долгом всей нации является то же... Существо или вещь есть род, тело и душа которых есть вид" [Pellissier 1894, 37].

Сравнение. Представляет собой вывод из отношений между двумя вещами или мыслями. Противоположность — антитеза.

Обстоятельство. Представляет собой причинно-следственную характеристику описываемого объекта.

К внешним общим местам риторика относит любую дополнительную аргументацию не обязательно логического характера: постановления, законы, титулы, положение в обществе, свидетельские показания, словом, любую информацию об интересующем объекте. Этот раздел инвенции наиболее слабо разработан классической риторикой.

Для адекватной трактовки инвенции существенно понимание того факта, что она не есть поиск (каких угодно) аргументов в пользу априорной точки зрения, а прежде всего идеологический анализ выбранного объекта (темы). Другими словами, инвенция предполагает дифференциацию темы, обусловленную выбором определенной аргументативной стратегии. Используя некоторую селекционную "решетку" данных (общие места), ритор осуществляет таким образом отбор элементов, необходимых и достаточных для понимания существа объекта и последующей его "вербализации". Эта селекция должна находиться в прямой зависимости от дискурсивной ситуации, характеризующейся тремя типами параметров, связанных с отправителем сообщения ("нравы"); с получателем сообщения ("страсти"); с темой сообщения ("аргументы").

Первый тип параметров обуславливает способ трактовки темы в зависимости от роли и места, диктуемых определенным "ораторским жанром", а также сообразно тому образу себя, который оратор предполагает создать у аудитории ("нравы").

Второй тип параметров определяет способ трактовки темы, связанный с предполагаемой реакцией аудитории, в значительной мере также определенной "ораторским жанром". Для "манипулирования" аудиторией могут быть использованы знание "предрасположенности", настроения публики, эмоций публики.

Третий тип параметров выявляет источники ("об-

щие места”), раскрывающие тему (“аргументы”). Категории, известные в риторике под названием “общие места”, представляют собой субконцепты, составляющие в наборе целую тему. В каждой данной дискурсивной ситуации, определяемой “ораторским жанром”, они позволяют выявить потенциальные возможности темы.

Таким образом, к моменту реализации инвенции и переходу к диспозиции в распоряжении оратора оказывается “обработанная” (естественно, в результате “мысленного эксперимента”) тема, представленная необходимым в данной дискурсивной ситуации набором субконцептов. Инвенция есть этап “упорядочения” мысли, открывающий тройной состав операций идеоречевого цикла.

Диспозиция. Греч. *τάξις*, лат. *dispositio*. Следующий этап, продолжающий риторический путь “от мысли к слову”, — диспозиция. Батте писал: “Соотношение частей предмета не является чисто эстетическим требованием, как, например, в картине или букете, а обеспечивает прочность зданий и силу армии на поле боя. Оба этих фактора прослеживаются и в красноречии” [Batteux 1793, 264]. Эти слова вскрывают главный смысл диспозиции: “аранжировка элементов, полученных в результате инвенции, для наилучшего убеждения аудитории” [Pellissier 1894, 60].

Прежде чем высказать некоторое суждение о том, что представляет собой диспозиция, следует, как и в случае инвенции, дать ее систематическое описание, следуя принятой риторической схеме.

В каждом произведении наличествуют две главные части: введение в тему (“аннонсирование сюжета”) и ее развертывание (“приведение доказательств”). В геометрии это называется соответственно теоремой и доказательством. Сочиняемая речь (потенциальный текст)

обычно делится на шесть частей, называемых в риторике "части речи": введение; предложение, или теорема; повествование; подтверждение; опровержение; заключение.

Правила: 1) помнить о том, что "ничто беспорядочное не может быть ни прекрасным, ни добрым" [Pellissier 1894, 64]; 2) помнить о цельности сочинения и с этой целью кратко, в одной фразе, резюмировать и держать в уме свое мнение по поводу излагаемого сюжета; 3) введение в тему и изложение задач должно быть как можно более кратким; 4) для менее значительных тем диспозиция может быть ограничена тремя основными частями: вступлением, подтверждением и заключением; 5) в порядке частей возможны некоторые модификации. "Замечания, высказанные риториками касательно ораторской композиции, могут быть распространены на литературную композицию; не существует такого, пусть даже самого скромного сочинения, которое не выиграло бы от применения этих правил" [Pellissier 1894, 66].

Первая "часть речи", рассматриваемая в диспозиции, — введение. Главная задача введения — расположение в свою пользу аудитории. Различаются три вида введений: простое (введение в предмет "согласно теме речи"); косвенное, применяемое в тех сложных для оратора случаях борьбы с явно враждебной аудиторией (например, введение в речи Цицерона против аграрного закона); так называемое введение *ex abrupto*, специфический и редкий случай резко эмоционального начала (пример из одной из знаменитых речей Цицерона Катилине: "Доколе же ты, Катилина, будешь испытывать наше терпение..."). По Цицерону и Паскалю, введение должно писать последним.

Правила: 1) обратить особое внимание на введение, от которого в значительной мере зависит успех

всего сочинения в целом; 2) использовать "нравы; 3) сочинять введение, исходя из существа рассматриваемой темы, не допуская "забегания" вперед; 4) писать введение последним; 5) избегать как банального, так и излишне экстравагантного введения; 6) стиль введения прежде всего должен быть доступным.

Предложение (теорема) — необязательный этап диспозиции; Фенелон в "Диалогах с красноречии" вовсе отрицает его необходимость. Предложение в некотором смысле дублирует инвенцию: оно состоит из "разложения" темы на составные сюжеты и представления ее в резюмированном виде. Необходимость включения предложения в состав диспозиции возникает при сложном и неочевидном характере темы.

Повествование, или наррация, включает в себя прежде всего изложение фактологического аспекта темы, составляющего основу всей композиции. Факт может быть представлен различно без нарушения субстанции. В частности, в риторике существует наррация историческая и наррация ораторская. Так, факт убийства Клавдия рабами Милона может быть описан: историком ("Рабы Милона убили Клавдия"); или оратором (здесь: защитником в суде) ("И тогда рабы Милона совершили то, что каждый из нас хотел бы, чтобы его рабы сделали при подобной встрече"). Наррацию часто сопровождает описание (предметов, мест и лиц).

Правила: 1) повествование должно затрагивать только основные факты, имеющие непосредственное отношение к теме; 2) факты должны находиться в соответствии с действующими лицами, т.е. быть правдоподобными; 3) наррация должна быть краткой и четкой; 4) интерес ко всей речи в значительной мере зависит от интереса, вызванного наррацией; 5) наррация должна сопровождаться описанием, которое оживляет сухие факты; 6) для описания существенно выбрать наиболее

выгодную точку зрения; 7) при описании избегать расплывчатости и излишних деталей; 8) место описания — в начале повествования.

"Часть речи", следующая за повествованием, носит название подтверждения, или конфирмации. Именно на этом этапе оратору предстоит развернуть аргументацию, от которой зависит успех речи. Основная задача подтверждения — доказательство истинности посылок, выдвинутых в предложении.

Правила: 1) в подтверждении должны быть собраны воедино все замечания касательно применения необходимых доказательств; 2) с этой целью осуществить ревизию всех общих мест, рассмотренных в инвенции; 3) при выборе аргументов менее заботиться об их количестве, нежели их качестве; 4) наилучшим признается так называемый гомеров порядок: вначале сильные аргументы, затем масса доказательств средней силы, в конце — один наиболее мощный аргумент; 5) тщательно избегать нисходящего порядка аргументов; 6) сильные аргументы следует изолировать и преподносить в самой простой форме, слабые — группировать по нескольку для "самоподдержки".

Последний этап диспозиции — заключение.

Правила: 1) заключение должно содержать резюме аргументации, развернутой в подтверждении, и вызвать эмоции публики; 2) заключение требует точности изложения и разнообразия в стиле; 3) из подтверждения отбираются наиболее сильные места; 4) при использовании "страстей" следует помнить об умеренности; 5) стиль заключения должен быть живым и эмоционально-насыщенным.

Диспозицию обычно представляют как некоторый подчиненный логическим основаниям раздел теории литературной композиции; каждый школьник в той или иной степени знаком с ее правилами. В рамках клас-

сической концепции диспозиция имела, по-видимому, и другой смысл. Как мы видели, в результате инвенции тема (референт) оказалась расчлененной на некоторую парадигму субконцептов, позволяющую "визуализировать" ее содержание. Мысль, таким образом, конкретизируется и упорядочивается. Диспозиция есть следующий этап "подготовки" темы к словесной реализации: Основное содержание диспозиции — синтагматическая экспозиция референта. Главной причиной, по которой этот этап идеоречевого цикла оказывается необходимым и непосредственно предшествующим элокуции как этапу собственно вербализации, являются два фундаментальных свойства речи — линейность и дискретность. Набор субконцептов не может сразу "стать" речью, поскольку имеет нелинейную конфигурацию. Эти особенности речи, к которым можно добавить также и связность, были прекрасно известны риторам. Выявление этих текстовых характеристик не является таким образом специфической заслугой современной лингвистики. "Попробуем представить себе, — пишет Батте, — как входят в нас идеи" [Batteux 1793, 264]. Совершенно очевидно, что зрительное восприятие (например, пейзаж) принципиально отличается от восприятия текста. В первом случае "мысли входят в наше сознание толпой" (Там же, с. 165), без соблюдения сколько-нибудь заметного порядка. Второй случай представляет разительный контраст. "Поскольку слова могут продуцироваться только поочередно (одно за другим), то и мысли, привязанные к этим словам, появляются друг за дружкой, достигая таким образом сознания слушающего" (Там же).

Линейный способ организации речи таким образом "провоцирует" определенную линейность в концептуальной структуре темы. Именно эта задача и решается в диспозиции: элементы инвенции перегруппировыв-

ваются и выстраиваются в ряд. Их словесное "наполнение" осуществляется на следующем, финальном этапе идеоречевого цикла.

Элокуция (греч. λέξις, лат. *elocutio*). По определению, сформулированному Аристотелем в "Поэтике", этот раздел риторики представляет собой словесное оформление мысли, то есть этап собственно текстообразования. Элокуция — наименее разработанная область классической античной риторики, подвергшаяся в новое время значительной трансформации. Европейская риторика нового времени, по существу, заново создает элокуцию, расширяя рамки устоявшихся схем и наполняя старые новым содержанием. Во второй части книги, посвященной истории французской риторики, будет сделана попытка дать представление о риторическом концепте стиля и его эволюции, о некоторых парариторических учениях (например, о теории перевода), составлявших, в частности, предмет элокуции в том виде, в котором она развивалась в Европе в новое время. В элокуции было высказано немало идей и сформировано немало концепций, в значительной мере предвосхищавших развитие языкознания, философии языка, лингвистики в целом (теория синонимии Дюмарсе, теория "искусственной" просодии Батте и некоторые другие, рассматриваемые подробно в Хрестоматии). Именно поэтому элокуция вызвала, как мы увидим далее, особый интерес современных французских лингвистов и семиологов и в значительной мере способствовала самым своим существованием риторическому ренессансу последних лет.

Существенно, что элокуция, как инвенция и диспозиция, имеет специфический смысл только внутри риторической схемы как ее неотъемлемая часть. Содержание ее может быть представлено (очень обобщенно) следующим образом: общие наблюдения над различны-

ми грамматическими формами и конструкциями (предложение, фраза, период); описание и классификация риторических фигур; суждение об основных характеристиках стиля и его разновидностях; учение о "формах" стиля и его разновидностях; учение о "формах" речи (проза и поэзия).

Кроме наиболее общих представлений об организации мысли, выдвинутых в инвенции, и наиболее общих способах организации текста, составляющих диспозицию, риторы, "спускаясь" все "ниже" и "ниже" к слову, не могли не видеть других, более мелких образований "дотекстового" уровня, регулярно участвующих в процессе текстообразования. Прежде всего очевидным было существование логической конструкции ("ораторская фраза"), состоящей из пяти частей: имя, выражающее субъект в предложении; глагол, выражающий действие; глагольное дополнение, на которое переносится действие; наречие или любой другой элемент, выражающий обстоятельство действия; предлог. Кроме того, выделены были (еще Аристотелем) три вида других конструкций: предложение или выражение простого суждения; фраза, или связка суждений, образующая умозаключение; период, или связка умозаключений, служащая полному раскрытию развернутой концепции. В риторике выдвинута гипотеза об уровневой организации текста: "если природа создала определенные законы для взаимной аранжировки слов (в предложении), то они должны сохраняться и для частей в периоде, и для периодов в целой речи" [Batteux 1793, 290]. Идея об аналогии в композиции мелких и самых крупных элементов языка, как известно, оказалась чрезвычайно популярной в наше время.

Принцип аналогии всегда был спасительным для риторики: если, однако, на "доязыковом" уровне (в ин-

венции и диспозиции) он функционировал очень успешно, то чем далее риторика углубляется в язык, тем слабее оказываются логические связи. Жесткая связка "мысль—слово" ослабляется, но риторика нигде окончательно не упускает ее из виду. Так, после введения наиболее общих понятий о предложении, фразе и периоде, риторы, по-видимому, задали себе вопрос уже не о способах, а о формах выражения мысли. "Способы выражения, в которых было замечено только одно свойство — выражение мысли, были названы просто фразами или периодами. Другие способы, в которых мысль не только выражается, но и приобретает особую форму, придающую ей характерные особенности, были названы фигурами. От обычного выражения или фразы их отличает наличие специфически выраженной формы" [Du Marsais 1793, 7—8].

Интерпретация риторического понятия "фигура" сложна прежде всего потому, что оно не получило достаточного освещения ни в классической античной риторике, ни в более поздней — европейской. По-видимому, здесь имплицитно вводится понятие некоторого гипотетического "О" нормы, нейтральной речи, "чистой" мысли, адекватно отраженной словом. Любая модификация такой "нейтральной" речи представляет собой фигуру.

Классификация фигур — предмет особой заботы риториков. В каждой риторике предприняты попытки не только пополнить таксиномию, но и создать новые основания для типологии.

Согласно традиции, идущей от Цицерона, фигуры делятся на два больших класса: фигуры мысли (*figurae sententiarum schemata*) и словесные фигуры (*figurae verborum*). Основное различие между этими двумя большими классами фигур состоит в том, как учит Цицерон в третьей книге "*De Oratoria*", что

фигуры мысли зависят исключительно от воображения или изменения мысли: фигура остается одной и той же, даже если в ней заменить все слова (пример — прозопопея). Фигуры же слов, напротив, исчезают при замене слов, зависят от них. Например, когда мы пишем *сто парусов*, где слово *парус* заменяет слово *парусник*, образуется фигура. «Сделаем обратную замену "парус" на "парусник" — мысль сохраняется, но фигура исчезает» [Du Marsais 1793, 113]. Известны четыре типа словесных фигур:

Фигуры дикции. Название, по замечанию Дюмарсе, принадлежит грамматистам; эти фигуры затрагивают изменения в буквах или слогах. Пример: синкопа.

Фигуры конструкции. Представляют собой выражение смысла за "счет грамматической конструкции" [Там же 1793, 14]. Пример: силлепс — "Большинство людей говорят" вместо правильного "Большинство людей говорит".

Фигуры, в рамках которых слова сохраняют свое прямое значение. Пример: повтор.

Тропы, т.е. фигуры с переносным смыслом слов.

Уже на уровне главной классификации элокуции на фигуры мысли и фигуры слов у многих риториков возникают параллельные соображения. Так, некоторые полагают, что все фигуры носят в целом смешанный характер: "...где затронутое слово, затронута мысль" [Baron 1853, 279]. Вместо классической структурно-семантической классификации предлагается логико-семантическая: "Вместо того чтобы заниматься элементами текста (словом, оборотом или конструкцией), входящими в состав фигур, следует проникнуть в самую суть последних и задаться целью определить их назначение и способы достижения через них риторической задачи" (Там же, с. 298). Все фигуры делятся на классы в зависимости от: 1) сближения идей для

выявления их сходства или различия. К этому первому — относятся все виды сравнения, метафоры, метонимии, синекдохи, аллегории, аллюзии, гиперболы, литоты, металепсы, прозопопеи, а также антитеза и ирония; 2) развития или контракции выражения мысли. Ко второму — все виды перифразы, амплификации, синонимии, градации, плеоназмов, а также дизъюнкции, эллипсис, силлепс; 3) изменения формы мысли. Этот класс содержит: вопрос, восклицание, апостроф.

Известна также "уровневая" схема Фонтанье: 1) фигуры дикции; 2) фигуры конструкции; 3) фигуры элокуции; 4) фигуры стиля; 5) фигуры обозначения; 6) фигуры выражения, или тропы; 7) фигуры мысли [Fontanier 1968]. Критикуя Фонтанье, Барон [Baron, 1853] выдвигает ряд соображений по поводу необходимости рассмотрения некоторых фигур (дикции и конструкции) в курсе грамматики.

Особое значение в риторике имеет такая разновидность словесной фигуры, как троп. Изучению ее посвящен раздел элокуции — тропология. В наилучшем виде она представлена у Дюмарсе (подробнее см. Хрестоматию — прим. авт.).

Тропами называются фигуры, с помощью которых слову придается значение, отличное от прямого его значения. Слово понимается, таким образом, в расширительном смысле: часто семантически модифицированными оказываются разнообразные словесные конструкции, выходящие за границы слова и даже предложения.

Слово *троп* связано этимологически с лат. корнем *trepo*, что означает 'поворачивают, верчу': смысл как бы поворачивается, изменяется.

Переносный смысл, создающий троп, — результат определенной модификации прямого смысла. Прямым смыслом слова в риторике называется "первое обозна-

чение: слово употреблено в прямом смысле, когда оно обозначает то, почему оно так названо" [De Marsais 1793, 21]. *Огонь жжет, свет светит...* но: *огонь ваших глаз, свет вашего ума* и т.д. уже в переносном смысле. Происхождение, "первопричина" переносного смысла поясняется так: "Связь, наличествующая между попутными мыслями... есть источник и принцип производства различных вариантов переносного смысла. Любой объект, который произвел впечатление, всегда сопровождается различными характерными обстоятельствами, с помощью которых впоследствии часто обозначаются или сами эти объекты... или другие, воспоминания о которых они рождают... Имя попутной идеи, сопровождающей обстоятельства, часто больше говорит воображению, чем имя главной идеи... Отсюда знак вместо означаемой вещи, причины вместо следствия, часть вместо целого... и все прочие тропы..." [Там же 1793, 24].

Основное назначение тропов: выявление главной мысли; придание большей живости выражению; орнаментальное значение; облагораживание речи; сокрытие грубых, непристойных или неподобающих мыслей; обогащение языка с помощью умножения значений слова.

Главным условием производства переносного смысла оказывается простота, "первичность" слова. Чем проще слово, тем чаще оно встречается в переносном смысле: значения слов *тело, душа, голова, цвет, иметь, делать* и т.п. чаще других приобретают переносный смысл.

Спор о субординации тропов, по-видимому, возник вместе с рождением самой риторики. Еще Квинтилиан в "Institutae oratoria" упоминает о дискуссиях между грамматистами и философами по поводу логического основания тропологии. Иногда признают наличие только четырех основных видов тропов: метафоры, мето-

ними, синекдохи и иронии, а остальные тропы, по мнению многих авторов, относятся к ним как вид к роду.

Вообще, европейская риторика совершила определенное поступательное движение и попыталась усовершенствовать классическую систему. Наименования тропов в аристотелевской логике часто путались (то же у Цицерона), а сам Аристотель, по замечанию Дюмарсе, "все называет метафорой".

"Перенос" смысла, лежащий в основе образования тропа, как отмечают многие риторики, захватывает весь язык целиком и обеспечивает его внутреннее развитие. Дюмарсе приводит несколько видов "переноса" смысла, существующих в языке:

1. Определенный смысл/неопределенный смысл (*он верит; верят*).

2. Активный смысл/пассивный смысл (*писать письмо; письмо написано*).

3. Абсолютный смысл/относительный смысл (*солнце сверкает; солнце больше, чем земля*);

4. Коллективный смысл/индивидуальный смысл (*женщины любят говорить; (эта) женщина говорит*).

5. Ясный смысл/двусмысленность (лежащая в основе полисемии) (из Мольера: "— Каким языком вы хотели бы пользоваться при разговоре со мной? — Тем, который у меня во рту").

6. Игра слов. Выделяются два вида "игры слов": аллюзия, или экивок; параномаза.

7. Полный смысл/разделенный смысл (из Евангелия): "Слепые прозревают, хромые ходят" представляет собой "разделенный смысл" (слепые уже не есть слепые, хромые уже не есть хромые). "Слепые не видят" — пример "полного смысла".

8. Буквальный смысл/духовный смысл. В сказках, мифах, как замечает Дюмарсе, мы всегда сначала сталкиваемся с некоторым буквальным, "простым"

смыслом и только позже возникает определенный духовный смысл (то же характерно для Библии). Любая интерпретация литературного текста должна начинаться с анализа буквального смысла.

9. Авторский смысл. Один из видов — пародия. Букв. *пародия* означает 'песнь, сложенная в подражание другой песне'.

10. Абстрактный смысл/ конкретный смысл: "заметьте, что существует определенная разница между созданием отвлеченного смысла и использованием абстрактного слова" [Du Marsais 1793, 251].

Полный список тропов у риториков оказывается очень длинным. Обычно основными тропами, получающими независимое определение, признаются одиннадцать: метафора, синекдоха, метонимия, антономаза, оноματοпεια, катахреза, эпитет, аллегория, ирония, перифраза, гипербола [Le Gras 1671]. Могут также включаться силлепс, антифраза, аллюзия. Несколько иная тропология создана Фонтанье [Fontanier 1968]; в поздних риториках приводятся три главных тропа: метафора, метонимия и синекдоха [Pellissier 1894]. Примеры дефиниций тропов у различных французских авторов широко представлены в Хрестоматии.

Говоря о пользе тропологии, Дюмарсе шутливо замечает: «Естественно, знание тропологии не пригодится господам типа мольеровского Журдэна, который уверенно утверждал, что проза не поможет вести счета или прилично содержать дом. Тем, однако, кто желает "привести в систему мысли, возникающие из слов, (риторика) поможет выявить истинный смысл речи"» [Du Marsais 1793, 19].

Завершающий раздел элокуции — учение о стиле и о жанрах. В каноне стиль был определен "колем" Вергилия (возможно, приписанным ему в средние века). Аристотелем и Горацием обрисована теория жан-

ров (выделяется пять известных жанров для поэзии и четыре для прозы). В классической схеме определенному жанру соответствует определенный тон (стиль), определенному тону — определенный набор фигур. Жесткость этой связи оказывается устраненной во французской риторике. И хотя выявляются "обязательные" характеристики стиля, как, например, связность, четкость, чистота, изящество и т.д., в целом стилистика оказывается чрезвычайно разнообразной. Наиболее существенной инновацией учения оказывается теория "искусственной" просодии Батте (подробнее — в Хрестоматии).

Элокуция — завершающий раздел идеоречевого цикла, в котором реализуется переход от концептуального уровня к языковому. В классической схеме цикл завершался даже на фоническом уровне. К сожалению, как отмечалось, искусство "инсценирования" речи (*actio hypocrisis*) оказалось вне внимания более поздних европейских риториков. Таким образом, путь от самого отвлеченного понятия до произнесенного слова, как мы видим, достаточно подробно прослеживается через инвенцию, диспозицию и элокуцию. Непосредственно в самой элокуции осуществляется "вербализация" мысли. На этой стадии определяется: 1) выбор слов, понимаемый не только как тщательная селекция уместных лексических единиц (простых или сложных, неологизмов или архаизмов), но и как отбор слов определенной фонической конфигурации (слова короткие или длинные, ассонантные или диссонантные) и слов уместной категориальной принадлежности (артикль, имя, глагол и т.д.); 2) выбор фигур, понимаемый не только как стилистическая процедура, но и как набор аспектов вербализации; 3) выбор общего построения фразы (ритм, ораторская фраза, период).

Все это пестрое многообразие получает свой системный стержень, если осознать, что оно соответствует разнообразным экспрессивным возможностям реализации одной идеи. Одна мысль и множество речевых "одежд" (слово и синоним, фраза и перифраза, метафора и другие способы переноса смысла) — центр элокуции, связывающий ее одновременно с двумя другими разделами риторики, где эта мысль проходила "довербальную подготовку". Элокуция (а в классическом каноне — *actio hypocrisis*) завершает идеоречевой цикл, реализуя словесное оформление того набора субконцептов, который предлагает инвенция и "линеаризует" диспозиция.

Риторика как интегральная программа "трансформации" идеи в слово, таким образом, содержит: 1) идеологический анализ темы (референта) с последующей ее субкатегоризацией = инвенция; 2) линейную экспозицию референта = диспозиция; 3) вербализацию референта, или собственно текстообразование = элокуция (*actio hypocrisis* на паравербальном уровне).

Правила идеоречевого цикла, которые описаны в главе, обеспечивают не только адекватное построение каждой из частей риторики как системы, но и образуют связь между частями, позволяющую видеть в риторике огромное целое. Техника ораторского выступления, известная под названием "риторика", при более внимательном рассмотрении оказывается завершенной моделью речевой деятельности, описывающей полный цикл, названный здесь идеоречевым.

Риторика как логика неформального суждения

Неориторическая теория аргументации. Представление о риторическом идеоречевом цикле как о модели речевой деятельности, очерченное выше, является собой только фрагмент того сложного концептуального единства, которое создает риторику. Анализ творчества Аристотеля и других классиков риторики привел некоторых современных исследователей к интерпретации риторики как теории аргументации.

Создателем неориторической теории аргументации явился Х. Перельман — профессор логики, морали и философии Брюссельского университета (Бельгия). Значительное число публикаций Х. Перельмана в области философии риторики уже с 50-х годов XX в. привлекает внимание исследователей к его творчеству и к предложенной им интерпретации риторики.

В предисловии к одной из своих книг Х. Перельман пишет: "Сегодня я настаиваю на роли риторики, потому что мои исследования убедили меня в большом значении этой дисциплины для современной мысли" [Perelman 1977, 6].

Внимание бельгийского ученого к риторике было привлечено практически случайно. Исследователя интересовали вопросы юриспруденции. Для решения целого ряда юридических проблем исключительное значение имеет вопрос о ценностных суждениях. Каким образом вообще можно рассуждать о нравственных, эстетических и других ценностях? Известен скептицизм позитивистского решения вопроса, когда любые ценностные суждения признаются лишенными познавательной ценности. Однако, как замечает Х. Перельман,

вряд ли такой подход может быть признан удовлетворительным, так как, если вслед за позитивистами признать отсутствие когнитивности за любыми ценностными суждениями, тогда такое рассуждение самих позитивистов, отрицающих любую "практическую" философию, не имеет смысла и ценности. Вопрос может быть сформулирован скорее следующим образом: являются ли суждения о некоторых "первичных" ценностях, например о принципах нравственности, только выражением наших традиций, предрассудков, страстей, т.е. иррациональной сферой, или же существует некоторая возможность рационального подхода к проблеме. Иными словами, существует ли логика ценностных суждений? Чем может быть такая логика? Как ее построить?

Прежде всего необходимо было, как это сделал в свое время Г. Фреге, анализирувавший операции, позволяющие математикам прийти к доказательству теорем, рассмотреть тексты моралистов, философов, политиков, ораторов и т.д., в которых ставилась задача пропаганды каких-либо нравственных понятий, линии поведения, определенного выбора между ценностными категориями и т.д. Когда такая работа была проделана, автор обнаружил, что такая дисциплина есть, имя ей — риторика. Так, в поисках логики ценностных суждений Х. Перельман "открывает" старинное "искусство убеждать", истоки которого прослеживаются от софистов (V в. до н.э.), Исократа и канонических текстов Аристотеля.

Риторика, интерпретируемая Х. Перельманом как "логика неформального суждения", описывается следующим образом.

Вся греко-латинская традиция риторики учит, что ценностные суждения в отличие от математических доказательств не могут быть ни формально коррек-

тными дедукциями, ни индуктивными умозакключениями, идущими от частного к общему, а являются различными видами аргументов, развернутой аргументацией, позволяющей "подготовить умы к восприятию идей, которые представлены к их одобрению" [Perelman 1977, 10]. Древние риторы достигли высокого уровня развития техники убеждения, справедливо полагая, что восприятие положения, будь то нравственный или социальный вопрос, невозможно без предварительной подготовки общественного мнения, т.е. без воздействия с помощью логоса, означающего в риторике одновременно речь и разум.

Постижение такой огромной суммы знаний, которая была накоплена классической риторикой за многовековой период ее существования, — задача чрезвычайно сложная. Начать следует, как показывает исследователь, с определения места риторики в системе классического гуманитарного знания, или, как говорил Р. Барт, с "прочтения" риторики в "структуральной игре" ее соседок — грамматики, логики, поэтики и философии.

Чрезвычайно существенным, по Х. Перельману, представляется анализ аристотелевского тезиса о двух типах суждений, развитого им в "Органоне". Аристотель различает два типа умозакключений: аналитический и диалектический. Подробное изучение аналитических суждений, предпринятое в "Первой" и "Второй Аналитиках", теория силлогизма, развитая в этих работах, позволяет считать Аристотеля признанным отцом общей формальной логики. Однако гораздо менее известным, как подчеркивает Х. Перельман, в истории науки является учение Аристотеля о диалектических суждениях, представленное в "Топиках" и в "Риторике".

Обычная схема аналитического умозакключения та-

кова: если все А суть В, а все В суть С, то все А суть С. Этот вывод характеризуется, во-первых, чистой формальностью, так как выполняется независимо от содержания элементов А, В и С, во-вторых, отношением, устанавливаемым между истинностью посылок и истинностью заключения (последнее не может быть верно, если посылки ложные). Поскольку истина не зависит от человеческих суждений, можно считать аналитические умозаклучения в определенном смысле безличными доказательствами.

Другая картина складывается, как отмечает Х. Перельман, когда мы имеем дело с диалектическими рассуждениями. Последние являются таковыми, как учит Аристотель, когда посылки приняты большинством мнений, т.е. когда они правдоподобны, но не обязательно истинны. Диалектические рассуждения, таким образом, исходят из посылок, принятых большинством, и имеют целью убедить аудиторию в необходимости принять то или иное решение, разделить ту или иную точку зрения. Очевидно, что следует четко различать суждения аналитического характера от суждений диалектических: первые высказываются об истине, вторые — о мнении. Каждая из этих областей требует своей манеры изложения: если нелепо было бы довольствоваться приемлемыми рассуждениями математики о математической проблеме, то еще более наивными выглядели бы попытки требовать научные доказательства от оратора.

Риторика, созданная Аристотелем, представляет собой, как утверждает Х. Перельман, логику "без доказательств", которая исторически развивалась как ораторское искусство, техника ораторского выступления. На этапе средневекового европейского развития риторики античная теория аргументации, составляющая первые две части риторики — инвенцию и диспозицию,

была забыта ради преувеличенного развития третьей части — элокуции. Новая риторика, идущая от аристотелевского канона, должна, по Х. Перельману, иметь главной задачей изучение всех типов аргументов, во всех типах высказываний, при любом типе аудитории.

Каким образом может быть построена эта новая риторика? Х. Перельман вводит основные понятия, которые ложатся в основание теории аргументации.

Аргументация, оратор и аудитория. Что отличает аргументацию от формально конкретного доказательства? Здесь выявляются следующие моменты: 1) знаки, используемые в доказательстве, лишены неопределенности, так как принадлежат формальному языку описания в отличие от аргументации, которая осуществляется на естественном языке, где неопределенность не исключена априори; 2) корректное доказательство есть доказательство по определенным правилам, эксплицированным в формализованных схемах; 3) различный статус аксиом. Последний момент оказывается существенным. В самом деле, в математическом доказательстве исходные принципы не подлежат обсуждению; однако, если предполагается обосновать выбор аксиом, тогда, как замечает Аристотель в "Тописах", возникает необходимость прибегнуть к аргументации. Поскольку цель последней — не вывод следствий из определенных посылок, а принятие аудиторией тезисов оратора, аргументация никогда не разворачивается в "пустом" пространстве. Она предполагает определенный контакт между оратором и аудиторией и должна изучаться в этих, часто сложных для анализа, условиях продуцирования. Любое общество осознает огромное значение таких контактов, формируя целые общественные институты. Очевидно также, что определенные проблемы либо не подлежат обсуждению из-за моральных и других табу, либо слишком банальны для

дискуссии. Аристотель пишет в "Топиках", что те, кто, например, задается вопросом, следует ли любить своих родителей, заслуживают лишь примерного наказания, а тем, кто спрашивает себя, бел ли снег, достаточно взглянуть на него.

Исключительное значение для "расположения умов" к выступлению имеет авторитет оратора (интеллектуальный, нравственный, социальный), уместность выступления, а также то, от кого выступает оратор: от социальной группы, от учреждения, от государства и т.д. Принятие аудиторией тезисов оратора осуществляется не как сугубо "интеллектуальный" процесс; одновременно осуществляется воздействие публикации на эмоции и даже побуждение к действию.

Техника аргументации предполагает выбор определенных речевых средств, которые варьируют не только в зависимости от цели выступления, но и от типа аудитории. В эпоху mass media изучение аудитории представляется более сложной задачей, чем это было ранее, когда, например, в Древней Греции оратор выступал перед толпой, которая его "визуально" наблюдала. В самом деле, к кому обращается скажем, тот, у кого берут интервью: к журналисту, к читателю журнала, к тому, кто стоит рядом? Или, например, оратор в британском парламенте, обращающийся по традиции к председателю палаты? Для теории аргументации характерно понимание аудитории как множества людей, на которых стремится повлиять оратор своей аргументацией, независимо от того, присутствуют ли они "физически" на его выступлении. Это множество чрезвычайно разнообразно: от индивида, убеждающего себя в необходимости принятия того или иного сложного решения, до интернациональной аудитории. Простейшей коммуникативной ораторской моделью, отмечает Х. Перельман, следует признать не

внутренний монолог, так как данные экспериментальной психологии (и психоанализа) показывают, что можно обмануть самого себя, а диалог. Техника вопросов и ответов (идущая еще от Сократа) позволяет оратору: узнать свою аудиторию (здесь: собеседника); уточнить свою аргументацию. Диалог — способ избежать пассивности слушающих, но он, как это подсказывает сама форма, непригоден для больших аудиторий.

Посылки, выбор и презентация аргументов. Главным принципом в выборе посылок, как подчеркивает Х. Перельман, следует признать тот, согласно которому при любых условиях коммуникации оратор должен исходить из посылок, безусловно одобряемых и принятых абсолютным большинством аудитории. Среди "объектов" согласия оратора с аудиторией следует различать план "реального", т.е. факты, установленные истины, презумпции, и план "предпочтительного", т.е. определенные иерархии, нравственные, культурные и другие ценности. Это означает, что суждения, высказываемые оратором, относятся либо к общеизвестным или предполагаемо известным реальным фактам, либо выражают "мнение", которое разделяет большинство.

Любая аргументация предполагает предварительный выбор фактов и ценностей, их определенное описание, облеченное в соответствующую языковую форму с определенными акцентами на тех категориях, понятиях и т.д., которые оратор считает наиболее существенными. Любое ораторское утверждение, каким бы беспристрастным оно ни казалось, всегда есть проявление, определенного выбора, если сравнить его с другими, противоположными утверждениями. Выбор существенных элементов, представляемых в речи, не только придает им значимость, но и выдвигает их в сознании аудитории в план "существующего", "реального", почти

"осязаемого", прямо влияя на чувства слушающих, хотя иногда и увлекая восприятие эмоционально приподнятой аудитории в нежелательном для оратора направлении. Как писал Бэкон, риторика — искусство применять разум к воображению для пробуждения воли. Такая техника "представления" фактов, ценностных понятий дает особенный эффект, когда имеет место значительное пространственное и временное удаление. Исследования по использованию языковых ресурсов (элокуция) получили в риторике необычайный размах, при этом теория фигур речи никогда не была в классической риторике самоцелью, простым украшательством и должна быть интерпретирована как продолжение двух первых основных частей, инвенции и диспозиции, о которых шла речь выше. Элокуция обеспечивает переход от риторики — искусства убеждать, к риторике — искусству литературного выражения. Выбор аргументов осуществляется по усмотрению оратора в отличие от стройной цепи рассуждений логика. Всем известные посылки могут, например, остаться в подтексте: отсюда аристотелевское определение энтимемы как риторического силлогизма.

Техника "представления" аргументов была тщательно разработана выдающимися риториками прошлого. Так, выделение, подчеркивание определенных аргументов осуществляется в риторике с помощью повторений, аккумуляций деталей, акцентуации некоторых пассажей; с помощью синонимов, например, как в "Сиде" Корнеля: "Иди, беги, лети и отомсти за нас". Все риторические фигуры должны представлять способ рельефного изображения аргумента. Фигура есть необычный способ выражения, форма фигуры представлена какой-либо особой структурой. Вопрос тогда станет фигурой речи, когда оратор знает на него ответ. Фигура может считаться аргументированной, если она влечет за собой

некоторое изменение перспективы высказывания, его ситуации.

Означивание и интерпретация данных. Все элементы речи оратора, как подчеркивает Х. Перельман, могут быть описаны, естественно, только с помощью языка, который должен быть понят аудиторией. Это означает, что факты, используемые оратором, будут содержать в себе или, по крайней мере, нести на себе отпечаток манеры их интерпретации и описания. Оппозиция между данными и конструктом относительна. Она позволяет отделить те элементы в ораторской речи, которые зависят от интерпретации, а, точнее, являются ее результатом, от элементов, по которым существует "согласие" между оратором и аудиторией, которое до определенного момента однозначно и бесспорно. Существенным оказывается в этом смысле: выбор между часто несовместимыми интерпретациями одного уровня, когда спрашиваешь себя, тронулся ли поезд, в котором находишься, или тот, что стоит рядом, и выбор уровня абстрактности, плана "общности", в рамках которого оратор предполагает описать явление. Описать явление можно, как правило, различно: изолируя его от контекста, видя в нем причину или следствие, способ или цель, символ более обширного множества, веку в определенном направлении, эталон и т.д. Кроме того, интерпретация — не только селекция, она способна создать означивание, включение описываемого явления в новый контекст, в оригинальную теорию.

Проблема означивания и интерпретации является проблемой семиотической, возникая часто по поводу таких семантических элементов, как знак и признак. Наибольшее значение для коммуникации имеют языковые знаки, но из этого не следует делать вывод, что они представляют собой самый обширный класс

знаков. Различие между знаками как искусственными образованиями, составляющими акт коммуникации, и признаками как естественными "следами" объектов может быть весьма относительным. Так, фраза, произнесенная с целью сообщить информацию, может содержать также некоторую дополнительную информацию о говорящем (например, по произношению можно догадаться о происхождении оратора) и тогда одновременно является и знаком, и признаком. Или, например, следы на песке, которые для нас ровно ничего не означают, для ушедших цивилизаций, возможно, были знаками воли богов. Как фальшивая интерпретация признака — ошибка, так и ошибочная интерпретация знака еще в большей степени — причина непонимания текста.

Вообще, проблема однозначности, "ясности" речи, отмечает Х. Перельман, часто связывается с приближением последней к формализованному языку, к единственной интерпретации, к максимальной объективности и т.д. Веками рационалисты разных школ внушали, что математический язык должен быть эталоном для языка естественного. Сегодня становится очевидным, и аргументативная риторика это подтверждает, что математика и все формализованные системы представляют собой искусственный язык с определенными ограничениями, накладываемыми с целью "снять" многозначность, и представляют исключение по отношению к языкам естественным. В самом деле, в естественных языках неоднозначность, возможность различных интерпретаций являются правилом. Можно полагать, что любое "нейтральное" языковое выражение имеет не прямой, а, скорее, "забытый", "стертый", метафорический смысл.

Поскольку сугубо языковой материал — слова — не может гарантировать безупречное понимание текста, следует искать опору вне слова, во фразе, в контексте,

вербальном или невербальном, в определенных знаниях об ораторе и аудитории, в той дополнительной информации, которая позволяет понять речь согласно целевым установкам ее создателя. Эти установки варьируют, с ними вместе варьируют средства их выражения: об этом прекрасно писал Аристотель, вспоминая, что Орест квалифицируется автором то "убийцей своей матери", то "мстителем за своего отца".

Элементы техники аргументации. Из изложенного достаточно ясна разница между тем, что представляет собой аргументация, и тем, что является формальным доказательством. Аргументация, по Х. Перельману, образует сложный текст, в котором элементы "согласия" между оратором и аудиторией, так же как и аргументация оратора, адресуются самым различным группам слушателей. Аргументы часто вступают во взаимодействие; аудитория может использовать аргументы и их отношение к оратору как объект новой аргументации. Все это свидетельствует в пользу того, что следует рассматривать текст в целом; только тогда можно проследить полноту аргументации и порядок аргументов.

В принципе, все аргументы строятся либо в форме связи, ассоциации, либо, напротив, диссоциативно, когда оратором производится нарочито дистантное расположение элементов, в традиции связываемых друг с другом. Основными типами связи, изучаемыми в теории аргументации, являются: квазилогические аргументы; аргументы, базирующиеся на структуре реальности, и аргументы, способствующие образованию этой структуры.

Квазилогическими аргументами называются аргументы, приближенные к формальным доказательствам, логической или математической природы. Квазилогический аргумент отличается от формального вывода

тем, что всегда предполагает "молчаливое согласие" аудитории с неформальными посылками, которые единственно обеспечивают его применение. Среди квази-аргументов в неориторической теории аргументации выделяются: противопоставление и несовместимость, идентичность, дефиниция и тавтология, правило взаимности, переходности, включение и разделение.

Возьмем, например, аргумент разделения. Речь идет о некотором выводе о целом, которому предшествует размышление о каждой из его частей: именно таким образом адвокат стремится показать, что обвиняемый действовал не из-за ревности, не из-за ненависти, не из-за корысти и т.д., т.е. не имел мотива убийства. Рассуждение такого рода напоминает деление поверхности на части: то, что не содержится ни в одной из частей, не содержится также и в разделенном таким образом целом. Для того чтобы подобный аргумент имел силу, необходимо условие "полноты рассуждения".

Первый тип аргументов предполагает, как замечает Х. Перельман, некоторую пространственную структурализацию мира, которая априорно исключает всевозможные наложения, взаимодействия, расплывчатость, которые обычно характеризуют конкретные жизненные ситуации. Применение таких аргументов требует сведения реальности к некоторой схеме, логического или математического вида, которой следует рассуждение. В конце последнего требуется обратная транспозиция заключения на "реальность".

Второй тип аргументов — аргументы, основанные на "структуре реального". Как следует из названия, эти аргументы базируются на тех связях, которые существуют между элементами действительности. Среди этой обширной группы аргументов рассматриваются отношения последовательности, сосуществования, символичес-

кой связи, двойной иерархии. Для данного типа аргументов важно то, что рассматриваемые связи могут не существовать реально. Все определяет внешняя манифестация этих отношений, вера аудитории в объективность таких структур или "молчаливое согласие" с оратором об их реальности.

Третий тип аргументов — аргументы, способствующие "воссозданию" структуры реальности. Здесь речь идет об аргументации, исходящей из какого-либо частного случая, позволяющего установить прецедент, модель или общее правило. Такими аргументами являются: пример, модель и антимодель, иллюстрация. К этому же типу аргументов могут быть отнесены суждения по аналогии, которые служат структурализации неизвестной реальности или выработке определенной позиции для ее интерпретации. Подобно этому можно рассматривать метафоры в сугубо риторическом аспекте, когда исследователя интересует оригинальная метафорическая ориентация аргумента, служащая оратору в специфических условиях коммуникации.

Большой интерес представляет техника аргументации по диссоциации, не разработанная теоретиками классической риторики. Диссоциация оказывается фундаментальным приемом рассуждения по преимуществу философского.

Специфической проблемой аргументативной риторики является в отличие от проблем формальной логики проблема размаха и силы аргумента, которая требует, по мнению Х. Перельмана, тщательного изучения и дополнительного анализа материалов классических риторик.

Риторика и социальное взаимодействие

Речевое действие. Наиболее известным современным определением риторики, хорошо согласующимся с классическим, является определение ее как теории убеждающей коммуникации [например, Perelman 1977]. В этом смысле интересно следующее наблюдение Дж.Л. Кинневи [Kinneavy 1987, 33]: «Если мы вспомним, что риторика есть искусство убеждения и что греческим словом убеждение было *pistis* и что христианским словом "вера" было также *pistis*, то объединение этих значений в одном и том же слове наводит на мысль, что оба понятия могут оказаться не столь отдаленными».

В реальности определение риторики как теории убеждающей коммуникации не представляется удачным, поскольку выделяет "убеждающую" коммуникацию в некий вид или подгруппу. Влияние на систему убеждений является, по-видимому, не признаком какого-либо вида или формы речевой коммуникации, а имманентным свойством коммуникации как таковой. Воздействие всегда реализуется в общении, будь то при самых слабых формах "ненасильственной" коммуникации (термин Ю. Хабермаса), к которым может быть отнесено, например, фатическое общение, или в случае явного манипулирования общественным сознанием (пропаганда). Принятие этого тезиса хорошо объясняет панхронизм риторики и постоянную "включенность" смысла риторического учения в структуру современного знания. Речевое воздействие, действительно, если и не заполняет все пространство риторики, то определяет ее векторную структуру. Понимание воздействия как базисного фактора речевой коммуникации приходит в риторику через представление о речи как

об одном из видов деятельности. Речевая деятельность описывается в риторическом каноне — в согласии с представлением о любом действии, линейно и последовательно разворачивающемся во времени, имеющем начало, середину и конец, т.е. определенный алгоритм, — в рамках идеоречевого цикла. Идеоречевой цикл, в котором реализуется процесс речевой деятельности, как мы видели, проходит через ступени инвенции, диспозиции, элокуции (и произнесения), последовательно охватывая все этапы мыследеятельности человека от коммуникативного замысла до его вербализации. Говоря современным языком, в идеоречевом цикле формируется базовый алгоритм речевого акта, лежащий в основе любой теории речевой деятельности (в наиболее ярко выраженном виде это относится к лингвапрагматике), имеющей отношение к риторике и в той или иной степени использующей основные риторические построения или элементы этих построений для углубления теоретических представлений о речевой деятельности.

Понятие "речевое действие", в результате которого реализуется воздействие, нуждается в расшифровке; в последние годы предприняты определенные усилия для создания теории языкового действия, опирающейся на более общие представления о принципах и правилах человеческих действий. Действие должно быть рассмотрено в контексте близких по смыслу понятий: действие и поведение, действие и производство, действие и деятельность. Действие как поведение, т.е. реакция на события, характеризуется как спонтанное и инстинктивное, в результате которого с индивида как бы снимается ответственность за совершаемый поступок. При сопоставлении действия и производства понятие действия, как и в первом случае, сужается и сводится к продукту, результату действия. Для риторики наибольший интерес представляет интерпретация действия

как деятельности, в которой действие имеет не только инструментальную функцию создания объектов, но и экспрессивно-коммуникативную, позволяющую установить контакт и вызвать эмоциональную реакцию слушающего. Действие может определяться как целенаправленное поведение индивида, за которое совершающий его несет ответственность и которое реализуется в рамках существующих в данном коллективе норм и правил [см.: Verlen 1987]. Специфика речевого действия, в сравнении с другими видами действия, формулируется следующим образом: 1) речевое действие всегда коммуникативно и может всегда быть понято и интерпретировано; 2) речевое действие осуществляется с помощью элементов знаковой системы; 3) речевое действие осуществляется во взаимодействии с другими типами действий и должно, следовательно, изучаться вместе с ними; 4) речевое действие осуществляет когнитивную функцию, в ходе его планирования и реализации протекают определенные мыслительные и оценочные процессы. Речевое действие полифункционально и, следовательно, нельзя ограничиваться анализом какой-либо его отдельной функции.

Речевые действия вообще складываются из ряда компонентов: самого события высказывания, акта выражения определенного намерения, условий реализации акта выражения мысли (элемент условий коммуникации), последствий реализации этого акта. Эти компоненты, в свою очередь, представляют собой особые случаи компонентов коммуникативных действий более общего вида. Особенности перечисленных компонентов лишь в том, что их материализация осуществляется с помощью языковых средств. Специфика иллокутивных действий в общем ряду речевых действий заключается в характере стоящей перед ними цели, в особых отношениях между целью действия и условиями его

реализации. Говорящий имеет намерение сделать цель высказывания понятной получателю, и, следовательно, инструмент, которым он пользуется (речевой акт), структурируется таким образом, чтобы обеспечивалось это понимание. Поэтому интерпретация языкового действия должна начинаться с выявления его изначального плана, базирующегося на определении целей действия, прямых или косвенных. Цели, стоящие перед иллокутивным действием, достигаются только за счет воздействия на получателя. Выделяются три типа условий, при наличии которых протекает такое воздействие: условия понимания, условия восприятия, условия реализации.

Речевое действие может определяться как составная часть общественного действия. Иллокутивная сила высказывания реализуется в ходе осуществления общественного действия, поскольку сам речевой акт осуществляется одновременно с ним. Так, например, иллокутивная сила высказывания реализуется при произнесении предвыборной речи тогда, когда, говоря, что кандидат что-то обещает, он осуществляет акт принятия на себя данного обязательства. Реализация перлокутивной силы высказывания в данном случае подразумевает наличие последствий воздействия речевого акта и последствий общественных, поскольку речевой акт является одним из составных элементов социального действия. Таким образом, иллокутивная сила высказывания реализуется на уровне смысловой характеристики общественного действия, в то время как перлокутивная сила реализуется на уровне смысловой характеристики его возможных последствий. В рамках другого подхода к изучению соотношения речевого и общественного действия речевой акт рассматривается как процесс с помощью установления последовательности речевых элементов требуемого порядка следо-

вания событий реальной действительности. Существенным здесь является не только фактор организации элементов речевого потока, но и манера реализации речевого действия, влияющая на степень его достоверности и, следовательно, на степень вероятности его воздействия на получателя.

Теория речевых актов применяется для расширения возможностей описания поведения человека, и в том числе речевого поведения. В самом деле, сегодня большее внимание лингвистов привлечено к проблеме активной роли языка в формировании опыта и незаслуженно меньшее — вопросам об организующей роли речи в деятельности человека. Язык, как полагает, например, Н. Рейсс [Reiss 1985], должен быть рассмотрен в рамках других видов деятельности, в частности деятельности культурной. Речевое воздействие в речевом акте реализуется в том влиянии на коммуниканта, которое позволяет использовать его в качестве своего рода инструмента для достижения некоторой экстралингвистической цели. Речевой акт всегда может быть квалифицирован как директивный, т.е. направляющий действия другого человека. Директивный акт рассматривается в качестве прототипа речевого действия и включает три компонента: адресование (термины привлечения внимания к сообщению); мотиваторы (формирующие доводы в пользу подчинения слушающего); процедуры (указывающие на те конкретные действия, к которым стимулируется адресат). Высокая частотность директивных актов в речи интерпретируется тогда как определяющая роль речи в регулировании поведения.

Речевое воздействие и взаимодействие. В риторическом понимании действие через речь реализуется в воздействии. Однако для теоретиков классической риторики в отличие от современных идеологов и пропа-

гандистов была очевидной невероятная сложность задачи влияния на систему убеждений "другого". Воздействие, и это наблюдение обиходно, часто реализуется в нежелательном для говорящего направлении; воздействие — процесс, нуждающийся в оптимизации; только реализованное воздействие, или коммуникативный успех, обеспечивает эффективность речи. Именно поэтому риторика нагружена огромным количеством правил и рекомендаций — отдельных для каждого этапа идеоречевого цикла, что позволяет оптимизировать процесс речевой коммуникации. В этих целях риторикой вводится понятие о целесообразности речи, т.е. о ее соответствии коммуникативным задачам. Целесообразность всегда подчинена постулату убеждения "другого" и формируется для каждой конкретной цели конкретным образом, но всегда в последовательной реализации идеоречевого цикла — от подбора аргументов до стилистической обработки текста. Вся риторика, от центральной схемы до малейших стилистических рекомендаций, пронизана поиском решения этой сверхзадачи коммуникации — убеждения "другого".

Не случаен прежде всего выбор объекта классической риторикой — монологическая речь. В ней решение сверхзадачи упрощается из-за единственности цели и однонаправленности коммуникации. В диалоге, как и в любой другой сложной форме интеракции, коммуникативные шансы симметричны, поэтому воздействие имеет более сложную векторную (хотя и необязательно противоположную) направленность. Выбор монологической речи в риторике связан также с требованием полноты и эксплицитности описания, т.е. с тем же принципом, которым руководствуется риторика при описании основных шагов идеоречевого цикла. Специфика речи как деятельности диктует и порождающий характер этого описания. Предпочтение монологичес-

кой речи объясняется и ее большей простотой по сравнению с речью диалогической; при этом риторы прекрасно понимали возможную конвертируемость этих форм речи, например при развертывании монолога в диалог с помощью вопросо-ответной сетки. В европейской текстовой традиции монолог связывается с риторикой, тогда как диалог является по преимуществу текстом философским, в котором в споре выясняются сущностные характеристики бытия, и истина индивида заменяется на истину мира.

Монологическая речь — речь целесообразная, и именно по месту, времени и цели, как уже отмечалось, создается Аристотелем типология речи, известная под названием "ораторские жанры". "Ораторскими жанрами" диктуются наиболее общие направления целей (совет или рекомендация, порицание или восхваление, осуждение или защита), но легко заметить, что в аристотелевской типологии варьируется интенсивность воздействия, или то, что в лингвапрагматике называют иллокутивной силой. Совет — очень слабая форма влияния по сравнению с осуждением.

Понятие "убедить другого" не связывается в классической риторике с непременным силовым давлением, использованием "страстей" и т.д.; убеждение достигается через консенсус, т.е. принятие большинством тезиса оратора. Понятие консенсуса по непонятным причинам всегда считалось специфично-риторическим, хотя совершенно очевидно, что без согласия и сотрудничества невозможна никакая социальная интеракция (ср. максимумы общения Грайса [Grice 1914]). Понятие консенсуса содержит, конечно, и определенную меру лукавства, поскольку вращается в очень широком диапазоне между "убедить" и "уговорить". Не только Кант и Фихте, но и, конечно, гораздо ранее философы заметили ту огромную пропасть, которая может разделять истин-

ность и действенность речи. Неприятие риторики философией связано не только с непониманием (это характеризовало представителей других областей гуманитарного знания), сколько с невозможностью для философа соположить что-либо поиску истины. Проблема правомерности расчленения предметно-соотнесенной истины как объекта философского анализа и истины с позиции коммуниканта, "человеческой истины", остается предметом постоянного размышления в философии и неориторике. Ю. Коппершмидт, например, предлагает описание зависимости между истинностью и действенностью речи через категорию интереса или совпадения интересов [Kopperschmidt 1985]:



Таким образом, сопоставление действенности речи и ее предметного содержания позволяет отделить значимость речи (значимость "в себе") от конкретно адресованной значимости (значимость "для другого").

Другой сложной проблемой, не нашедшей адекватного разрешения ни в классической, ни в более поздних европейских риториках нового времени, является проб-

лема соотношения теории аргументации и теории воздействия. Теория аргументации, как полагал Квинтилиан, не покрывает риторику целиком. Более того, аргументация, по Квинтилиану, не обладает сама по себе силой воздействия. Являясь специфическим средством одного вида речи — судебной, аргументация у Квинтилиана строится на основе отвлеченных и конкретных вопросов и применяется только для поддержки положений, не противоречащих правовым нормам. Квинтилиан, таким образом, определяет аргументацию как метод, делающий более правдоподобными или достоверными спорные утверждения при помощи других утверждений, которые бесспорны или очевидны. Возможности аргументации базируются на презумпции непреложных истин ("принцип достаточного обоснования"). Как пример очевидных истин Квинтилиан рассматривает доказательства "от лица", включающие такие локусы, как происхождение, пол, возраст и т.п., которые являются предметом объективного знания об основных факторах, конституирующих личность. Аргументативно-эвристическими доказательства "от лица" становятся только при условии их уместного употребления в речи, что, в свою очередь, зависит от полноты аргументации. Определяющим, в конечном счете, является нормативный характер утверждений как неперемное условие прагматической направленности процесса аргументации. На общезначимость истинных утверждений опирается и является производной от нее сила воздействия аргументативной процедуры.

Вообще реконструкция аргументативной эвристики античных авторов и ее критика могли бы способствовать созданию современной теории аргументации, в частности в аспекте ее персуазивных возможностей [Kopperschmidt 1985]. В настоящее время как минимум две неориторические исследовательские програм-

мы анализируют эту проблематику: "nouvelle rhétorique) (уже известная нам теория аргументации Х. Перельмана) и "new rhetoric" (бихевиористски ориентированное исследование категории воздействия). Наибольший интерес для гуманитарной науки, как полагают многие исследователи, представляет риторика, которая не ограничивается исследованием формального аспекта процесса воздействия, а является критической, направленной на анализ интенционального языка и — в перспективе — на анализ категории понимания [Kopperschmidt 1985; 1987; Elertsen, Hartig 1986]. Новая парадигма риторики должна включать прежде всего систематизацию и анализ взаимосвязи категорий воздействия, истинности и уместности.

"Не следует, кроме того, забывать, — отмечает М. Биллиг [Billig 1987], — что риторика призвана анализировать две функции речи: эстетическую и прагматическую. Первая связана с элоквенцией, вторая — с эффективностью речи, с силой воздействия на аудиторию. Целесообразная речь — единство этих функций; история риторики показывает, что сведение ее к элоквенции, как это произошло во многих европейских риториках нового времени, означает уход от аргументативной проблематики, обеднение предмета и далее — кризис". Этой же причиной объясняет общий кризис риторики в XIX в. Х. Перельман [Perelman 1970, 19].

В теории риторики, развиваемой в последние годы, все более явственно звучит мысль о том, что риторика должна строить свой предмет, опираясь на социологию и особенно на психологию. Недостатком многих концепций речевой деятельности является логическая доминанта, т.е. практически полное исключение риторической аргументации. Основа логической аргументации [Billig 1987] — обобщение (категоризация), тогда как

для риторики существенно умение отделить предмет сообщения от ему подобных посредством приема обособления (конкретизации). Логическая аргументация характеризуется закрытостью и исчерпываемостью; риторическая — открытостью и неопределенностью. Именно это подчеркивал Зенон из Китиона, сравнивая логику с кулаком, а риторику с раскрытой ладонью той же руки.

Примерно аналогично решается проблема соотношения логики и прагматики. Т. Гивон противопоставляет их не только как две принципиально различные концепции, но и как две противопоставленные методические системы [Givon 1985]. Наиболее существенные различия между прагматическими и логико-дедуктивными системами представляются следующим образом:

Прагматическая система

Открытая

Зависимая от контекста

Недискретная

Индуктивная

Логико-индуктивная система

Закрытая

Независимая от контекста

Дискретная

Дедуктивная

На протяжении всей истории лингвистики логико-дедуктивная система и основанный на ней методический аппарат преобладали и в определенном смысле нередко служили препятствием на пути к более реалистическому пониманию фактов естественного языка. Чисто логический подход ведет к чрезмерной схематизации и универсализации языкового материала; наибольшим методическим просчетом этого подхода Т. Гивон считает пренебрежение контекстными условиями, конкретным окружением и фактами лингвистической относительности.

Базовый элемент риторической аргументации — энтима, или вероятностное утверждение, в котором толкование посылки неоднозначно и предполагает

возможность различных выводов. Современная наука в попытках определить единицы мышления часто сводит весь процесс мыслительной деятельности к одной его разновидности: решению задач, в то время как определяющий момент этого процесса — столкновение суждений или мнений (конфликт). Сведение мышления лишь к акту категоризации ведет к созданию односторонней теории, так как противоположный процесс — обособление, или конкретизация, — столь же важен [Billig 1987].

Если категоризация, согласно представлениям современной психологии — процесс, присущий всем живым организмам, и служит для сжатия воспринимаемой информации, то способность к обособлению лежит в основе специфически человеческой деятельности. "Язык является совокупностью категорий, следовательно, язык служит для уменьшения разнообразия окружающего мира. Язык не создает сложный, бесконечно богатый мир значения, а уменьшает его сложность, с тем чтобы обеспечить устойчивость восприятия и тем самым облегчить задачу обработки информации" [Billig 1987, 125]. Риторические средства и приемы обеспечивают возможность индивидуализации и обособления объектов в речи.

Предложения М. Биллига по развитию теории мышления в целом сводятся к необходимости пересмотра концепции категоризации как основного инструмента познания и дополнения ее концепцией обособления (партикуляризации), преимущества которой могут быть продемонстрированы на примере самой теории психологии. Концепция обобщения предполагает возможность неограниченного сходства объектов так же, как и концепция обособления предполагает возможность неограниченного числа различий. Аналогично, сама способность к обобщению предполагает и способность к

обособлению, что видно на примере лингвистических категорий, которые специфичны для человека и тем самым отличаются от других категорий представления и переработки сенсорной информации. Категория отрицания служит для выражения критических, противоположных суждений, предполагающих возможность выбора и обособления. Таким образом, адекватная теория аргументации может быть построена только при использовании этих двух инструментов мыслительной деятельности — категоризации и конкретизации. Общественные науки возникли при отделении социальной среды от естественной в соответствии со знаменитым тезисом Протагора "Человек есть мера всех вещей". В противоположность Платону, который искал мир истинных сущностей, чтобы положить конец спорам и противоречиям, Протагор не предполагает избавления от противоречий и, следовательно, от риторики.

Данные социальной психологии лежат в основе одной из исследовательских программ, в которых риторика строится исключительно как теория речевого воздействия. Основой теории является понятие "риторическая коммуникация", обозначающее такую речевую коммуникацию, когда хотя бы у одного из коммуникантов есть осознанная коммуникативная цель, в соответствии с которой строится идеоречевой цикл. Контрапункт теории — анализ "риторической коммуникации" как процесса взаимосвязи личности и социальных групп и как инструмента оптимизации этого процесса [обзор работ этого направления см.: Трошина 1987].

Для лучшего понимания законов персуазивной коммуникации необходимо знание современных условий продуцирования речи. Точку зрения Х. Перельмана на то, что риторика должна быть скорректирована

с позиций современных условий речевой коммуникации, разделяют многие теоретики. Различие между этими условиями в древнем и современном мире А.А. Лунсфорд и Л.С. Иде [Lunsford, Ede 1984] представляют себе следующим образом:

Классическая риторика
Человек — существо рациональное.
Человек живет в гармоничном мире.
Главное в человеке — разум
Отношения между ритором и аудиторией антагонистические.
Коммуникация — однонаправленная
Цель — убеждение

Современная риторика
Человек — субъект символизации деятельности.
Человеческое общество — фрагментарно.
Главное в человеке — эмоции.
Отношения между ритором и аудиторией кооперативные.
Коммуникация двусторонняя
Цель — информация

Для адекватного построения современной риторической модели речевой коммуникации необходимо учитывать такие категории, как понимание, сотрудничество и двусторонняя коммуникация. Именно в этом направлении работает лингвапрагматика, развивающая — сознательно или нет — многие риторические идеи.

Дж. Лич прямо отличает эту филиацию идей, постулируя риторический подход к прагматике [Leech 1978]. Этот подход предполагает изучение эффективного использования языка в повседневном общении и в социально значимых ситуациях. Дж. Лич отмечает, что прагматика, как и риторика, изучает значение в его отношении к речевой ситуации. В понятие речевой ситуации входят: коммуниканты; контекст; цель речи; иллокутивный акт; высказывание; время и место речи. Набор признаков, характеризующих прагматику, полностью может быть отнесен к риторике: принципы прагматики неконвенциональны, а мотивированы це-

лями коммуникации; смысл высказывания соотносится с силлокутивной силой; прагматические корреспонденции определяются коммуникативными задачами; прагматические объяснения функциональны; прагматика оперирует межличностными отношениями и текстом; прагматика вводит шкалу градуированных и неопределенных оценок; прагматические различия скалярны.

Задача изучения эффективного использования языка, как полагает Дж. Лич, требует создания двух взаимодополняющих риторик: риторику межличностного общения и риторику текста. Первая опирается на принципы сотрудничества, вежливости (этикета) и иронии (принцип второго порядка). Вторая следует принципам размеренности (обеспечивающим адекватное восприятие текста), ясности, экономии и выразительности. Принципы этих обеих риторик характеризуются следующими правилами: применение этих правил контекстуально обусловлено; степень применимости различна; правила могут вступать между собой в противоречие; нарушение их может осуществляться в целях создания косвенных смыслов или достижения побочных целей; эти правила регулируют коммуникацию с точки зрения коммуникативных целей и для говорящего, и для слушающего.

Неориторика в некоторых, возможно, наиболее существенных исследовательских программах не ограничена прагматической установкой теории воздействия. Центр таких программ — а) "анализ категории общественного воздействия в масштабе истории и в зависимости от общественного и культурного развития" [Ueding, Steinbrink 1986, 6]; б) "анализ всех составных частей литературного произведения в наиболее полном аспекте его общественного воздействия с помощью классической, исторической изменчивой, ... продолжающей развиваться, системы правил риторики" (Там же). В работах Льежской школы, в некото-

рых других исторических изысканиях сделана попытка установления смыслового единства европейской культуры, влияния канонических текстов на формирование общественного сознания.

Гуманитарное знание вместе с риторикой несет нам глубоко выстраданную мысль о том, что "мощь и свобода слова, много раз подверженные в ходе истории тяжелым испытаниям, являются мерилom цивилизации" [Bancel 1869, 7]. Отстранение этого знания от практических потребностей общества — политических, социальных, и культурных — тенденция опасная. Сегодня мы переживаем тот редкий период отечественной истории, когда теоретическое гуманитарное знание запрашивается обществом. Сегодня в еще большей степени каждый член общества нуждается в широкой образованности, во владении речевой культурой, позволяющей эффективно организовывать дело, отстаивать свое мнение. Мечтая о времени сознательно развиваемой демократии, В.И. Вернадский записал в своем дневнике: "Когда есть ряд человеческих обществ, и в этих обществах, государствах, в одних широко дана возможность мыслящим единицам высказывать, обсуждать и слагать свое мнение, а в других такая возможность доведена до *minimum*'а — то первые общества гораздо сильнее и счастливее вторых обществ" [Вернадский 1988, 218]. В таком, первом, обществе мы начинаем жить, и поэтому ответственность за эффективность всего многообразия речевых коммуникаций, за овладение каждым основами речевой культуры в значительной мере разделяется и теоретиками гуманитарного знания. В центре этого знания должен стоять человек, и понимание законов речевой коммуникации должно перерасти в практическое овладение ее закономерностями.

ЧАСТЬ II

Материалы к истории риторики (Франция XVI—XX вв.)

ГЛАВА 4

Основные периоды развития французской риторики

Предварительные замечания. Французская традиция риторики, которой посвящена эта часть книги, занимает существенное место в европейской риторической традиции, и поэтому исследование ее, может быть, играет определенную культурологическую роль, способствуя лучшему пониманию европейской культурной традиции.

Как это ни парадоксально для страны с богатейшим риторическим наследием, план исследования истории риторики и прежде всего национальной традиции оказывается представленным во Франции недостаточно. Характерны, например, высказывания: "...представляется, что нам пока не хватает истории риторики с XVI по XVII вв. ..." [Robin, Goilhaumon 1974, 12] или: "Мы не располагаем никакой современной работой о классической европейской риторике" [Barthes 1963, 9]. Среди самых первых в Европе работ, привлечших внимание к риторике в XX в., хотя и не посвященных специально ее истории, явились труды поэта и философа П. Валери, с которыми французской публике удалось в полном виде ознакомиться лишь в конце 50-х годов после публикации "Тетрадей" [Valery 1957—1961]. Внимания заслуживает ряд работ: исследование филолога-медиевиста Т.М. Шарлана, посвященное гомилетике [Charland 1936]; хрестоматия "Ораторы революции" [Les Orateurs de la Revolution 1927], предлагающая

тексты избранных речей французских революционных парламентариев, книга И. Ле Ира [Le Hir 1960], содержащая изложение разнообразных французских стилистических теорий, и работа по истории французского ораторского искусства Л. Рамбо [Rimbaud 1974], включающая тексты речей выдающихся французских ораторов. В 1954 г. П. Гиро публикует небольшую книгу "Стилистика" [Guigaud 1954], в которой предлагается краткий экскурс в историю риторики — начиная с софистов до наших дней. В 1961 г. выходит в свет практически полезное издание А. Морье "Словарь поэтики и риторики" (1961). В 1970 г. в специальном номере "Communication" Р. Барт публикует небольшую статью "Старинная риторика" [Barthes 1970], представляющую собой конспект лекции по истории риторики, читаемой им в Парижском университете. Краткий обзор по истории риторики содержится также в работах Дюбуа, Женетта и Тодорова [Rhétorique générale 1970; Genette 1966—1974; Todorov 1971], интерес которых к риторике побудил французских издателей к переизданию ряда старых риторик XIX и XVIII вв. [например, Fontanier 1968].

Отсутствие системных исследований в области истории национальной риторики во Франции объясняется в первую очередь определенным "антириторизмом" французской филологии и литературной критики, традиционно сильно подверженных влиянию литературных кругов, до последнего времени крайне негативно расценивавших риторику. Отставание национальной историографии риторики связано также с распространенной среди филологов и историков теорией "шагровой кожи" [Coquet, Arrivé, 1979]. Согласно последней, в рамках новых европейских риторик можно говорить лишь о "перевode" греко-латинского риторического канона на национальные языки. Рецепты, перешедшие

от античных авторов, якобы "механически" применялись к этим языкам, постепенно терялись, и риторика, удерживаясь на поверхности с помощью устаревших университетских предписаний, из последних сил сохраняла педагогический статус, чтобы, наконец, к середине XIX в. пасть под решительными ударами адептов новых концепций языка и литературы. Такое представление о развитии риторики, как мы увидим, ошибочно. Оно характеризуется антиисторичностью и высокомерием по отношению к новым европейским языкам и литературам. Как показывает материал на французском языке, национальная риторика не только внесла свой вклад в эволюцию риторических идей античности, но и в большой мере способствовала развитию общенародного и литературного языка Франции XVI—XIX вв. Вообще, в филологическом отношении роль риторики в истории французской культуры оказывается значительнее, чем это следует из написанной истории национального языка и литературы.

Теория "шагреновой кожи" оказывается, по-видимому, повинной в некотором пренебрежении историей риторики, которое наблюдается в современной романистике. В обобщающих исследованиях в области истории французского языка Ф. Брюно и французского литературного языка А. Франсуа истории риторики отведено чрезвычайно незначительное место [Brunot 1933—1953; François 1959]. В отечественной романистике история французской риторики является практически неисследованной областью.

Настоящий очерк истории французской риторики представляет собой описание традиции, начиная с момента появления в XVI в. первых риторических сочинений на французском языке, и заканчивается новейшим периодом в истории французской риторики XX в. Материалом исследования послужили наиболее автори-

тетные риторика различных периодов эволюции французской гуманитарной мысли, многие из которых подробно описаны в Хрестоматии.

Краткий очерк истории французской риторики с XVI по XIX в. признан, во-первых, продемонстрировать роль, которую играла риторика в разные периоды жизни французского общества и значение которой, как представляется, недооценено национальной научной литературой. Во-вторых, — и это чрезвычайно существенно — история национальной французской риторики позволяет увидеть не столько "постантический декаданс" риторики, но и достижения новой европейской мысли в этой области. Если греко-римская традиция риторики остается ее признанным образцом, а Аристотель, Цицерон и Квинтилиан — непререкаемыми авторитетами, для Франции нового времени это не означает слепого подражания античной модели, "перевода" ее на национальный лад. Новая речь потребовала создания новой риторики. Сторонникам идеи о том, что тропы "прямо" наследуются (греки — римляне — французы), Дюмарсе возражал: "... мы пользуемся тропами не потому, что ими пользовались греки, а потому, что мы люди, как и они" [Du Marsais 1793, 196]. Перефразируя эти слова, можно сказать, что риторика во Франции развивалась не потому (или не только потому), что когда-то возникла в Греции. Все сказанное совершенно не снижает той огромной, основополагающей роли греческой и римской традиций риторики в развитии новых европейских риторик. Суть Возрождения — осознание и переосмысление античного культурного наследия — ярко выражена в истории зарождения французских идей в области риторики. Дальнейшее ее развитие связано также с комплексом политических, идеологических, эстетических и прочих условий существования фран-

цузского общества, с широким контекстом интеллектуальных инноваций разных эпох. Представим краткую характеристику основных направлений этого процесса.

Основные этапы развития практики французского красноречия. По-видимому, история любой риторики нового времени, и французская не представляет исключения, может быть написана по меньшей мере двумя способами: с опорой на тексты крупнейших ораторов; с опорой на тексты многочисленных сочинений по ораторскому искусству. В первом случае в центр исследования попадает практика ораторского искусства (риторика как искусство), во втором — теория (риторика как наука). Практика красноречия была представлена во Франции светским красноречием, внутри которого в разные исторические периоды с разной силой развиваются судебное, политическое и академическое, и церковным, или духовным, красноречием. Периодизация практики французского красноречия может быть вслед за Местром [Mestre 1895] сформулирована следующим образом.

1. XII—XV вв. Доминирует духовное красноречие, представленное именами Сен-Бернара (1091—1153) и Жерсона (конец XIV — середина XV в.). Робкое начало политического красноречия во время ассамблей Генеральных Штатов.

2. XV — начало XVII в. Церковное и политическое красноречие периода Реформы, представлено Сен Франсуа до Салем и кардиналом Лотарингским.

3. XVII в. Эпоха большой риторики: апогей церковного красноречия (Боссюэ, Бурдалу, Фенелон, Масийон).

4. XVIII — начало XIX в. Закат церковного красноречия. Продолжают развиваться судебное, академическое и, в особенности, политическое красноречие (Толлендаль, Мирабо и все ораторы Великой Французской Революции).

5. XIX в. Восходящее движение политического красноречия, питаемого парламентскими дебатами и прессой (Мартиньяк, генерал Фуа и др.).

Несмотря на безусловный интерес, который может представить описание каждой из практик красноречия внутри отмеченных периодов, такой очерк рискует оказаться некоторой социально-политической историей Франции, представленной в речах ее выдающихся ораторов. Существенно, однако, что исследователь при таком подходе оказывается в стороне от литературно-языкового процесса, внутри которого эволюционирует риторика, в высокой степени "отмеченная культурным контекстом" [Greimas, Courtés 1979, 317], в рамках которого она получает необходимые импульсы развития.

Другой причиной, по которой выбирается второй путь написания истории французской риторики, является одна из ее главных особенностей: очень ранний ее уход от анализа собственно ораторских, устных форм речи, к художественной прозе, к способам построения текста. Эта особенность французской риторики разделяет практику ораторского искусства и риторику как дисциплину, изучающую различные способы построения текста. Искусство создания текста сообразно авторскому замыслу — такова необычайно широкая программа большинства французских риторов, начиная с П. Фабри (XVI в.).

Типология риторических сочинений. Все французские риторики, послужившие материалом для книги, довольно четко подразделяются на несколько больших групп¹.

Схолии на латинские риторики, излагающие клас-

¹ Многие из этих риторик подробно рассмотрены в Хрестоматии (в конце книги).

сический риторический канон. Например, П. Фабри, П. де Курсель и др. ранние риторики [Fabry 1972 герг.; Courcelles 1557].

Руководства по овладению хорошим стилем, благородными манерами и лексикологические труды пуристического характера (Ш. Сен-Поль, Фр. де Кайер, Л. Фаре, А. Рено).

Словари, предлагающие огромные репертуары риторических фигур. Например, риторики А. Варино, Ж. Планш, Л.-Ж.-М. Карпантье.

Издания дидактического или популяризаторского характера, учебники французской риторики (П. Эннекен, Фр. де Коссад и др.).

Риторика, в которых предпринято теоретическое осмысление греко-римского риторического канона и сделана попытка развития риторической доктрины. Эти сочинения веками отмечают историю французской риторики и ложатся в основу ее периодизации, предложенную далее. Они представлены именами А. Барона, А. Фоклена, Р. Бари, П. Лами, Э. Малле, С.-Ш. Дюмарсе, Ш. Батте, П. Фонтанье.

В каждом из сочинений, включенном в эти группы, имеются не только интересные и ценные сведения по истории культуры Франции, необходимые для понимания эволюции риторики, но и в ряде из них прямо содержатся (к сожалению, краткие) очерки истории греко-латинской и — реже — французской риторики.

Периодизация французской риторики. В основу предлагаемой далее периодизации положены два основных принципа: 1) принцип культурного соответствия, предполагающий описание каждого этапа развития риторики в зависимости от общего культурного фона эпохи, в рамках культурного контекста времени; 2) принцип центральной риторики: согласно этому принципу в

основу выделения нового этапа развития дисциплины кладутся новые фундаментальные идеи одной (или нескольких) риторик.

Периодизация французской риторики, в которой учитывается периодизация литературной истории страны [François 1959], выглядит следующим образом.

Риторика схоластическая (XII—XV вв.).

Риторика гуманистическая (XVI в.)

Риторика реформистская (XVII в.)

Риторика энциклопедическая и риторика натуралистская (XVIII в.).

Кризис французской риторики (XIX в.).

Схоластическая риторика. Если полагать, что французская риторика начинается с первой риторики, написанной по-французски, то схоластический этап развития риторики следует признать временем, предвещающим развитие национальной французской риторики. До XIII в. риторика во Франции преподается на латыни и входит в состав так называемого тривия: грамматика, диалектика (в догегелевском смысле, т.е. логика), риторика. Последняя представляет собой программу, унаследованную от античных риторов, и носит ярко выраженный дидактический характер. Основными источниками риторического знания являются "Риторика к Эреннию", "Об ораторском изобретении" Цицерона, которые в XIII в. переводятся на французский язык. Изучаются также Вергилий и Гораций.

Трактаты этого периода могут быть разделены на три типа: *artes sermocinandi* (гомилетика); *artes dictandi* (эпистолярный жанр); *poetries* (художественная литература). Самым известным автором поэтрий был англичанин Жоффруа де Винсор (XIII в.).

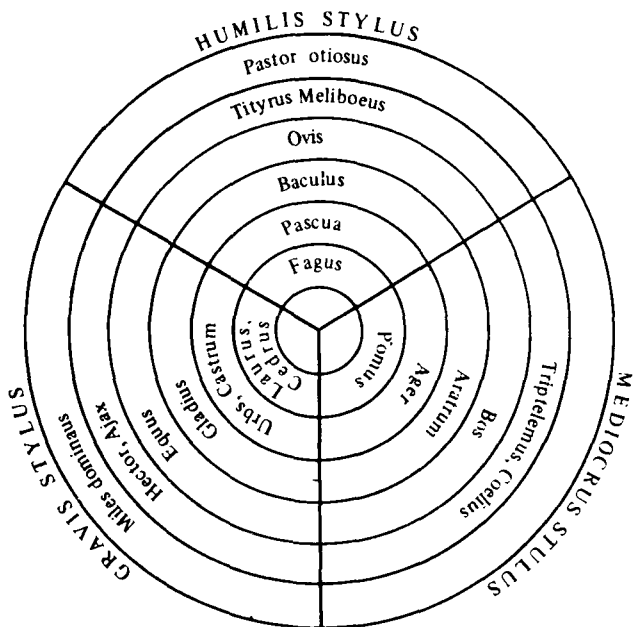
Риторический курс, включенный в прогруппу средневекового тривия, по-видимому, включал в себя

теорию жанров, заимствованную прежде всего у Горация, теорию тонов, или стилей (по Вергилию), и теорию фигур, занявшую центральное место во французской элокуции. Фиксированные средневековые формы, в частности, жанры (пять известных жанров для поэзии и четыре для прозы) и регламентированные фигуры речи для этой эпохи не являются чем-то застывшим и косным, а позволяют формирующемуся литературному языку ориентироваться в огромном языковом пространстве, давая при этом большую свободу своим разнообразием (например, трагедия, драма, водевиль и др.).

Центральными в этой схеме средневекового риторического знания оказываются три понятия: жанр, стиль и фигура. Соотношение их можно представить себе следующим образом: создание текста — нахождение уместного жанра, соответствующего замыслу; жанр, в свою очередь, определяет приличествующий стиль, а последний заданным образом (по Вергилию) обладает определенными языковыми способами выражения (фигурами).

Одной из самых существенных задач средневековых риторик была задача выработки главных принципов стиля. Вообще, понятие "стиль" неизвестно в раннем средневековье и впервые появляется во Франции в XIV в., обозначая определенную юридическую организацию (*style de Parlement*, т.е. регламентированное поведение адвокатов в парламенте). С этого же времени (во всяком случае, не позднее конца XIV — начала XV в.) понятие "стиль" начинает применяться в обществе по отношению к манере одеваться, вести беседу, к этикету вообще. С самого начала стиль оказывается социально-дифференцированным понятием: теория "трех стилей", в которой стиль определяется в зависимости от социального ранга литературного персонажа, приобретает широкую известность, выхо-

дающую за рамки школьного образования. Знаменитое "колесо" Вергилия, по-видимому, приписанное ему в этот период или ранее, штудировалось в тривиальных школах и ложится в основу риторического обучения. В "колесе" предложено вертикальное разделение стилей по трем главным: высокому, умеренному и низкому. Схема "Колеса" выглядит следующим образом:



Каждый из трех главных стилей, занимающий сектор круга, имеет свою модель-прототип: высокий стиль — "Энеиду", умеренный — "Георгики", низкий — "Буколики". Как наглядно продемонстрировано схемой,

стиль характеризуется: 1) определенным типом персонажа (высокий — воины; умеренный — поселяне; низкий — пастухи); 2) определенными именами (например, высокий — Гектор); 3) определенными животными (высокий — конь; умеренный — бык; низкий — овца); 4) определенными растениями (например, высокий — кедр); 5) определенным инструментарием (например, высокий — меч); 6) определенным местом действия (например, высокий — город, военный лагерь).

Каждый стиль располагает своим, индивидуальным набором фигур и языковыми средствами.

Искусство "расцветивания" стиля (лат. *ornare verbis* или фр. *art de colorer le style*) — отсюда появляется понятие "риторические цвета" (*couleurs rhétoriques*) — оказывается центральным не только для теории фигур средневековой риторики, но и находит широчайшее применение в творчестве "поэтов-риториков", которые в XV в. достигли необыкновенного искусства владения тропами. Виртуозная изопоззия (стихи в виде ромба, бутылки), предвосхищающая аналогичные попытки в современности (например, у А. Вознесенского), особое развитие получила при дворе Анны Австрийской и в творчестве писателей и хронистов Даниэля Арно, Коммина, Шатлена, Молино и других [*Antologie des grands rhétoriciens* 1978].

Схоластическая риторика во Франции написана на латыни. Следование латинской традиции в риторике объясняется скорее не неразвитостью французского языка или его "ущемленностью" по отношению к латыни, а прежде всего высоким престижем латыни как языка науки (в частности, университетской) во многих европейских государствах. Внутренняя причина, обеспечивающая стойкость латинской традиции, связана с универсализмом гуманитарного знания, доминировавшим во Франции вплоть до XVII в.

Конец XV в. во Франции знаменуется итальянским влиянием, принесшим с собой волну Возрождения. При дворах знатных особ (дипломатов, феодальной знати) развивается светское красноречие. Все более популярными оказываются учебники риторики, в которых описывается техника ораторского выступления по Цицерону (труды Л. Антонио, Георгия Трапезунского). По-видимому, также в результате итальянского влияния повышается интерес к стихотворным формам творчества: издаются первые трактаты о версификации. В эту эпоху зарождается французская поэтика — "вторая риторика" (*l'art de seconde rhétorique*). Церковное красноречие, развивавшееся очень интенсивно, начиная с XII в., дополняется теперь политическим (ассамблеи Генеральных Штатов).

Общая характеристика этапа схоластической риторики может быть следующей: 1) риторические трактаты являют собой схолии на классическую латинскую риторику; 2) язык риторики — латынь; цитируемые образцы для подражания — античные римские авторы; 3) основа гуманитарной педагогики — тривий; 4) состав риторического знания: теория жанров (по Горацию), теория стилей (по Вергилию) и теория фигур, представленная списками фигур речи; 5) фиксированные средневековые формы (жанра, стиля, фигуры) способствуют становлению французского литературного языка и применяются в творчестве поэтов-риториков.

Гуманистическая риторика. Один из французских историков писал, что во "Франции все начинается в XVI веке..." [цит. по: François 1959, 465]. Влияние Возрождения на европейскую культуру и, в частности, на французскую, столь значительно, что не могло не сказаться и на самых устоявшихся формах средневекового знания. Большое значение для развития и

признания риторики образованными кругами Франции имело создание Дворцовой академии, основанной в 1570 г. Жаном-Антуаном де Баифом. Во французской исторической литературе высказываются предположения, согласно которым эта Академия, образованная по подобию итальянских (*Academia romana, pontiana, florentina* и т.д.), послужила, в свою очередь, прототипом для создания Французской академии.

Подлинным французским центром ораторского искусства стала Академия моральных и философских наук (*Académie des sciences morales et philosophiques*) под патронажем Генриха III. Академическое собрание, избравшее местом заседаний кабинет короля в Лувре, являло собой цвет придворной знати и просвещенных людей своего времени. Члены академического собрания были представлены эллинистами, латинистами, грамматиками и переводчиками (Жак Амьо, Блез де Виженер, Дорон), королевским учителем латыни Анри Этьенном, ораторами (Пибрак и дю Перрон), поэтами (Ронсар и д'Обинье). Целью академического собрания в основном было составление речей на морально-этические темы. Тексты последних сохранились в незначительном количестве: известны сочинение дю Перрона "Речь о превосходстве красноречия...", опубликованное в 1618 г., и труд Ж. Амьо "Проект королевского красноречия (фигуры и украшения)", позже обнаруженный в Италии и изданный под названием "Французская риторика", составленная специально для короля Генриха III... Развитие получают практически все виды красноречия, и в особенности академическое, судебное и политическое (в парламенте).

Наиболее существенным явлением возрожденческого этапа развития риторики оказывается публикация в 1521 г. первой риторики на французском языке — фундаментального труда норманского кюре Пьера Фабри

[Fabry 1971 герг.]. Хотя сочинение Фабри еще целиком принадлежит схоластической традиции и, по-существу, является переводом (и весьма несовершенным) латинских риторик, факт появления "французской" риторики — поистине знаменательное событие своего времени.

Вообще, риторика XVI в. развивается в русле наиболее прогрессивных культурных тенденций своего времени, во многом сопровождая деятельность "Плеяды", опубликовавшей несколько манифестов в "защиту" французского языка. Представляется, что творчество французских риторов эпохи Возрождения вообще недооценено во французской историографии. Духовная и идеологическая близость деятелей "Плеяды" (Манифест — 1549 г.) и авторов риторик подчеркивается их личной дружбой: автор одной из самых интересных французских риторик, высокообразованный литератор Антуан Фоклен — близкий друг Пелетье, написавшего один из манифестов Плеяды ("Поэтическое искусство"). "Французская риторика" Фоклена [Foclin 1555] в области риторики (проза) дополняет фундаментальную работу Пелетье о поэзии. Именно в сочинении Фоклена появляется первый тропологический анализ современной французской литературы: примеры всех тропов и фигур взяты не из античных авторов, а из Ронсара, дю Белле, Баифа, Гарнье.

В эпоху, когда Сорбонна все еще цитадель латинизма, а в Collège de France преподаватели только начинают говорить публично по-французски, риторика оказывает существенную поддержку национальному самосознанию, призывая "поднять французский язык до ораторского величия" [Foclin 1555, 9]. Основными требованиями к литературного языка (совпадающими с требованиями "Плеяды") в возрожденческой риторике являются простота, благородство и гармония. Эти

главные риторические принципы, кажущиеся тривиальными теперь, были чрезвычайно актуальными для XVI в. Несовершенный, ищущий себя литературный язык крайне нуждался в определенных законах, создание которых было невозможно без развитой грамматики. Блез де Виженер, член Дворцовой Академии и секретарь короля, подводя итог веку, в своих "Комментариях..." (1589), излагающих историю французского языка от его романских корней вплоть до периода классицизма, отмечает крайнюю неразбериху, царящую прежде всего в прозе. Невероятное лексическое изобилие, постоянно питаемое поэтами-фанатиками неологизирования (Ронсар: "Чем больше у нас будет слов в нашем языке, тем язык будет совершенней"), чрезвычайно громоздкий, запутанный синтаксис, неустоявшаяся орфография побудили риторов к усилиям, направленным на создание литературной нормы и стилистики. Нормализующее влияние риторики в эту эпоху, впрочем и на протяжении всего развития риторики, тормозилось энергичными протестами поэтов-противников "единообразия" (ср. у Ронсара: "Поэт должен быть одержим яростью и искусством, а не грамматическими правилами"). В языке, где все — тенденция и ничто — закон, формирование литературного вкуса крайне затруднительно, хотя бы потому, что нельзя воскликнуть, как романтики: "Отклонение от нормы — значит, стиль!"

Огромный лексический фонд со всеми невероятными моделями словообразования имел для риторики и положительный смысл: любая риторическая фигура, перенесенная из античного канона, легко получала словесное наполнение. Вообще, интерес к элокуции, вскоре ставшей главным разделом французской риторики, возник, по-видимому, в результате необходимости "регламентировать" словесную массу грамматически не-

организованных элементов. Здесь риторика с ее теорией фигур оказывается прежде всего синтаксисом. Лексическое богатство при всей его тогдашней пестроты и неорганизованности привило литераторам вкус к синонимии и к определенному стилистическому изыску. Изучение синонимии позже окажется в поле зрения риторики, которая и в этой своей части очень близка грамматике.

Большое влияние на развитие риторики и в особенности на формирование полной ее доктрины оказали переводы из Аристотеля, появившиеся во Франции, как и многие культурные инновации в эпоху Возрождения, через итальянское посредничество. Схема известной *Quadripartita ratio* Квинтилиана, выведенная из аристотелевских рассуждений о риторике, стала основанием полной доктрины риторики, оставшейся неизменной на весь период ее существования. Схема концепции риторики выглядит традиционно:

Inventio 'инвенция' — лат. *invenire quid dicas* — поиск аргументов (букв. 'придумать, что сказать').

Disposition 'диспозиция' — лат. *inventa disponere* — поиск порядка аргументов (букв. 'распорядиться придуманным').

Elocutio 'элокуция' — лат. *ornare verbis* — 'словесная орнаментация' (букв. 'украсить словами').

Actio hypocrisis 'инсценирование речи' — лат. *agere et pronunciare* — интонация, жест, дикция (букв. 'действовать и произносить').

Внутри третьего раздела риторики — элокуции, привлечшего к себе, как отмечено, особое внимание авторов французских риторик описываемого периода, в списке фигур выделяются следующие фигуры: "дикции": произношение, синкопа, метатеза; "конструкции": порядок слов, инверсия, противопоставление; "слов", иначе, тропы: метафора, синекдоха, метонимия, алле-

горя, ирония, сарказм; "мысли": гипербола, литота, градация.

Приложением к доктринальной риторике, начиная с XVI в., служило искусство перевода, появление которого в период Возрождения диктовалось прежде всего задачей освоения античного наследия. Первый французский переводческий трактат — "О манере хорошо переводить" Доле [Dolet 1540]. Французская переводческая деятельность эпохи Возрождения — интерпретация исходного текста, имеющая целью "сравниться" со стилем оригинала и "превзойти" оригинал. Кроме попыток теоретического осмысления искусства перевода, осуществлялись многочисленные комментированные переводы из античных авторов. Появился даже особый тип риторических сочинений — риторик-предисловий к переводу из греческих и латинских ораторов. Такова, например, одна из последних риторик XVI в. — риторика Дю Вера [Du Vaig 1594], представляющая собой введение-комментарий к переведенным автором речам Демосфена и Цицерона.

Общая характеристика этапа риторики Возрождения может быть представлена следующим образом: 1) появление первых французских риторик на французском языке с образцами стиля из современной французской литературы; 2) формирование риторической доктрины на основе более подробного знакомства с античным канонem (прежде всего с Аристотелем); 3) высокое прогрессивное влияние риторики на становление языкового сознания нации; 4) грамматические "функции" риторики: синтаксическое регламентирование лексики через фигуры; 5) определение риторикой главных принципов стиля и попытки создания литературной нормы; 6) развитие переводческой деятельности и искусства перевода как приложения к риторической доктрине.

Реформистская риторика. При Франциске I французский язык объявлен государственным языком. Средоточием культурной жизни Франции этого периода оказывается Лувр, а наиболее влиятельной сферой гуманитарного знания — риторика, под воздействием которой к концу века трансформируется вся французская литература [François 1959]. Публикуется бесчисленное количество трактатов: Салабер (1638), Жильбер (1639), анонимное сочинение (1615), Бари (1635), Дю Рур (1662), Легра (1671), де Тамплери (1698) и др. Названия риторических сочинений были самыми разнообразными, например: "Источники французского красноречия" Шабанеля (1612), "Размышления об эlegantности и вежливости стиля" аббата Бельгарда (1695), "Красноречие для обучения дамы высшего света" Левена де Тамплери (1698) и т.д.

Интерес французского общества к риторике огромен: она дискутируется, ей посвящаются специальные конференции, создаются (в частности, под руководством Теофраста Ренодо) так называемые bureaux d'adresses, служащие "почтовым ящиком" различных мнений и суждений о риторике. Некий Жан ле Судье в своей школе в Париже обучает искусству "пародирования стиля лучших писателей". Кроме того, существуют "частные академии", т.е. салоны (например, салон Ришелье), в которых расцветает светская риторика. Виды светской риторики многообразны: риторика беседы, эпистолярная риторика, риторика портрета, риторика загадки, риторика метаморфозы и т.д. Появление знаменитой французской *galanterie* связывается прежде всего с усиленным проникновением риторики во все сферы этикета. Из искусства речи риторика превращается в целый жизненный кодекс (*savoir-vivre*), формирующий сознание дворянина, являющегося главным образцом и моделью для подражания века. По-

сколько вся жизнь человека сообразно философии века есть только действия и слова, риторика приобретает (в рамках такого рассуждения) совершенно исключительный статус.

Беспорную роль в поднятии престижа риторики сыграли женщины, и прежде всего салона маркизы Рамбуйе — средоточия светской риторики века (а также письма и мемуары госпожи де Сабле и госпожи де ла Файетт).

Пафос светской риторики направлен на борьбу с "плебейским" стилем в литературе (и шире — в искусстве), враждебным "единственно правильному" стилю придворной риторики.

В атмосфере высокого общественного престижа риторики исключительно влиятельными оказываются реформистские идеи нормирования французского языка, поддержанные широчайшим кругом прогрессивных умов своего времени. Создание литературной нормы (*bel usage*) Вожла, Малербом и Бууром ориентировано в значительной мере на усилия, предпринятые (еще в конце XVI в.) авторами французских риторик. Процесс реформы характеризуется следующими чертами.

1. Доминантной тенденцией процесса реформы оказывается пуризм, сосредоточивший свои усилия на борьбе за чистоту французского литературного языка: отвергаются диалекты, профессиональные и простонародные жаргоны, ученая, искусствоведческая и юридическая лексика. После 1635 г. (создание Французской академии) и в особенности после 1694 г. (появление в свет Словаря академии) эти пуристические тенденции получают лексикографическое подтверждение.

2. Создание *bel usage*, сформированного по модели придворного языка, жестко предписывает: ориентирование исключительно на французские литературные образ-

цы (Малерб, Бальзак); ограждение не только от латинского влияния ("что хорошо в латыни, может быть плохо для французского языка"), но и любого иностранного (итальянского, испанского); борьбу с диалектным проникновением в литературный язык.

3. Объявляется независимость французской риторики от античного канона. Ле Гра [Le Gras 1671]: писал "Изучать риторику по-латыни означает выучиться плохо говорить по-французски". Такого типа радикальные высказывания связаны с протестом против университета, где риторика продолжает читаться исключительно на латыни. Греческие и латинские риторики продолжают переводиться, вернее, приспособливаться к вкусу фаворитов двора. Франсуа Кассандр в 1654 г. модернизирует "Риторику" Аристотеля, а аббат Кассань в 1673 г. — "Оратора" Цицерона. Публикация этих работ вызвала оживленную дискуссию между адептами античной и защитниками новой французской риторики.

Центральной риторикой реформистского этапа является "Французская риторика" Рене Бари, советника и историографа короля, опубликованная впервые в 1653 году [Baru 1659]. Стилистическая программа, выдвинутая в этом сочинении и поддержанная рядом других риторик [Lamy 1969 repr.; Le Gras 1671; Nicole 1679], сводится к нескольким положениям. Прежде всего объявляется борьба с преувеличением "орнаментального" стиля, с неумеренным, избыточным использованием риторических фигур в красноречии и художественной прозе. Так, у Николь: "... фигуры и украшения приличествуют не всякому виду речи: есть такие, которые требуют их, другие отвергают. Даже среди первых есть места, где они излишни. Все заключается в том, чтобы между вещами везде существовало полное согласие" [Nicole 1679, 13]. Бари выдвигает требование уместности стиля, аристотелев-

ской ясности и простоты изложения. Ле Гра идет еще дальше, предвосхищая энциклопедические идеи, и выдвигает разумно-демократический подход к стилю: "существует необходимость заставить низкий и умеренный стиль разнообразить высокий" [Le Gras 1671, 257].

Пуристические тенденции в риторике воплощаются прежде всего в предписании "чистоты" стиля, обеспечивающей точность образного выражения. Поскольку "стиль создается словами" [Lamy 1969 герг.], особое внимание уделяется выбору лексикона, характер которого приводится в прямое соответствие с характером общего "тона" словесного произведения. "Чистота" стиля обеспечивается "уместными" фигурами и тропами, которые должны быть ясными и пропорциональными мысли, которую призваны выразить [Там же]. Мысль при этом, как подчеркивается, должна быть разумной. Вообще, элокуция в этот период проходит важный этап своего развития: пересматриваются длинные списки фигур [Le Gras 1671], формулируются их новые дефиниции [Baru 1659].

Протесты и антипуристические выступления против жесткого регламентирования в языке, начавшиеся еще в XVI в., носят в этот период уже отчетливый характер. В литературе и в театре появляется бурлеск со всей своей "ненормированной" стилистикой и лексической бравадой. Была ли полезной "негативная" стилистическая программа (не пиши так-то, не используй такие-то выражения, не злоупотребляй метафорой и т.д.), выдвинутая риторикой? Представляется, что ответ должен быть дан положительный, хотя многие французские историки литературы [например, Le Hir 1960] полагают, что уже с этого времени риторика "тормозит" литературный процесс. Реформа французского языка и создание литературной нормы, которым

способствовала риторика, оказались не только закономерными (вспомним сетования самих литераторов предыдущего столетия на хаос, царящий в родном языке), но и прогрессивными событиями своего времени.

Общая характеристика этапа реформистской риторики может быть представлена следующим образом.

1. Огромный социально-культурный престиж и экстенсивное развитие национальной риторики; широчайшее распространение светского, придворного красноречия; развивается также церковное красноречие (проповедники Боссюэ, Массильон, Фенелон).

2. Осуществление реформы французского языка и кодификация нормы.

3. Пуристические тенденции в риторике, получившие выражение в борьбе за "чистоту" и благородство стиля против орнаментального стиля гуманистической литературы.

4. Дальнейшее развитие элокуции: попытки пересмотра тропологии и новые дефиниции риторических фигур.

Риторика энциклопедическая и риторика натуралистская. Период конца XVII в. до начала Великой французской революции (1789 г.) известен во французской истории как эпоха классицизма — века "эмансипации ума", осуществления "союза между мыслью и языком", торжества риторики. Эпоха поиска нормы и "кодифицирующих" усилий грамматистов и риторов сменяется эпохой "rhétorique de l'esprit", языковой "интроспекции": язык стремится облечь себя в мысль, руководящую языком [Barthes 1970]. Как и каждый новый период, классицизм в значительной мере строится на отрицании предыдущего: вместо *bel usage* — попытка осознания языковых процессов, вместо "благородного" стиля придворной литературы — проникновение в язык

профессиональных жаргонов (и прежде всего ученой лексики) и языка "народа", столь презируемого в прежние времена. К возмущению Вольтера нарушаются вергилианские стили.

Французская нация стремительно развивает свой интеллектуальный потенциал: наступает мода на путешествия, ремесла, науку (особенно логику и философию), открываются многочисленные музеи (формирование ориентализма), публикуются различного рода словари и справочники.

Главная черта рационалистской энциклопедической риторики, получившая блистательное развитие в работах Дюмарсе и Батте, — укрепление связи риторики с логикой. Связь эта, описанная Аристотелем, всегда являла собой основания риторики. В эпоху картезианской философии и особенно Пор-Рояля основания эти эксплицируются. Поскольку логика есть искусство правильного рассуждения, а рассуждение невозможно без языка, то необходима организация некоторого адекватного соответствия между формой и "смыслом". Истина должна быть "кодифицирована в выражении". В грамматике (и в риторике) язык и логика соединяются, чтобы "объять реальность, о которой высказывается нечто (логос) в рамках категорий (универсальных принципов), которые определяют все возможные способы соединения предиката с субъектом" [Barthes 1970]. Эти способы определяются в Пор-Рояля сообразно выделенным Аристотелем девяти субстанциональным сущностям, к которым относятся: качество, количество, отношение, место, время, положение предмета в пространстве, а также категории "иметь", "действовать" и "созерцать". Влияние сочинения Арно и Николя "Логика, или искусство мыслить" [Arnauld, Nicole 1965—67 герг.] на риторику и вообще на развитие гуманитарной мысли во Франции очень велико. Сочинения

Пор-Рояля цитируются всеми без исключения риториками и писателями XVIII в. Безусловной репликой на работу Арно и Николя явился риторический трактат "Искусство говорить" Бернара Лами [Lamy 1969 герг.] и, позже, риторика Кондильяка "Искусство мыслить и искусство писать" [Condillac 1821]. Цепочка описания идеоречевого цикла, таким образом, замыкается:

Искусство мыслить (Пор-Рояль).

Искусство говорить (Лами).

Искусство писать (Кондильяк).

Другой важной особенностью энциклопедической риторики, связанной тесным образом с предыдущей, оказывается попытка "осознать себя": очертить свои задачи, отграничить себя от смежного гуманитарного знания. Эти цели определили особый интерес к чисто языковым проблемам: изучаются орфография, просодия, этимология, стилистические нюансы.

В XVII в. риторика часто существовала в своем "голом" доктринальном варианте, не сопровождаемом никакими рассуждениями. Так, Жибер, ректор Парижского университета и один из преподавателей по классу риторики, посвящает всего 10 страниц своего огромного труда (650 страниц!) комментарию тропов. Риторический трактат Лами, выдержавший пять изданий с 1675 по 1701 г., начинается с описания "органов голоса". Судить о предмете риторики оказывалось тем более затруднительно, что до классической эпохи часто смешивались диалектика (логика), грамматика и риторика. Лансло, выделивший три основные мыслительные операции — идею, суждение, умозаключение, — так определяет специфику каждого из этих предметов: логика — искусство мыслить, универсальная грамматика — наука говорить, риторика — искусство говорить. У Дюмарсе грамматический цикл описывается следующим образом: сведения о предложе-

нии и периоде; орфография; просодия (произношение и "качество слогов"); этимология; введение в синтаксис (природа слов, их грамматические свойства: род, число, лицо и т.д.); синтаксис; тропология. Тропология закрывает грамматический цикл и одновременно служит введением в риторику и логику. Таким образом, тропология — часть третьего, завершающего раздела риторики, элокуции, выводится за пределы главной риторической схемы и включается в грамматику. Идея Дюмарсе оказывается понятной, если учесть, что под тропологией автор понимает изучение "различных значений, принимаемых одним словом в одном языке" [Du Marsais 1793, с. 80]; значение тропологии необходимо для "истинного понимания слов как знаков наших мыслей" (Там же). Логика Дюмарсе оказывается вполне современной и соответствует нашим представлениям о лингвистике. В самом деле, налицо, во-первых, уровневая модель языка (просодия = фонетика; введение в синтаксис — изучение рода, числа, лица и т.д. = морфология: далее — синтаксис). Во-вторых, наличествует раздел семантического синтаксиса, носящего у Дюмарсе название "тропология". Последняя представляет собой учение о переносном смысле слова, лежащем, по Дюмарсе, в основе процессов словоизменения, словообразования и этимологии. Приложение к тропологии — теория перевода. Здесь Дюмарсе, сообразуясь с развитыми им общими положениями о прямом и переносном смысле, предостерегает переводчика от универсальной трактовки переносного смысла: слово, подчеркивает он, не сохраняет в переводе все переносные значения, которыми оно обладает в своем родном языке. Словарная статья, замечает далее Дюмарсе, обязательно должна содержать указания на прямое и на переносное значения слова.

Некоторые соображения, хотя и менее определен-

ные, по поводу разграничения областей исследования между грамматикой и риторикой высказывает другой известный французский филолог XVIII в. Д. Тьебо [Thiébault 1774]. Грамматике, по Тьебо, принадлежат некоторые обороты (tours), а также простое, сложное, одно- и двусоставное, главное и придаточное предложения и некоторые тропы и фигуры, например инверсия, гипербата, эллипс, плеоназм. К сожалению, нигде не уточняется, почему именно эти элементы языка должны описываться грамматикой. Остается лишь высказать предположение, что грамматика здесь — синтаксис, тогда как риторика, по-видимому, сближается с семантикой.

В "Трактате о стиле" Тьебо выделяет в самостоятельную дисциплину учение о стиле (рождение стилистики во Франции может, таким образом, датироваться 1774 годом). В Предисловии к своему труду Тьебо пишет: "Искусство, о котором идет речь, располагается между Грамматикой и Риторикой и не принадлежит в большей степени ни той, ни другой" [Там же 1774, 4]. Стилль определяется в сочинении как особая и постоянная манера выражать свои мысли "письменно или живым голосом". И далее: «стилль проявляется в выборе мыслей, которые желаешь выразить; в выборе порядка, в котором будут следовать эти мысли; в выборе связей, объединяющих мысли; в выборе выражений, в которые эти мысли облакаются; в выборе "оборотов", которые принимают эти выражения и представляются читателю; и, наконец, в выборе общего тона, которому подчиняется все» [Thiébault 1774, 11].

Риторика возникла, как отмечает Дюмарсе, прежде всего как результат длительных размышлений грамматиков и раторов над различными способами словесного выражения. Итог размышлений — описание этих способов как разновидностей речи.

Значение риторики, педагогическое и нравственное, оспаривалось, как мы видели, на протяжении всей ее истории. Наибольшие возражения вызывали ее "сухость", "доктринальность", "рационализм", развитый, впрочем, в эту эпоху во всех областях знания. Дюмарсе же писал: "Если мы хотим сформировать вкусы молодых людей, следует указывать не только на (стилистические) красоты, но и на недостатки у тех авторов, которых мы предлагаем для прочтения. Да, я признаю, что легче восхищаться, но гораздо более полезной оказывается мудрая и просвещенная критика, лишенная страстей и фанатизма" [Du Marsais 1793, 197].

Сказанное Дюмарсе, безусловно, справедливо, но нельзя не признать и правоты за теми, кто критиковал риторику в области учения о стиле. В самом деле, ни в одном из риторических произведений, трактующих проблемы, связанные со стилем, до этого времени не встречалось даже намеков на возможную его индивидуальность или психологическую характеристику. Логистические основания риторики а priori лишают ее доктрину психологических горизонтов. В эпоху развитой словесности и удовлетворительного владения литературным письменным языком достаточно широкими кругами общественности, "кодифицирующая", нормализаторская функция риторики в большой мере теряет свое значение. В объективистском мире риторики начинает появляться "индивидуальность": "я" уже не ограниченное абстрактным "я" оратора, высоко-нравственного и ученого, а "я", полное страстей и страданий. Так, параллельно рационалистической энциклопедической риторике возникает риторика натуралистская, "аффективная", риторика "движений души".

Первой работой этой риторики был уже упоминавшийся трактат Бернара Лами "Искусство говорить", впервые изданный в 1675 г. и выдержавший четыре издания (самое полное — 1701 г.). Именно по прочте-

нии этого сочинения Ж.-Ж. Руссо заметил, что отец Лами первый ввел в литературный обиход понятие "страсть" и показал ее роль.

Вообще, наиболее существенными понятиями натуралистской риторики оказываются понятия образа (image) и воображения (imagination). Еще более решительная попытка включить "воображение" в риторику принадлежит Кондильяку, развившему учение об образности (Condillac 1788—1798). Им выделяются четыре типа образов: философский, чувственный, живописный и поэтический, каждый из которых должен обладать специфическими стилистическими характеристиками.

Развернутая эстетико-психологическая характеристика особенностей стилей, свойственная "аффективной" риторике, продемонстрирована и у раторов, весьма далеких от натурастских идей. Примером может служить упоминавшийся Тьебо, который описал в довольно недифференцированном виде различные виды "тонов" (стилей).

Наполовину натурастом, чрезвычайно своеобразным мыслителем, значение творчества которого, по-видимому, оказалось недооцененным в истории европейского гуманитарного знания, был ученый-энциклопедист аббат Батте. Представление о слове как об образе вылилось у Батте в учение о музыкальной гармонии в языке, об ономотопее как источнике первичного производства смысла, о поэтическом синтаксисе. В своем трактате "Об ораторском построении" [Batteux 1793] автор развивает теорию словесной аранжировки текста, выделяя три главных способа построения высказывания: метафизический, грамматический и ораторский. Один из существенных признаков ораторской аранжировки фразы — ее большая авторская свобода. Принципиальным отличием речи повседневной, обиходной (грамматической, по выражению Батте) от речи

поэтической (прозаической или версификационной) оказывается степень обработанности последней и особая ритмическая организация ("искусственная просодия"), свойственная художественной прозе и особенно поэзии.

Изучение ритмико-синтаксической структуры текста, получившее столь блистательное развитие в наше время, видимо, берет свое начало в риторической доктрине и, прежде всего в представлениях, развитых у Дионисия Галикарнасского, учеником которого называет себя Батте.

Представляется, что теория "искусственной просодии", описание ритмико-синтаксического своеобразия поэтической речи, общетеоретические взгляды на происхождение языка и семиотическое представление о слове как о некотором соотношении звука и смысла выдвигают Батте в ряд крупнейших теоретиков гуманитарного знания XVIII в.

Перечислим основные черты риторики эпохи классицизма: 1) параллельное развитие двух риторик: энциклопедической (рационалистской) и натуралистской ("аффективной"); 2) энциклопедическая риторика характеризуется прежде всего выраженной логистической направленностью и усиленным интересом к языку как компоненту логоса; 3) натуралистская риторика положила начало новой стилистике, введя понятия образа и воображения.

Кризис французской риторики. Этап развития риторики, который завершает наш исторический экскурс, начинается именами великих французских ораторов Революции (Ройе-Коллара, Беррье, Гизо, Робеспьера) и заканчивается эпохой, когда в таких фундаментальных гуманитарных исследованиях, как "История французской литературы" Ж. Деможо [Demogeot 1862], бывшего преподавателя риторики в лицее Сен-Луи, не оказывается ни слова о риторике.

Риторика никогда не была простой дисциплиной и потому вряд ли была до конца понятной широким кругам читающей публики. Можно также, вслед за Кондильяком, сказать, что искусство "испытывает на себе все перемены обиходов и нравов... Оно изменяет наши привычки, и наш вкус изменяется вместе с ним. Представления о прекрасном бесконечно варьирует, одна мода сменяет другую, и не думаешь о том, что то, что нравится сегодня, завтра окажется неприемлемым..." [Condillac 1821, 363]. Однако, как известно, история всегда права, и фактологическая сторона явления заставляет искать подлинные причины падения престижа риторики.

Эти причины относят нас к сфере культурно-социальной (внешние причины) и собственно риторической (внутренние причины). Вероятно, в реальности эти причины переплетались, создавая достаточно запутанную картину.

Культурно-социальным оппонентом номер один классицизма (и риторики) оказывается романтизм. Еще Руссо в значительной степени в упрек классицизму выдвигает тезис о том, что литература должна выражать не идеи, а опыт людей: "Для того, что я имею сказать, следует создать язык, который был бы так же нов, как то, что я хочу сказать". И если для Руссо и Дидро борьба с классицистическим видением мира и определенными риторическими установками — прежде всего борьба против засилья "благородного стиля", за простоту и естественность в языке, то для литераторов-романтиков (Шатобриана, Ламартина, Гюго и особенно немцев — Новалиса и Тика) — борьба за свободное "я" художника, против суммы бесполезных рецептов, чем казалась им риторика. "Мир — синтаксису, война — риторике!" — восклицает Гюго. Апофеозом романтического сражения с классицизмом

может служить тезис, повторенный Флобером: "Стиль — это человек". По-видимому, если стиль — это человек, сколько людей, столько и стилей. Естественно, там, где речь понимается вне языка, исключение — вне правила, элемент — все системы, не остается места для риторики (впрочем, как и для многих других дисциплин). К середине XIX в. идея искусства (умения, ремесла), которая более двух тысяч лет отстаивалась риториками многих народов, заменяется идеей индивидуализма и гения; идея доминирующего разума — идеей доминирующей страсти; идея литературного языка как источника авторского художественного слова — идеей бесчисленного множества авторских языков. Следует отметить, что в XIX в. риторика не подверглась ни сколько-нибудь объективному анализу, ни конструктивной критике ни со стороны поэтов-романтиков, наиболее яростно ее отрицавших, ни со стороны уже достаточно обширной группы языковедов (даже и вне компаративистики). Наибольшее негодование (как мы видели, с довольно давних времен) вызывал нормативный пафос риторических сочинений. Предписание — пиши так, а не иначе — воспринималось (прежде всего литераторами) как прямое оскорбление. Интересно отметить недоразумение, лежащее в основе этой критики. На самом деле, риторика как словесное искусство со всей необходимостью оказывалась построенной как система правил и являлась "предписанием" по форме изложения материала. Лучшие теории красноречия (начиная с Цицерона) никогда не только не навязывали кому-либо свое видение мира и слова, как единственно возможное или единственно правильное, но и не считали риторику комплексом знаний, вытекающих из абсолютных принципов. Дадим слово одному из известных риторических авторов XIX в. Д. Ординеру: "... если риторика претендует на то,

чтобы устанавливать правила, применимые ко всем случаям, то тогда она является самым детским и тщетным из всех методов. Однако, если вместо того, чтобы возводить себя в ранг устава, она остается тем, чем является на самом деле, то есть опытным искусством, обобщением наилучшей практики, то она становится полезной; в ней масса интересных анализов и поучительных примеров... Никогда трактаты по военному искусству не формировали великих полководцев..." [Ordinaire 1866, 217, 218]. Существенно, однако, что знание некоторых экспериментально установленных правил военного мастерства вряд ли могут такому полководцу помешать.

Другим, более серьезным критическим замечанием в адрес риторики, было требование (в частности, Гюго) "убрать перифразу". Риторическая стилистика была основана (в своей теории фигур) на представлении о некотором гипотетически "нейтральном" стиле речи, трансформируемом с помощью фигур. Преобразование, служащее формированию фигуры и, в обратном направлении, ее "нейтрализации" представляло собой перифразу. Перифраза, таким образом, являлась в риторике методом анализа литературного текста, техническим приемом, облегчающим его интерпретацию. Если Дюмарсе пишет, что любая интерпретация литературного текста должна начинаться с анализа буквального смысла, то он имеет в виду, видимо, следующее. Перефразирование авторского текста при анализе вызвано прежде всего необходимостью понять смысл этого текста. Так, если Лафонтен пишет: "Когда Феб будет царить над другим полушарием", то он (и это следует из мысленного перефразирования) имеет в виду: "Когда солнце уйдет за горизонт" (или: за экватор, или: когда наступит ночь). *Когда солнце уйдет за горизонт* является риторической пери-

фразой, или мысленным эквивалентом, выражения Лафонтена. Другая причина, сделавшая перифразу одним из главных приемов риторического анализа, — необходимость интерпретации литературного текста. Так, четверостишие Малерба:

”Бедняк в своей хижине, крытой соломой
Безропотно следует этим законам
И страж, охраняющий Лувр у дверей
Не может от них защитить королей”¹,

как пишет Дюмарсе, означает, что ”все люди смертны”. Эти главные задачи — понимание и толкование текста — решались с помощью перифразы. Она же как прием лежит в основе производства отдельной фигуры.

Однако внимательное рассмотрение этого предложенного риториками герменевтического приема наводит на определенные размышления. И конечно, безупречная художественная интуиция Гюго (и других романтиков) подсказывает ему вопросы: разве Лафонтен и Малерб не сказали уже то, что хотели сказать. Разве в искусстве эквивалент может быть ”равен” оригиналу. Разве смысл оригинала и в особенности, его поэтическая ценность не исчезают немедленно при перифразировании. Разве поэтическое, авторское слово не единственное.

Эта позиция романтиков не может не вызвать симпатии у современного читателя, воспитанного идеями литературной критики о целостности и отдельности произведения искусства.

В Предисловии к драме ”Кромвель” Гюго говорит: ”Скоро станет понятно, что писатели должны оцениваться не исходя из правил и жанров, находящихся вне естества и искусства, но сообразно непреложным

¹ Перевод наш.

законам самого искусства". Остается выяснить, что это за законы. В риторике была сделана такая попытка: вывод, имплицитно содержащийся в каждом риторическом сочинении и вытекающий из самой доктрины, представляет это искусство прежде всего как язык. Говоря "риторически", язык есть причина, источник и основа любого литературного (и ораторского) творчества; именно творческое начало в самом языке позволяет выбрать в нем любые средства для создания любого текста. Существенно выявить, какие именно годятся для той или иной задачи и как это сделать. Рассматривая искусство как прием, риторика попыталась ответить на эти вопросы. Формализм, присущий риторике, противопоставил ее в XIX в. господствующим литературным взглядам. Интересно, что в XX в., особенно в начале, в эпоху усиленного формального поиска в искусстве (и в гуманитарных науках), именно это свойство риторики вызвало наибольший энтузиазм у литераторов.

Кроме этих существенных расхождений между риторикой и ее оппонентами, имелись и более частные спорные вопросы, нужен ли александрийский стих (позже с ним покончили парнасцы), правомерно ли использование мифологических параллелей в современной поэзии. В отношении мифологизма и анимализма в сравнениях и эпитетах мнение оказывалось единым: требовалась умеренность. Как не без иронии замечает в своем сочинении один из авторов риторик англичанин Г. Блер, "во времена, в которые мы живем, удобней прямо представить себе яростную схватку между людьми, нежели сражение между тигром и быком" [Blair 1793].

Другая группа причин, приведших к дискредитации риторики в научных и литературных кругах, коренилась, как сказано, в недрах самой риторики и в типе

ее эволюции во Франции. Существование романтизма с его новой системой текстов оказалось важной, но не главной предпосылкой риторического спада. Следует, видимо, говорить о спаде, а не о полном закате, поскольку риторика продолжала оставаться основой школьного и университетского гуманитарного образования, продолжала анализировать не только классическую, но и современную литературу, и в том числе, лучшие произведения Шатобриана, Готье, де Вилля, яростным нападкам со стороны которых она подвергалась, академически неприступно пренебрегая критикой неумеренной молодежи. Существенным для самой риторики оказывается другое.

Прежде всего сам факт причастности риторики к словесным искусствам противопоставлял ее науке, институализация которой во Франции к этому времени была завершена. У риторики была четко сформулированная задача — правила текстообразования, но, по существу, не было объекта. Точнее, этот объект или то, что могло быть объектом, — язык — оказывался слишком обширным, нерасчлененным и объединенным (в логосе) с мыслительной деятельностью. В целом рационалистский характер французской риторики, даже там, где она продолжает идти не за Декартом, а за Аристотелем, не позволяет ей усомниться в нерасторжимом союзе мысли и языка. Таким образом, язык — средство выражения мысли (в крайнем случае — чувства), но никак не самостоятельная сущность. По-видимому, в эпоху историзма имелась, и это показывает сравнительное языкознание, и другая возможность отношения к языку, хотя упреки в антиисторизме, которые делались риторике, вряд ли являются обоснованными. Она не более "антиисторична", чем любая доктрина или, например, система (в сосюррианском смысле).

Другим важным обстоятельством, вызвавшим резкое неприятие риторики в XIX в. (парадоксальным образом), была одна из ее самых блестящих интуитивных догадок, о приложимости учения об ораторском искусстве к искусству речи вообще (в том числе и письменному). Идея эта, давшая возможность в наше время назвать риторику "грамматикой литературного выражения" [Barthes 1972], как мы видели, имплицитно содержалась во всех и в том числе в самых ранних французских риториках и, наверное, в античной традиции. Сочинение ораторских речей в Древней Греции очень рано стало осуществляться по найму, на заказ, и именно письменная форма ораторской речи облегчила анализ принципов красноречия. У Исократа, например, ораторский текст предназначался не только для прослушивания, но и для чтения. Более того, именно с помощью таких записей, видимо, возникла не только риторика, но и художественная проза, как особый род литературы [Античные риторики 1978].

Общее происхождение риторики и художественной прозы, вообще говоря, довольно знаменательно. Для развиваемой здесь темы, однако, более важным оказывается дальнейшее совершенствование риторики как искусства письменной речи, наблюдаемое по абсолютному большинству риторических публикаций. Такая ориентация риторики носит, по-видимому, наднациональный характер и связана в новое время не только с постепенной ликвидацией условий, способствовавших, например, в греческой цивилизации, расцвету искусства устной речи, но и вообще с превалированием в европейских условиях письменной культуры.

К середине XIX в. этот факт становится очевидным, о чем свидетельствует автор одной из риторик этого времени: "Рассматриваемая этимологически, риторика — это искусство (устной) речи, но смысл этих слов так

изменялся и расширялся, что сегодня они означают искусство писать, каким бы ни был используемый сюжет и форма" [Baron 1853, 387]. Вопрос о соотношении письменной и устной форм речи неоднократно возникал на страницах французских риторик [Например, Reinah 1894]. Риторическая доктрина при этом оставалась неизменной и механистическим образом прилагалась к литературному творчеству, что, по понятным причинам, не могло удовлетворить оппонентов, а priori настроенных против риторики.

Другой причиной "саморазлада" риторики, связанной с предыдущей, было, как мы помним, появление (еще в конце XVII в.) "аффективной" риторики, в значительной степени противопоставленной рационалистской. Замена понятия "идея" на понятие "чувство, страсть", лежащих в основе производства риторической фигуры — и шире — всего литературного творчества в целом, не кажется столь принципиальной при поверхностном анализе. Оказалось, однако, что затронутой оказывается вся риторическая доктрина. Риторы, начиная с Аристотеля, всегда говорили об использовании страстей для достижения необходимой убедительности, но нигде и никогда раньше в риторике страсть не была неконтролируемой движущей силой производства текста. Если страсть, а не мысль, — тогда распадается логос, а язык делается игрушкой воображения. Если страсть, а не мысль, тогда Инвенция — поиск аргумента — оказывается никчемным занятием. Риторы, впрочем, как и многие после них, не могли справиться с категориями, не укладывающимися в рамки рационалистской логики; воображение, образ, страсть, индивид — все эти представления, интуитивно связываемые с художественным творчеством, не нашли и не могли найти места в риторической схеме. Объективно складывались такие об-

стоятельства, при которых инвенция, в своем классическом варианте, оказывалась неприменимой к задачам осмысления искусства авторской письменной речи. Диспозиция — расположение аргументов — являлась еще пригодной для школьных сочинений, но уже преобразовывалась в работах романтиков в учение о литературной композиции, покоившееся на иных основаниях. Элокуция — учение о фигурах речи — в XIX в. также претерпевает существенные изменения. Дюмарсе, а вслед за ним и ряд других риториков, высказывают мысль о необходимости сужения элокуции за счет отнесения в грамматику ряда фигур и даже типов фигур. Так, А. Барон, один из известных преподавателей риторики, замечает: "Мне представляется, что то, что принято называть фигурами дикции, должно быть полностью отдано грамматике. Модификации, затрагивающие только материал знака с помощью приращений, сокращений и перегруппировки букв, принадлежат фигурам не более, чем подобные им изменения в корпусе слов, регулируемые склонениями и спряжениями" [Baron 1853, 296].

Таким образом, не только внешние причины, не только романтическая идеология и мировоззрение способствовали кризису риторики. Модификации, произведенные внутри самой системы, также способствовали в значительной мере ее разложению. То, что раньше составляло цельную доктрину, к концу XIX в. оказалось перераспределенным по разным областям гуманитарного знания: инвенция дает материал для философии и логики, диспозиция — для теории литературы, элокуция — для стилистики. Риторическая доктрина, не будучи никем и никогда опровергнутой, диссоциируется в мире научной объективности.

Процесс этот, однако, не получил завершения, и история риторики не обрывается в XIX в. В начале XX в.

и в особенности в его середине интерес к риторике, в силу ряда причин, о которых будет сказано далее, возобновляется, вызывая к жизни риторический Ренессанс.

Материал истории французской риторики XVI—XIX вв. призван был показать прежде всего несомненное влияние социально-культурных условий исторического существования Франции на развитие риторики, хотя жесткость ее теоретических рамок препятствовала в определенной мере модификациям. В каждую эпоху — и это отражает приведенная периодизация — риторика защищала конкретно-исторические нравственные и эстетические ценности. Иногда влияние исторического контекста очевидно и почти прямолинейно: достаточно вспомнить, например, о закате церковного красноречия и взлете политического в эпоху Великой Французской Революции. Чаше это воздействие косвенно и может быть выделено только с помощью анализа.

Другим существенным обстоятельством, выявленным в результате исторического описания, является "обратный" процесс: влияние риторики на культурное (и, возможно, политическое) развитие нации. Наиболее ярко это влияние выразилось в участии риторики в процессе формирования литературного языка и стилей речи. Деятельность "Плеяды" поддерживалась риториками, которые и сами немало внесли в осуществление программы "защиты" французского языка. Этот факт в истории французской культуры не отмечен и потому должен быть упомянут особо.

Содержательные проявления риторики в XVI—XIX вв. многообразны: это и образовательная программа, и техника литературного мастерства, и определенная когнитивная программа, и элементы научного знания, и теория стилей.

Культурный диапазон влияния риторики, особенно в

XVII—XVIII вв., огромен: формирование языкового сознания нации, этикета, литературно-художественного вкуса осуществляется не без воздействия риторических идей. Отдельные компоненты риторической доктрины в слегка модифицированном виде вошли в состав современного научного знания: в философию, логику, семиотику, языкознание, стилистику, литературоведение.

В лингвистическом отношении особый интерес представляют риторика Дюмарсе, по существу, заложившая основы семантического синтаксиса и учение об "искусственной просодии" Батте, предвосхитившего многие идеи ритмико-синтаксической организации речи. Именно Батте высказал зрелые соображения о знаковом характере языка, ввел принципы линейности и дискретности языка, уровневой модели, отстаивал теорию "звукоподражательной" природы человеческой речи. Будучи первым в истории человечества лингвистическим учением, риторика сделала существенный и почти забытый вклад в развитие представлений о языке и речи.

ГЛАВА 5

Французская неориторика (XX в.)

Риторический ренессанс. Кризис, охвативший риторiku в XIX в., и почти полная ее диссоциация в системе научного знания не поставили точки в истории ее развития. В XX в. в Европе происходит подлинное риторическое возрождение: забытые риторические идеи не только оказываются в центре внимания многих семиологов, лингвистов, литературоведов, философов и логиков, но и формируются в оригинальное направление в области гуманитарного знания — неориторiku. Дialeктическое возвращение старого и включение

его в систему новейших научных воззрений не всегда свидетельствует, как видно на примере риторики, о непрерывной преемственности знания, а представляет собой более сложный науковедческий феномен, требующий специального анализа. Здесь не ставится такая задача: для понимания процесса существенно, однако, представить наиболее общий исторический контекст, в рамках которого оказался возможным риторический ренессанс.

Как видно из материала предыдущей главы, в Европе общественное мнение в XIX в. было ориентировано "антириторически". Если риторика еще удерживается в это время в системе высшего филологического образования, это связано скорее с инерцией мышления деятелей просвещения, ответственных за гуманитарную подготовку учащейся молодежи, нежели с их подлинной приверженностью риторической доктрине. В науке прошлого столетия для риторики не нашлось места: ораторские выступления перестали быть делом профессиональным и не требуют отныне никакой теоретической подготовки; языкознание монополизировано компаративистикой, достижения которой столь значительны, что заслоняют все остальные в науке о языке; литераторы, историки литературы и литературные критики, выбившиеся из-под нормативного ига риторических предписаний, декларируют свободное "я" художника, черпающего из сформированного литературного языка нужные ему средства и создающего свой собственный индивидуальный литературный стиль. Парадоксально, но риторика как стройная система взглядов, унаследованная от античности, никогда не подвергалась сколько-нибудь серьезной критике со стороны своих научных и литературных противников, хотя и обвинялась в монополизации теории литературного языка. Риторика сохранила свойствен-

ный словесному искусству способ построения материала в виде рецептов, предписаний и правил, обычно сопровождаемых анализом классических образцов античного и национального литературного творчества. Назидательно-дидактический смысл и нормативный пафос большинства трактатов, обучающих искусству литературного выражения, более всего шокировал апологетов романтизма. Против риторики, как это было показано, объединились некоторые объективные обстоятельства. Немаловажное значение во временном успехе ее оппонентов имела усложненная, порой устаревшая форма риторических сочинений, изобилующих списками фигур, классификациями, схемами и другим таксическим аппаратом, особенно сложным для понимания предвзятым читателем. "Transiit classificando", — шутит Р. Барт [Barthes, 1970, 80]. Взаимное непонимание выразилось, в частности, в необоснованной критике в адрес риториков XVIII в., якобы утверждавших, что язык словесных фигур с необходимостью является поэтическим языком, хотя в лучших французских риториках [Du Marsais, 1967 repr.; Fortanier, 1968] фигура речи анализируется только как прием речевой деятельности, характеризующей поэзию. Теоретизирование в области языка как общего источника литературной деятельности, не позволило риторам принять идею множества литературных языков, т.е. концепцию индивидуального стиля.

Климат XIX в. оказался, таким образом, чрезвычайно неблагоприятным для риторики. Французский журнал, посвященный проблемам образования, уже в 1836 г. как отмечалось, был вправе констатировать, "без поддержки университетских предписаний риторика сегодня была бы мертва" [Цит. по: *Rhétorique générale* 1970].

Дальнейший ход событий, однако, опровергает это пессимистическое утверждение. XX в. принес с собой

новое искусство, новую философию, которые создали почву для возрождения риторических идей.

Наиболее общим контекстом, в котором оказался возможным риторический Ренессанс, является утверждение формализма в области науки и искусства, характерное для начала нашего столетия. Для возрождения интереса к риторике объективно существенное значение имели идеи Ф. де Соссюра, хотя неориторика ни хронологически (появление ее датируется во Франции 50—60 гг.), ни идейно (никем из исследователей риторика не связывается с соссюрианством) не имела прямого отношения к наследию Ф. де Соссюра. Значение это тем не менее принципиально, так как две основные мысли "Курса" — возможность внеисторического рассмотрения языка как системы и выделение языка (*langue*) и речи (*parole*) в рамках речевой деятельности (*langage*) — в имплицитной форме содержались в риторической доктрине. Теоретическая возможность сопоставить основное содержание теории Ф. де Соссюра и риторической концепции существовала со времени публикации "Курса". Неосуществление этой возможности в те годы также объяснимо: внимание лингвистов было сосредоточено на изучении языка (*langue*) как системы (фонология, структурная грамматика и т.д.), а не речи (*parole*), которая входила в программу изучения речевой деятельности, выдвинутую Ф. де Соссюром, но до недавнего времени оставалась вне магистрального курса лингвистики. Именно интерес к изучению речи создал почву для появления неориторики.

Риторика всегда развивалась в соответствии с определенными культурными контекстами. Для Франции это положение справедливо не только для классического периода развития риторики (XVII—XVIII вв.), когда гуманитарное знание было еще отмечено определен-

ной степенью синтетизма, но и для XX в., характеризуемого в своей первой половине научным позитивизмом и стремлением к дифференциации. Эта тенденция не помешала, однако, возрождению интереса к риторике в глазах художественной интеллигенции, наступившему после выхода в свет манифеста сюрреализма (Валери, По, Малларме) и, особенно, "Тетрадей" Валери. Это сочинение, полностью опубликованное во Франции в конце 50-х гг. [Valéry 1957—1961], представляет собой истинную интеллектуальную лабораторию, весьма интересную для лингвиста, занимающегося проблемами речи. Идея П. Валери составить "таблицу логарифмов" для литераторов приводит его к осознанию той принципиальной роли, которую играют вообще в языке и в поэзии, в частности, риторические категории. П. Валери предлагает несколько определений риторики: 1) риторика — речевая модификация усвоенного языка; 2) риторика, т.е. наука о языковых отклонениях; 3) риторика — искусство вербальных субституций, призванных оптимизировать речь. Последнее определение исключительно важно не только для переосмысления риторики и ее структурной интерпретации, предпринятой в последние годы, но и для научной модели самого П. Валери, понимавшего произведение искусства как диаграмму некоторого цикла трансформаций, осуществляемого между индивидом и аудиторией. Риторика в рамках этой программы оказывается призванной обеспечить речевую "технику" таких трансформаций.

Первая попытка реабилитации риторики во Франции XX в. таким образом, парадоксально осуществлялась не в рамках лингвистики или даже семиотики, но в научном творчестве истинных поэтов, заново осознавших состоятельность риторики как науки о возможных формах литературной речи. Влияние идей П. Валери

на последующее развитие неориторики оказалось тем не менее несущественным из-за слабой изученности и, в особенности, слабой распространенности его концепции.

Подлинный риторический Ренессанс во Франции датируется послевоенным временем (50-е годы). Внимание исследователей оказывается привлеченным к работам в области риторической теории аргументации бельгийского философа и логика Х. Перельмана, описанной в первой части книги. В 60-е годы появляется серия филологических, семиологических трудов, в которых представлены не только краткие экскурсы в историю риторики, но и обосновывается необходимость современной интерпретации основных положений риторического учения. Возникновение неориторики связывается с именами Р. Барта [Barthes 1963; 1972; 1972a], Ж. Женетта [Genette 1964; 1966—1974], Цв. Тодорова [Todorov 1971], К. Варги [Varga 1970] и некоторых других исследователей. В это же время (и позже) предпринимается переиздание риторических трактатов Лами, Дю Марсе, Фонтанье и других полузабытых авторов.

Определенной вехой в развитии неориторики оказывается 1970 г., когда выходит специальный номер журнала "Communication", посвященный риторике, и первая часть фундаментального труда по общей риторике риторического кружка Льежского университета (Бельгия) [Rhétorique générale 1970]. В дальнейшем льежская неориторическая школа (группа μ) опубликовала значительное число частных риторик и вторую часть исследований в области общей риторики — "Риторику поэзии" [Rhétorique de la poésie 1977].

Наиболее интенсивное развитие новой риторики относится к 70-м годам и процесс этот, по существу, не только не ослабевает, но и продолжает нарастать.

Хронологически это явление оказывается объяснимым, если принять во внимание определенные тенденции в эволюции филологических и — шире — гуманитарных дисциплин последних лет. Один из создателей льежской школы риторики Ж. Дюбуа в предисловии к "Общей риторике" утверждает, что неориторика возникла на границе структурализма, семиологии и новой критики. Безусловно, классическая риторика в течение долгих веков развивавшаяся как искусство речи, объединяла в себе элементы синтетического знания (о речи, жесте, пантомиме, музыке, психике говорящего и слушающего и др.). По-видимому, формирование неориторики как науки в силу этих обстоятельств также не ограничивается уже в нашу эпоху рамками какой-либо отдельной дисциплины, даже лингвистики, на которую она опирается и методы которой использует. Как далее будет показано, переосмысление риторической доктрины осуществляется у философов и логиков [Perelman 1970; 1977], теоретиков литературы и литературных критиков [Adam, Goldenstein 1976; Delas, Filliolet 1973], в том числе и представителей "новой критики"; семиологов [Coquet, Arrivé 1979; Greimas, Courtés 1979] и лингвистов [Barthes 1963; 1972]. Таким образом, Ж. Дюбуа оказывается прав, подчеркивая довольно общий характер новой риторики. Что касается связи структурализма и риторики, дело обстоит, как представляется, сложнее. Использование некоторых структуральных методов в неориторике и системный характер самой классической риторики создают ошибочное впечатление структуралистского характера новой риторики. На самом деле, неориторика возникает скорее как оппозиция структуральной идеологии, основной тезис которой в применении к тексту формулируется как призыв изучить текст "в самом себе", пренебрегая внеязыковым пространством, где он функционирует,

автором, который его производит, и слушателями, которые его воспринимают. Этот тезис, как полагают некоторые критики структурализма [Guespin 1975], является некритически воспринятым известным указанием Ф. де Соссюра изучать язык "в самом себе и для себя".

Неориторика как раз меньше всего интересуется языком как системой, понятой в структуралистском духе. В основе самой классической риторической доктрины лежат представления о контексте, об экстралингвистической реальности, об общении, осуществляемом в зависимости от ряда факторов. Следует согласиться с А.-Ж. Греймасом, утверждающим, что "настоящий всплеск риторических идей в наше время объясняется тем, что под воздействием семиотики вновь появляется проблематика речи" [Greimas, Courtès 1979]. Новая риторика начала развиваться в русле тех же идей, что и так называемая лингвистика текста (дискурса, речи). Многие авторы полагают, что именно неориторика транспонировала в лингвистику текста весь основной комплекс идей, перенесенных, в свою очередь, в терминологически обработанном виде из "палеориторики" [Barthes 1970]. Р. Барт утверждал, что классическая риторика являлась, по существу, тем, что ныне понимается под лингвистикой текста: учением о речи. Лингвистика речи, к которой относят и неориторику, — "перекресток различных наук" [Guespin 1975, 2]: истории, социологии, литературоведения и т.д. Исследования в этой области объединяются общим объектом анализа, которым является текст, или дискурс, определяемый в рамках этого нового направления как любой конечный отрезок речи, представляющий собой единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию. Переход от "традиционной" уровневой линг-

вистики, описывающей язык, к лингвистике речи, по Р. Барту, — переход от анализа "чистой" предикции, характеризующей предложение, к рассмотрению референциальной функции, характеризующей дискурс, при выдвижении на передний план контекста, или ситуации высказывания.

Можно предположить, что лингвистика речи возникла в результате определенного кризиса, сложившегося в 70-е годы в современном языкознании, выразившегося прежде всего в объективной "недостаточности" структурной лингвистики для описания явлений речи и анализа такого сложного объекта, каким представляется текст. Интересно, что ощущение необходимости разработки нового подхода к текстовой проблематике выражено также в работах теоретиков литературы, литературных и театральных критиков. Так, Адам и Гольденштейн, цитируя слова Цв. Тодорова о том, что лингвистика в ближайшем будущем будет переориентирована как наука о текстах, упрекают коллег-филологов во внутренней неподготовленности к таким переменам. В частности, критикуется Н. Хомский за прагматическую неопределенность его теории "... он (Хомский) не заботится (при создании своей теории) о том..., кто говорит, где, когда, кому, с какой целью и т.д. (система знаков — система правил — ?)" [Adam, Goldenstein 1976]. Определенный концептуальный сдвиг, наметившийся в последнее время в европейском языкознании, связывается, как представляется, именно с развитием лингвистики речи, и, в частности, неориторики.

Типология неориторики. Франкоязычная неориторика, которая здесь рассматривается, представляет собой довольно пеструю картину. Для удобства анализа может быть предложена следующая типология неориторических учений:

1. Аргументативная риторика (Х. Перельман)

2. Метариторика:

а) тексты по истории риторики;

б) риторическая критика (Р. Барт, Цв. Тодоров, Ж. Кoen, Ж. Женетт, П. Куэнц, М. Арриве и др.);

3. Общая риторика (Льежская школа неориторики: Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.М. Клинкаенберг, П. Менге, Ф. Пир, А. Тринон и др.);

4. Парариторика.

Последовательное рассмотрение указанных здесь теорий позволит составить возможно более полное представление о современной французской риторике.

Метариторика: а) тексты по истории риторики; б) риторическая критика. Риторическая продукция 60—80 гг., появившаяся во Франции и Бельгии после основных работ Х. Перельмана представляет собой некоторый текст метариторического характера; эти исследования являются не столько текстом по риторике, сколько текстом о риторике. История предмета, как это ни парадоксально для Франции, страны классической риторики, описана, как отмечалось, чрезвычайно скудно. Отдельные сведения по различным периодам развития риторики рассеяны по учебникам стилистики и курсам истории языка. Пробел этот до настоящего времени так и не заполнен неориторикой, лишь отдельные исторические факты в несистематическом виде содержатся в неориторических работах.

Тексты, в которых анализируется содержание основных риторических концептов и дается их интерпретация, гораздо более многочисленны. Остановимся на некоторых из них, наиболее достойных внимания. Приоритет должен быть безусловно отдан Р. Барту, открывшему во Франции риторике для лингвистов и лингвистики. В уже упоминавшейся статье "Старинная риторика" [Barthes 1970], написанной на материале курса по риторике, прочитанного в Париж-

ском университете, Р. Барт обобщает исторический опыт риторики. Главный смысл этой дисциплины, по Аристотелю, пишет автор, сводится к убеждению, или, точнее, к извлечению из любого сюжета необходимого оратору материала для воздействия на публику. Единственное, что различает риторику и поэтику в античности, как полагает Р. Барт, — то, что первая относится древними риториками к повседневной коммуникации (от мысли к мысли), тогда как вторая связана с работой воображения (от образа к образу). Поскольку и та, и другая есть отношение, можно рассматривать их как синтаксисы. Риторика в принципе с момента своего возникновения занимается, как отмечает Р. Барт, исключительно языком и стремится стать наукой о речи.

Современная интерпретация риторической доктрины нашла свое место во многих словарях и, в том числе, в семиологическом словаре Греймаса и Куртеса [Greimas, Courtés 1979]. Позволим себе процитировать из этого издания статью "Риторика" с небольшими сокращениями: "Риторика представляет собой некоторую донаучную теорию текста (*discours*), отмеченную тем культурным контекстом, в рамках которого она развивалась. Возрождение риторики в наше время объясняется возобновлением, под влиянием семиотики, интереса к проблематике текста... Некоторые теоретические области старой риторики соответствуют сегодняшним актуальным задачам и заслуживают рассмотрения. Взгляд на текст (*discours*) как на целое, выявление частей речи и описание их синтагматического построения (диспозиция) аналогичны нашим исследованиям в области сегментации текста и дефиниции дискурсивных единиц (выходящих за пределы предложения). Однако, определенная изначально как искусство "правильной" речи или "убеждения", риторика посвя-

тила себя только одному виду текстов — текстам, с помощью которых оказывается воздействие на аудиторию (*discours persuasifs*). Поскольку риторика ставила себе задачей выработку определенных правил искусства речи, очевиден ее выраженный нормативный характер, аналогичный характеру нормативной грамматики, развитие которой шло параллельным путем. Одна из частей риторики, названная инвенцией, до последнего времени игнорируемая исследователями, заслуживает углубленного изучения. Получившая пренебрежительную оценку как сборник "общих мест", она может быть интерпретирована как некоторый "языковой склад" наиболее общих дискурсивных форм, т.е., как "топика", или фундаментальная семантическая таксиномия. Другая часть риторики — элокуция — представляет собой таксиномию различных риторических фигур... Именно эта область риторического знания в первую очередь подвергается "омоложению" с помощью интеграции ее в виде стилистической компоненты в текстовую и дискурсивную семиотику. Несмотря на интерес, вызываемый такого рода исследованиями, очевидна также опасность, преследующая их: будучи аккумуляцией многовекового риторического опыта, инвентарь фигур не может претендовать на статус когерентной таксиномии. Только тотальная переоценка, основанная на лингвистике, позволит включить элокуцию в теорию текста на подлинно равноправных началах" [Greimas, Courtés 1979, 317—318].

Элокуция, как правильно замечает Греймас, дает особенно обширный материал для интерпретации. Интерес именно к этой области риторики диктуется не только актуальностью текстовой проблематики и, в частности, проблематики литературных текстов, но и обусловлен историей самой риторики. Если у Аристотеля риторика охватывала очень широкую область

человеческого общения и описывала весь процесс от мысли к произнесенному публично слову, то уже Квинтилиан сетует на то, что ряд риторов отказался от четвертой части — *Actio hypocrisis* — инсценирования речи — под предлогом ее надуманности и неестественности. Если в XVII в. в основной массе французских риторических трактатов сохраняется фундаментальная триада (инвенция, диспозиция, элокуция), то, начиная с XVIII в., риторические произведения самых знаменитых авторов часто посвящены почти исключительно элокуции, практически заново созданной французской риторикой. Именно элокуция и прежде всего теория фигур подвергаются переосмыслению в неориторике.

В работе Ж. Козна "Теория фигур", опубликованной в 1970 г. и переизданной в сборнике 1979 г. [*Sémantique de la poésie* 1979] отмечается, что уже Фонтанье хотел объединить два своих главных трактата о тропах 1821 и 1827 гг. под названием "Фигуры речи" [см. современную публикацию этих сочинений: Fontanier 1968]. Тропология, или собственно семантическая часть теории фигур, у Дюмарсе и большинства других риторов, посвящена изучению полисемии, т.е. различных типов отношений между означаемыми одного означающего. Схема тропологии, по Козну, выглядит следующим образом:

Фигура = отношение

Метафора = сходство

Синекдоха = часть-целое

Ирония = противоположность

Гипербола = большее вместо меньшего

Литота = меньшее вместо большего и т.д.

У абсолютного большинства французских риторов, подчеркивает Цв. Тодоров [*Sémantique de la poésie* 1979] переносный смысл интерпретируется, видимо, по

причине изначального семантического парадокса (слово объясняется словом), через прямой смысл слова, хотя Аристотель учил, что фигура речи — это не произвольная замена прямого смысла переносным, а появление последнего на место первого. Фонтанье был первым и единственным ритором, выявившим фундаментальное различие между тропом и фигурой: троп, по Фонтанье, — это замена одного означаемого на другое при сохранении одного означающего, тогда как фигура представляет собой взаимную субституцию означающих одного означаемого. Так, для Фонтанье катахреза — не фигура, так как нет другого слова, которое могло бы заменить выражения типа *ножка стола* или *крыло мельницы*.

В неориторике фигура речи получает много дефиниций и становится базовым понятием текстовой семиотики. Греймас, например, определяет риторическую фигуру как "особое структурное отношение, охватывающее дистанцию между абстрактным и фигуративным уровнем текста" [Greimas, Courtés 1979, 149]. Вводится понятие фигуративизации (*figurativisation*) речи, на основании которого строится типология текста (фигуративные тексты — художественная литература, история и др.; нефигуративные тексты — информатика, наука и т.д.). У Цв. Тодорова мы встречаем несколько иное представление о фигуре речи. "Риторическая фигура — сущность языка, это то, что Новалис называл *selbs*, а Хлебников — "самовитой речью" [*Semantique de la poésie* 1979, 15]. Приведем следующую классификацию фигур. Фигурой называется любое языковое выражение, поддающееся описанию. Это описание включает: отношение звук/ смысл: повтор синтаксис: обращение, приложение восклицание; семантику: градация, сравнение, антитеза; отношение знак/референт: описание, портрет. Аномалии: подкласс

фигур. Речь идет о тропах, образуемых в результате некоторого отклонения от любого — имплицитного — правила языка касающегося: отношение звук/смысл: ассонанс синтаксиса: метафора, метонимия, аллегория и др.; отношение знак/референт: ирония, гипербола, литота.

Теория фигур, развиваемая в неориторике и имеющая непосредственно отношение к поэтике, стилистике и литературоведению ("нет поэзии без фигур"), продолжает, как и во времена романтизма, сталкиваться с резкой оппозицией [например: Delas, Filliolet 1973]. Главным тезисом последней является утверждение о том, что литературному произведению нельзя приписывать какие-либо классификационные черты а priori и тем более непростительно выделять инварианты поэтического употребления языка. Недоразумение, возникающее в результате непонимания задач риторики, которые на самом деле резюмируются не как описание "художественности" текста через лингвистические или какие-либо иные структуры, а как описание возможных форм литературного текста, продолжает разрастаться. Прочитируем по этому поводу Козна: "Предрассудок этот (неправильное понимание смысла риторики) жив и ныне. В самом деле, оказывается, что теория фигур нарушает два священных принципа современной литературной эстетики: 1) единственности и 2) цельности литературного произведения. Делая из фигур нечто вроде языковых универсалий, транспонируемых от одного произведения к другому, она (теория фигур) отрицает тем самым то, что составляет специфику литературного творчества, его уникальный характер, его подлинную индивидуальность. С другой стороны, отбирая отдельные сегменты текста и анализируя их формы, хотя и связанные между собой, но могущие быть разделенными в целях описания, риторика отрицает

тем самым цельность произведения, его замкнутое единство. И уже на горизонте ... чудится устрашающий признак машины, машинного автоматического производства поэзии с использованием таблицы фигур на перфокартах. Но давайте успокоимся. Только гению и вдохновению представлена истинная возможность использовать эти всего лишь потенциальные формы языка, наполнив их оригинальным, истинно поэтическим содержанием. Это не так просто. Кто сомневается, пусть попробует" [*Sémantique de la poesie* 1973, 127].

Метатексты по риторике, некоторые из которых здесь анализируются, не дают правильного представления о классической риторике, которая используется в них как материал для теоретических построений. Цель этих исследований другая: извлечь то лучшее или наиболее интересное, чем располагало риторическое знание, для включения его в состав современной науки о тексте. Некоторая излишне свободная интерпретация классических понятий и фрагментарность, свойственная теории фигур, преодолевается в другой неориторической теории — общей риторике, объявляющей себя цельной и завершенной новой риторикой, некоторым современным аналогом учения Аристотеля.

Общая риторика. Создана в рамках льежской школы неориторики, представленной группой μ , включающей в свой состав лингвистов из Центра изучения поэтического языка при Льежском университете (Бельгия). Костяк группы составляют такие известные в Европе исследователи, как Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клиненберг и Ф. Менге. Неориторика, созданная группой μ , состоит из двух фундаментальных, дополняющих друг друга работ, "Общей риторики", опубликованной в 1970 г., и "Риторики поэзии" 1977 г. Кроме того, льежскими лингвистами (в соавторстве или отдельно)

написано значительное число "частных" риторик [например, Dubois 1970].

Указывая на преемственность идей, унаследованных от классической французской риторики, авторы пишут в "Общей риторике": "В действительности, Лами, дю Марсе, Фонтанье все свои усилия посвящали бесконечному расширению каталога разновидностей (тропов и фигур), не видя возможности связать их между собой. Наша цель иная. Речь идет не о поиске недостающих (в систематике) звеньев, а о выделении и описании таких фундаментальных операций, которые позволили бы "вывести" тропы и фигуры как частные случаи" [Rhétorique générale 1970, 127]. Обращаясь к проблеме соотношения таких двух дисциплин, как современная стилистика и риторика, авторы указывают, что основным вопросом, по которому они расходятся, является неточная, с точки зрения неориторов, трактовка стилистами базового понятия "стиль". В лингвостилистике принято интерпретировать стиль как некоторое отклонение от языковой нормы (Ш. Брюно, Ш. Балли и др.). С лингвистической точки зрения наивными выглядят, как полагают лжецы, такие определения стиля как "насилие" (Ж. Козн), "скандал" (Р. Барт), "аномалия" (Цв. Тодоров), "сумасшествие" (Л. Арагон) и т.д. Искусство, анализируемое в таком ключе, выглядит патологичным, а поэт — невротиком. Если стиль — это отклонение от языковой нормы, тогда литература — литература (научная "ценность" такой тавтологии очевидна). В связи с этим Ж. Дюбуа и др. делают следующее замечание: "Метафора... является таковой только в том случае, если она имеет одновременно прямой и переносный смысл. Следовательно, именно отношение норма/отклонение, а не отклонение само по себе составляет факт стиля". Отвечая на распространенное утверждение о том, что читатель не ис-

ходит обычно из какой-то нулевой (нормативной) позиции, а просто "проглатывает" фигуру, неориторы выделяют несколько разновидностей прочтения текста. К ним относятся прочтение наивное, прочтение культурное, прочтение ученое и прочтение эстетическое.

Теория отклонения, принятая с указанными поправками, имеет, как подчеркивают лжецы, определенные недостатки, но представляет некую экспликативную модель, так как определить троп как изменение смысла высказывания недостаточно, следует определить прямой смысл метафорического члена. Такое определение невозможно без трансформации высказывания в какой-то эквивалент. Процедура преобразования может быть сильно затруднена, если рассматриваемый текст отсылает к нескольким или к бесконечному множеству смыслов. Производство множественного смысла радикализует конструктивный прием риторического образования.

В общей риторике группы μ реализуются различные приемы указанных трансформаций. К базовым понятиям разрабатываемой теории авторы относят "фигуры воображения", Квинтилиана, триаду де Соссюра (речь, язык, речевая деятельность), а также известную схему процесса коммуникации:

	канал		код	
отправитель	—	сообщение	—	рецептор,

где поэтическое сообщение (message) центрируется на себя, выполняя функцию, названную поэтической. Неориторическая поправка к схеме состоит в следующем: поэтическое сообщение определяется как продукт пяти базовых факторов (отправитель, рецептор, канал, код, референт), тогда как в принятой схеме само сообщение —

фактор в акте коммуникации. Поэтическая функция и поэтическое сообщение называются риторическими.

Риторическое сообщение воздействует на код радикальным образом. В целом, отмечают лжецы, творческое влияние текстов художественной литературы на систему языка давно являлось объектом изучения традиционно-риторической теории фигур. Однако имеющиеся выводы требуют тщательной систематизации и уточнения того, каким образом речевая деятельность отправителя (автора) преобразует условности языка в их тройном виде: морфологическом, синтаксическом и семантическом. Кроме того, отношение самого сообщения к референту может быть модифицировано без изменений предписаний кода. Авторы подчеркивают необходимость отличать риторическую функцию от металингвистической. Последняя являет собой аспект речевой деятельности, который информирует о коде. Иное значение имеет и экспрессивная функция языка, дающая лишь некоторую информацию об отношении отправителя (автора) к сообщению.

Чтобы привлечь внимание к сообщению, поэт-ритор может трансформировать любой из факторов, участвующих в речевой деятельности. Например, можно сместить "я" пишущего (ввод так называемого лирического героя) или, как это модно в современной поэзии, изменить графическую базу послания.

Общая схема фигур в речевой деятельности выглядит у лжецких неориторов следующим образом. Вводится понятие метаболы, т.е. (по французскому словарю Littré) любого изменения какого-либо аспекта речевой деятельности. Понятие метаболы, очевидно, покрывается понятием "фигура" в речевой деятельности. Тропы определяются как особый класс метабол, подразделяемый на следующие виды: метасемемы (семантические преобразования), метаплазмы (синтаксические преобра-

зования), метатаксы (морфологические преобразования) и металогизмы ("фигуры воображения"). Последние относятся к трансформациям референтного содержания.

Весь указанный класс метабол относится, исключая металогизмы, к трансформациям кода: все поле отклонений кода от "О" гипотетической нормы представлено, таким образом, метасемемами, метаплазмами и метатаксами. Данные метаболы могут быть получены (выведены) в результате четырех базовых операций: адьюнкции, нейтрализации, нейтрализации-адьюнкции (субституции) и пермутации, или перестановки. Все риторические операции покоятся на основной особенности линейного высказывания: его разложимости на все более и мелкие единицы, что позволяет использовать в обобщенном виде уровневую модель Э. Бенвениста.

Неориторическому анализу подвергаются также "фигуры участников коммуникации", фигуры наррации, проблема идеологического воздействия на читателя, делается попытка дать мотивацию феномена этос. Авторы отдают себе отчет в том, что, переходя ко все более и более крупным единицам исследования (к метаболом, касающимся участников акта коммуникации, наррации и др.), они вторгаются в малоисследованные области "транслингвистического порядка". "Живописец в некотором смысле тоже обращается с сообщением к аудитории" [*Rhétorique générale* 1970, 158]. На схеме уровней, предложенной Ж. Дюбуа и др., выше уровня предложения следует уровень "серии предложений" (*séquence de propositions*, или *développements*). Уровень дискурса (текста) назван неформализованным уровнем. "Очевидно, что серия предложений организуется по несколько иным правилам, чем сами предложения" (Там же, с. 159).

К 1977 г., когда публикуется "Риторика поэзии"

[Rhétorique de la poésie 1977], логически продолжающая "Общую риторику", в условиях бурно развивающихся исследований в области теории текста, группа μ , как ясно из нижеследующего, в целом оставляет идею семиотической неопределенности развитой неориторики и осознает себя как теория текста (дискурса). Анализируя во введении разделение полей деятельности риторики и поэтики, Ж. Дюбуа дает следующее определение своей науки: "Мы можем условиться... называть риторикой лингвистическую дисциплину, изучающую такие категории высказываний, которые не составляли до сих пор предмета общего языкознания, как например, высказывания в переносном смысле и дискурсивные ансамбли, превышающие по протяженности предложение" (Там же, с. 18). Авторы уточняют, что риторика — это "лингвистическая дисциплина, изучающая приемы речевой деятельности, которые характеризуют, среди прочих дискурсов, литературный дискурс" (Там же). В отличие от "палеориторики", преимущественно занимавшейся классификацией фигур, неориторика является, по мнению авторов, общей в том смысле, что ею накладывается на текст простая матрица, выявляющая не только тропы, но и все остальные фигуры. Анализ фигур, предпринятый в "Общей риторике", позволяет выявить основные семантические процессы, характеризующие речевую деятельность. На этапе нового исследования "мы можем перейти от составляющих риторическое послание элементов — фигур... — независимо от их реализации в конкретных примерах — к риторическому тексту в целом" (Там же, с. 21).

В первой части "Риторики поэзии" развивается теория изотопий, которая, как полагают авторы, может служить фундаментом общей теории семантики. Признавая в целом известное требование изоморфизма плана содержания и плана выражения, Ж. Дюбуа и др.

подчеркивают необходимость абстрагирования от плана выражения в целях создания теории изотопий. Авторы интересуют смысл, содержание текста.

Понятие изотопии/аллотопии принимается в русле идей А.-Ж. Греймаса и Т.А. ван Дейка, т.е. под изотопией понимается "отдельная группа семантических категорий, которая делает возможным униформное прочтение текста" (Там же, с. 33), или "пучок отдельных подтекстовых категорий" (Там же). Например: у Бодлера: *Un vieux boudoir plein de roses fanées* 'старый будуар, полный увядших роз' означает одновременно физическое описание комнаты и внутренний мир, самоощущение поэта. Следуя за общей риторикой, авторы выделяют (по аналогии с фигурами) четыре вида изотопий: изоплазмия, изосемия, изотаксия и изология. Изотопия, взятая в самом общем смысле, выражается в тексте феноменом рекуррентности (повтора). Так, высказывание *l'eau coule* 'вода течет' изотопично, так как дважды повторена одна сема "текучесть", а высказывание *la terre tourne* 'земля вертится' аллотопично, так как составлено по меньшей мере из двух различных сем. Изотопия в отличие от, например, семантического поля Трира, не дана, а реконструируется. Далее рассматриваются правила уровневой организации изотопий. Выделяются два уровня: уровень "соположения" и уровень "сложения", которые задаются определенными условиями изотопии, главным из которых является рекуррентность идентичных сем. Изотопия обеспечивается в тексте "соединителями" (*connecteurs* в терминологии Ж. Дюбуа и др.), которые составляют некоторые множества (*ensembles connecteurs*). Такие соединения составляют основные риторические единицы (шире понятия фигуры).

В основу семантического анализа авторы кладут понятие изотопии как избыточного множества се-

мантических категорий, которое делает возможным единое прочтение текста и возникает оно после того, как разрешаются двусмысленности в частичных прочтениях высказываний при том, что само это разрешение двусмысленностей руководится поиском единого прочтения. Иначе говоря, под изотопией понимается семантическая связность текста. Предполагается, что в речи, наряду с изотопией, встречается аллотопия, т.е. нарушение семантической связности. Изотопное и аллотопное восприятие текста в конечном счете зависят от общей семантики языка, внутри которого функционирует данный текст, и от эпистемологических предпосылок, свойственных определенному социальному слою в определенную эпоху. В процессе понимания текста осуществляется преодоление аллотопных разрывов в нем посредством таких интерпретаций его фрагментов, которые обеспечивают единство понимания. Таких интерпретаций может быть несколько и может быть несколько изотопных прочтений текста в целом. Реконструкцию таких единств на основании прочтения текста авторы называют "табличным чтением" (*lecture tabulaire*) в отличие от "линейного чтения" (*lecture linéaire*). Переход от линейного чтения к табличному осуществляется посредством переоценки текста в местах его аллотопных разрывов. Встречаются три вида переоценок: проверсивная, при ней реализуются те значения следующего за разрывом фрагмента текста, которые изотопны предыдущему фрагменту; ретроспективная, — при которой производится обратная операция и конструирование нового семантического поля, в котором может быть интерпретирован возникший разрыв, неопределенный на уровне поиска изотопных значений.

Полисемия текста, возникающая вследствие формирования изотопных единств, обеспечивается тро-

пами. Тропы понимаются тем самым через сопоставление и классификацию аллотопных разрывов и способов их преодоления. В основу описания систем тропов авторы кладут "глубинную матрицу тропов", строящуюся на классификации синекдохи. Авторы возражают против центрального места, которое получает метафора во многих исследованиях по риторике, основываясь при этом на представлении о двух типах семантической декомпозиции объектов. Первый тип они обозначают Π (референтный тип). В этом случае объект разбивается на составные части. Так, "дерево" разбивается на "ствол", "листья", "корни" и т.п. Второй тип обозначается Σ (семантический тип). В этом случае семантический класс, которому принадлежит объект, разбивается на подклассы: Так, "дерево" разбивается на "клен", "дуб" и т.д. Если различать теперь генерализирующую синекдоху (Sg) и партикуляризирующую синекдоху (Sp), то получится следующая таблица:

	Π	Σ
A	$Sg \Pi$	$Sp \Sigma$
S	$Sp \Pi$	$Sg \Sigma$

Эту таблицу льежцы и называют глубинной матрицей тропов. С помощью этой матрицы могут быть порождены посредством соответствующих логических операций все остальные тропы.

Парариторика. Под этим термином здесь понимают исследования имплицитно риторические или использующие основные концепты классической риторики. Как правило, авторы таких работ на риторику не ссылаются, а иногда и вовсе знакомы с ней поверхностно.

Первым направлением, условно отнесенным нами к парариторике, является так называемая аналитическая философия, развиваемая Оксфордской школой. Работы этого направления выходят за рамки франкоязычного ареала и не подвергаются здесь специальному рассмотрению. Для наших целей, однако, существенно отметить, что основной набор идей, используемых Оксфордской школой, совпадает с главными риторическими установками, к которым относятся: 1) необходимость рассматривать конкретное употребление языка говорящими субъектами; 2) выработка некоторых правил речевого поведения (производство речевых актов — *speech acts*) говорящего индивида в определенных условиях коммуникации; 3) отрицание существования "чисто" констатативного или дескриптивного высказывания с "нейтральной" предикацией, осуществляемого некоторым "нейтральным" субъектом; 4) утверждение ключевого концепта — "интенции" говорящего.

Аналитическая философия является составной частью более общей "теории действия", которая в свою очередь включается в прагматику, основателями которой считаются англичане Бентхам и Милл, американцы Пирс, Джеймс и Моррис и австрийцы Виттгенштейн и Карнап (поздний период творчества).

Во Франции англо-саксонский вариант прагматики не получил значительного распространения, хотя в последние годы появляются публикации, в которых развиваются идеи Остина и Серла; иногда работы по лингвистической прагматике, ввиду неопределенности и гетерогенности состава последней, проявляются под другими названиями [например: Maingueneau 1981].

Другая современная наследница риторики — теория языковых функций. Филиация идей здесь оказывается настолько очевидной, что можно прямо сопоставить риторический *pathos*.

Использование риторической концепции парафразы в своей теории К. Фюш обосновывает существенным превосходством риторики над многими структуральными, генеративистскими и другими подходами к данной проблематике в том, что касается оценки роли прагматического фактора в парафрастических суждениях. В современных моделях парафраза понимается как эквивалентность в языке, предполагающей наличие базового инварианта и различных трансформаций. Иногда, например у Хэрриса, парафраза понимается: как отношение между двумя формулировками или как переход от одного уровня описания к другому уровню описания одной формулировки [Harris 1952]. Однако только в риторике, по утверждению К. Фюш, анализ парафразы изначально связывался с определенной речевой ситуацией, обусловленной множеством экстралингвистических параметров, описание которых имеет решающее значение для создания адекватной теории.

Проникновение риторических идей, часто в разрозненном виде почерпнутых из полузабытых риторических трактатов, характеризует самые различные области лингвистической теории. В частности, это касается типологии текста [Introduction... 1979] и конкретных исследований по различным компонентам текстовой структуры. Так, в работе Ф. Амона [Hamon 1981], посвященной типологической характеристике описания (*le descriptif*) как элемента структуры текста, приводится риторическая концепция описания. Главное, что определяет риторическую модель описания: выявлена антропоцентрическая функция описания; обращается внимание на деталь как основной элемент описания; описание понимается как неполная дефиниция; указывается на определенную опасность, угрожающую общему замыслу произведения с конативной функцией языка, а *ethos* — с эмотивной функцией. Пробле-

матика языковых функций, не нова и продолжает развиваться в последние годы в рамках самых различных лингвистических школ. В особенной зависимости от постулатов риторики оказывается появившаяся недавно во Франции серия работ по дискурсивной стратегии [Le langage en contexte 1980] и, в частности, в самое последнее время, аргументативной стратегии в духе Х. Перельмана (Ж.-Б. Гриз и его группа в Центре Семиологических Исследований в Невшателе).

Анализ дискурсивной техники основан прежде всего на понятии парафразы, которые в наиболее своем полном виде рассмотрено в диссертации К. Фюш [Fuchs 1980]. В построении своей теории парафразы автор рассматривает классическую доктрину (Аристотель, Квинтилиан, Дюмарсе, и др.). Основным источником теории парафразы как металингвистической деятельности, обладающей специфическими условиями функционирования, признается аристотелевская риторика, представляющая собой "теорию практического производства текстов... в определенных ситуативных контекстах" (Там же, с. 30).

Во французской риторике, изучавшей парафразу в рамках своих специфических задач, часто дидактического характера, понятие это, как указывает автор, двояко: парафраза как переформулировка авторского текста в виде подготовительного упражнения при обучении ораторскому искусству и парафраза как комментарий к библейскому тексту. Поскольку, по Квинтилиану, изучение риторики предполагает, в частности, перевод греческих авторов на латынь, адаптацию в прозе поэм, а также сочинение и редакцию авторских текстов, соответственно этим трем видам риторической деятельности выделяются три вида парафраз.

Заключение

Французская риторика, как и вся европейская риторика нового времени, корнями уходит в глубь античных цивилизаций. Начало мировой риторики, имеющей более чем 2500-летний период существования, обычно связывают с греческой цивилизацией V в. до н.э. Существуют данные, свидетельствующие о наличии определенных традиций, подобных риторике, в китайской и индийской культурах, прослеживаемых на огромных исторических интервалах. Истоки риторики теряются в глубинах веков, а сама риторика, по-видимому, зарождается в недрах различных цивилизаций в силу некоторых общих законов развития человеческого общества. Если можно представить такой обширный предмет, как всеобщая история риторики, то он должен содержать описание главных мировых традиций риторики, среди которых греческая античная риторика оказывается лишь одним из звеньев. В реальности история риторики в том виде, в котором она создана к сегодняшнему дню, не охватывает таких географических и временных пространств. История риторики у различных авторов в наиболее общем виде содержит с небольшими модификациями следующие подразделы: 1) древнегреческая риторика (софисты, Платон, Аристотель, и ораторы демократического полиса); 2) древнеримская риторика (прежде всего Цицерон, Квинтилиан); некоторые исследователи внутри последней выделяют: а) риторику республиканского Рима, б) римскую риторику (учение Цицерона), в) риторику времен империи, г) риторику периода раннего христианства; 3) средневековая европейская риторика; 4) новые европейские риторики, написанные на национальных языках.

Разумеется, задача написания такой, почти всемирной истории не представляется выполнимой. На примере французской риторики читатель, возможно, уже убедился в большом историко-филологическом и теоретическом значении этой дисциплины.

Фрагменты теоретического знания, разбросанные в различных риторических сочинениях, некоторые из которых рассмотрены в тексте книги и в приложении, в наше время соединяются в новой дисциплине — неориторике, в рамках которой разработана риторическая модель речевой деятельности. В теоретическом плане неориторика включает ряд положений: описание общего алгоритма идеоречевой деятельности; от аргументативных структур, организующих мысль, до речевого наполнения этих структур; выявление направлений аргументативной стратегии в соответствии с интенцией говорящего; выработка правил речевого поведения говорящего индивида в определенных условиях коммуникации; риторический анализ конкретного употребления языка конкретными говорящими субъектами; отрицание существования "чисто" констативного или дескриптивного высказывания с "нейтральной" предикацией, осуществляемого некоторым "нейтральным" субъектом; создание на основе вышеупомянутых положений методов повышения эффективности речевой коммуникации.

В неориторике различных национальных школ развиваются различные аспекты теории речевой деятельности [см., например: Неориторика 1988].

В прикладном аспекте риторическое наследие чрезвычайно многообразно. В неориторике используется этот исторический материал. И сейчас можно говорить о формировании трех основных прикладных областей теоретической риторики к практике.

Область дидактики, в которой влияние риторики

традиционно сильно. Формирование в ходе учебно-воспитательного процесса языковой личности (ритора) является неременным условием гармонически развитого человека.

Область пропаганды. Реализация интенции говорящего всегда связана с определенным воздействием на аудиторию, осуществляемом во всех видах речевых коммуникаций. Заданность и направленность этого воздействия, возникающие вследствие него убеждение аудитории в правильности аргументации оратора и принятие последней (достижение так называемого "риторического согласия"), лежит в основе создания техники воздействующей коммуникации.

Область машинных технологий. Х. Перельман, определяя одну из наиболее общих задач неориторики, характеризует ее как "формализацию интеллектуальной деятельности, покоящуюся на иных, нежели математика, основаниях" [Perelman 1977, 31]. Алгоритм мыслеречевой деятельности, воссозданный в риторическом идеоречевом цикле, возможно, приближает создание работающей модели "искусственного интеллекта".

Несколько солов о возможном направлении развития неориторики и ее задачах. Существенно было бы интегрировать необходимые сведения из философии, логики, лингвистики и т.д. и современные методы исследования языка и мышления в целях создания адекватной общей теории речевой деятельности, отвечающей требованиям современной науки.

Настоятельной необходимостью предстает и дальнейшее продолжение исторических исследований, которые не только обеспечивают понимание филиации идей и адекватное представление об основных риторических понятиях, но могут еще в значительной мере пополнить базу данных. Состояние дел в области

изучения истории риторики не может быть признано удовлетворительным.

Прикладная риторика — и эта тенденция отмечается уже сейчас — эволюционирует в сторону рассмотрения конкретных видов и форм коммуникации и речевого поведения индивидов. Кроме того, как отмечалось, неориторика стремится овладеть все более широким спектром приложений — от включения в школьные программы по изучению словесности до регламентирования определенных видов речевой деятельности (например, в юриспруденции).

Недостаточно познанной оказывается категория, которая играла такую заметную роль в классической риторике — "образ ратора". Существенно не только то, что именно личность, а не текст может быть носителем определенных этических установок, которыми должна ограничиваться коммуникация, но и то, что вся деятельностная парадигма в науке (риторика, лингвапрагматика и т.д.) антропологична. Сущностная антропоцентричность риторики, — может быть, самое главное ее достижение, позволяющее снять идеальный статус субъектов в речевом обмене. Перспектива неориторических исследований лежит, в частности, в дальнейшем выявлении взаимоотношений структуры личности и структуры текста.

Для понимания этого вопроса, кроме теоретических исследований категорий установки, мотива, интереса и т.д., проводимых в психолингвистике, определенный смысл могли бы иметь риторические работы, почти полностью отсутствующие в отечественной науке. Публичные речи политических деятелей в последнее время дали огромный материал для анализа. Параметры такого риторического анализа могли бы быть следующими: 1) существо излагаемых взглядов, политическая перспективность платформы; 2) эффектив-

ность речи (восприятие и оценка ее аудиторией); 3) образ политического деятеля, созданный оратором; 4) качества речи: вербальные (литературность и образность языка) и невербальные (интонация, экспрессия, мимическое и пантомимическое сопровождение речи). Сравнение реального образа политического деятеля, выявленного в результате выступления, с некоторым идеальным образом политика, притягательным для избирателя (надежный, демократичный, независимый, трезвомыслящий, передовых взглядов и т.д.), позволяет не только практически выявить риторические ошибки, но и обрисовать структуру "ядра" личности политического оратора, поставленного в данные конкретные условия коммуникации. Возможно, такого рода исследования полезны не только для развития науки, но и как рекомендации ораторам, позволяющие более наглядно увидеть ошибки, допущенные в ходе публичного выступления и, возможно, стоившие многим депутатского кресла. К сожалению, самые лучшие и правильные программы могут получить неточное риторическое оформление и не найти поддержки у избирателей. Политический деятель (и это относится к любому оратору) и образ политического деятеля могут не совпадать.

Риторика призвана также внести существенный вклад в проблему, известную общественности под названием "культура дискуссий". Речь, конечно, не идет о том сужении свободы слова и навязывании монополюсведомственных взглядов, к которым стремятся лицемеры, сетующие на то, что народ не дорос до корректного обсуждения общественно-политических и других проблем. Однако если рассматривать проблему культуры дискуссий филологически грамотно, то вряд ли она исчерпывается только представлениями об адекватном речевом поведении в дискуссии. Конечно,

каждый гражданин, взявший на себя ответственность публичного выступления монологического или диалогического характера, должен отдавать себе отчет в том, что он становится оратором, и его нравственная и гражданская позиции перестают быть его сугубо личным делом. Каждый оратор, кроме основной цели — попытки убедить в правоте своих тезисов, должен, по-видимому, стремиться более всего к сотрудничеству, а не к соперничеству с партнерами по коммуникации. Риторика, кроме всего прочего, учит представлению о публичной речи как о партнерстве, в результате которого возникает согласие и достигается разумный компромисс. Непримируемость сторон часто является результатом неправильной постановки проблемы и некорректного поведения ораторов, не знакомых с риторическими правилами речевого поведения.

Вообще вопрос культуры дискуссий не исчерпывается речевым поведением, а является частью более общей проблемы, формулируемой в отечественной филологии как проблема культуры речи. Действительно, трудно говорить о качестве техники речи в случае несвободного владения родным литературным языком. В этом смысле наше среднее и высшее образование — и общественность об этом прекрасно осведомлена — не является достаточным, и западный опыт преподавания риторики в старших классах и в университетах мог бы оказаться полезным. Демократия, понимаемая как адаптированная обществом политическая процедура, включает в себя также и определенную процедуру нормализующую общественно-речевые отношения. В этом смысле овладение индивидом культурной речью в полном объеме оказывается не только двигателем, но и условием общественного прогресса. Общественные науки и риторика в их числе призваны всемерно этому способствовать.

Приложение

Краткая хрестоматия по истории французской риторики (XVI—XIX вв.)

Вводные замечания. В Приложении представлено описание около 50 французских риторических сочинений, осуществленное с разной степенью подробности. Цель такой работы: ознакомление читателя с тем видом текста, который представляет собой риторика, и с основными идеями, выраженными в сочинениях в широком историческом диапазоне (XVI—XIX вв.). Все описанные риторики никогда не публиковались и не переводились в СССР и не переиздавались во Франции (за исключением работ Фонтанье и Дюмарсе, приведенных по своим первым изданиям). Описание не содержит почти никаких критических замечаний и является строго хронологическим.

Каждое отдельное описание риторического сочинения содержит: 1) элементарное библиографическое описание источника; 2) некоторые библиографические сведения; 3) описание типа и характера издания; 4) сравнительную характеристику источника и 5) реферат (или расширенный реферат с обильным цитированием) содержания.

Полное библиографическое описание источников содержится в списке литературы, приложенном к основному тексту книги.

Фабри П. Великое и истинное искусство полной риторики.

Fabri P. Le grand et vrai art de pleine rhétorique. P., 1544.

Сочинение выдержало шесть изданий (с 1521 по

1544 гг.). Видимо, первая или одна из первых риторик, написанных по-французски. Громоздкий (более 1000 с.) труд (чем, может быть, и объясняются переиздания), представляющий собой, по всей видимости, компиляцию латинских риторических трактатов. Логика исследования ускользает от понимания, названия латинских фигур либо калькируются, либо передаются с помощью малопонятных неологизмов. Например, содержание указателя: 1) амплификация; 2) аргументация; 3) антипофора (?); 4) антономаза; 5) кондупликация; 6) коммутация; 7) экспедиция; 8) аффекция и т.д.

Фоклен А. Французская риторика.

Foclin A. La Rhétorique française. P., 1555.

Одна из первых и самых интересных французских риторик. Автор — высокообразованный литератор, друг Пелетье (написавшего один из манифестов Плеяды "Поэтическое искусство"). В определенном смысле сочинение Фоклена в области риторики (проза) дополняет фундаментальную работу Пелетье о поэзии.

Главный контраст с остальными риториками XVI в., с которыми удалось ознакомиться: в исследовании Фоклена анализируется современная ему французская литература. Примеры всех тропов и фигур взяты из Ронсара, дю Белле и Баифа. Схема элокуции, представленная в этой риторике, настолько исчерпывающе проста, что послужила основой классификации тропов и фигур едва ли не для всех последующих трактатов по риторике.

Курсель П. де. Риторика.

Courcelles P. de. Rhétorique. P., 1557.

Сочинение посвящено монахине (l'abbesse de Jouarre) и имеет скромную цель, о которой автор пишет так: "Наша задача — сделать набросок различных способов говорить правильно на общественные темы (questions

civiles), чтобы убедить слушателей и судей не выносить несправедливого приговора" (с. 2). Несмотря на декларируемый интерес к судебному красноречию, автор далее никак не выделяет этот вид красноречия (уже существующий как практическая деятельность на французском языке) и предлагает читателю добросовестный перевод из латинских риторик (все примеры в работе — латинские и греческие).

Сен-Поль III. Картина французского красноречия.

Saint-Paul Ch. Tableau de l'éloquence française. Lille, 1632.

Риторика чрезвычайно характерная для времени салонной литературы (рамбуйе): главный пафос направлен на борьбу с "плебейским" стилем в искусстве. Стилль придворной литературы (благородство, изысканность) развивается и пропагандируется в "дамских" произведениях эпохи. Автор этой риторики ссылается на письма и мемуары госпожи де Сабле и де Ла Файет. Риторика здесь служит двору и светским политесам. Чтобы убедиться в этом, достаточно обозреть заглавия некоторых риторик, вышедших в свет примерно в это же время: *Фаре Л.* Воспитанный человек (*honnête homme*), или искусство нравиться при дворе (1630); *Мере Ж.* Беседы о вкусе (1668, 1669, 1671); *Кайер Фр. де.* О пристойных и дурных выражениях. Манеры горожанина (*bourgeois*) и их отличие от придворных манер. С прилагаемым списком модных слов (1693).

Риторика Сен-Поля, как и другие упомянутые здесь, являются прежде всего: 1) руководством по овладению благородным стилем и носят подчеркнуто практический характер (список модных слов!); 2) руководством по овладению хорошими манерами; 3) лексикологическим трудом пуристического характера (отмечаются не только простонародные слова и выражения, но и юридическая, искусствоведческая и другая лексика).

Сочинение изобилует сентенциями типа: "Бесспорно, что в городе говорят не так, как при дворе... Придворный обиход должен превалировать над городским, и не следует искать этому объяснения..." (с. 2). Или: "Одно из главных качеств слова состоит в удалении его от низости простонародной (*bassesse populaire*)" (с. 37).

Бари Р. Французская риторика.

Bary R. Rhétorique française. Lyon, 1659.

Книга, выдержавшая несколько изданий (1653, 1659, 1676, 1692) и получившая значительный отклик в риторической литературе (обсуждается у Жибера, Фюретьера, Сореля и некоторых других авторов). Факт тем более знаменательный, что к концу XVII в. количество риторических сочинений возрастает необыкновенно: возникает и развивается французская риторика, не только сохраняющая пиетет к греко-латинскому канону и развивающая его на национальный лад, но и делающая первые шаги к созданию собственно французской школы риторики. Риторика Бари получила такой резонанс в силу, очевидно, двух основных причин: из-за активного участия автора в интерпретации и направлении литературного процесса; из-за достаточно четкой дефиниции классических фигур риторики (сопровождаемой примерами из современной французской поэзии).

Рене Бари открывает кампанию борьбы с "преувеличениями орнаментального стиля" (*outrances du style figuré*), изобилующего цветастыми фигурами и изощренными оборотами речи. Предписание "простоты" стиля конкретизируются: центром борьбы за уместность стиля речи оказывается метафора. "Чтобы быть хорошо принятой, метафоре достаточно быть извлеченной ни из слишком удаленных предметов, ни из слишком приближенных" (с. 303). Те же мотивы можно просле-

дить у Малерба, Ла Брюйера, а также в риторических трактатах: *Сорель А.* Изучение правильных (bons) книг (1672); *Лаваль А.* набросок благородных и общественных занятий (professions) (1612); *Фюретьер А.* Новая аллегория или История кризиса, случившегося в королевстве красноречия (1658, 1659).

Приведем несколько примеров интерпретации фигур у Бари, ясно показывающих достаточность его дефиниций:

Метонимия — субъект принимается за объект (или часть объекта), объект — за субъект, причина — за следствие, следствие — за причину. Причина: *я читал Аристотеля; милосердие заслуживает неба* (т.е. рая).

Синекдоха выражает целое через часть, часть — через целое: *в порту тридцать парусов* (т.е. парусников).

Метафора: с помощью подходящего слова в переносном значении выражается похожий или аналогичный объект. Метафора может быть, по Бари, простой, продолженной или аллегорической; кроме того, по степени переноса значения являются "смелые" (hardies) метафоры, или гиперболы (при сильном удалении от правдоподобия). Наилучшими признаются "наглядные" метафоры: "те, которые позволяют глазам прямо увидеть изображаемый предмет" (с. 258).

Цветник французской Риторики, украшенный самыми прекрасными цветами красноречия, которые встречаются в сочинениях как старинных, так и современных ораторов, и фруктовый сад Поэзии. Сочинение полезное для желающих овладеть этими искусствами.

Parterre de la Rhétorique française émaillé de toutes les plus belles fleurs d'éloquence qui se rencontrent dans les oeuvres des orateurs tant anciens que modernes, ensemble le verger de la Poésie, ouvrage très utile à ceux qui veulent exceller en l'un et l'autre art. Lyon, 1659.

Произведение анонимное (во всяком случае, никаких предположений насчет автора в литературе найти не удалось). Вследствие почти полной невозможности пересказа процитируем несколько фрагментов, отдавая себе полный отчет в несовершенстве предлагаемого перевода:

"... На первой грядке мы видим вьюнки (*liserons*), которые представляют периоды..."

"... Вторая грядка — благоухающие розы самых изысканных выражений..."

"... Метафорические выражения позволяют резко выявить стиль: оскорбить прелесть цветка или рассеять облака печали..."

"... Прекрасные наречия придают силу и энергию глаголам..."

"... Синонимы зажигают (*enflamment*) стиль..."

"... Четвертая грядка — тюльпаны... Они представляют выводы из общих мест риторики..."

"... Тринадцатая грядка — фиалки... Это ирония (виды иронии — *ironies*), дающая ключ к отбрасыванию замечаний (*refuter les observations*)..."

"... Двадцать первая... — империал, модель эпилога..."

"... Третьей частью эпилога может быть вопрошение себя и других (*conquestion*), жалоба или слабое движение (*mouvement doux*) с помощью которых мы побуждаем слушателя к состраданию и милосердию..."

Бесконечно наивный и очаровательный стиль этой риторики заметно освежает общую картину монотонной серьезности, свойственной почти всем риторическим сочинениям.

Le Gra P. Французская риторика.

Le Gras P. Rhétorique française. P., 1671.

Риторика привлекает внимание своей лаконичностью.

Ощущается желание автора упростить длинные списки фигур и не всегда понятные читателю основания риторических классификаций. Из длинного списка тропов оставляются одиннадцать: метафора, синекдоха, метонимия, антономаза, ономатопея, катахреза, эпитет, аллегория, ирония, перифраза, гипербола. Эти тропы, по замечанию автора, "наиболее нужны французскому языку" (с. 93).

Еще одна характерная особенность этой риторики — широкая трактовка понятия "эпитет": главное качество эпитета усматривается в его метафоричности (например: "...не желая подвергнуться опасности постыдного крушения своей чести") (с. 194).

Риторика Ле Гра носит разумно-демократический характер; автор во многих местах подчеркивает "необходимость заставить низкий и умеренный стиль разнообразить высокий" (с. 257). Кроме того, делается первая робкая попытка определить специфичные для каждого из трех вергилианских стилей фигуры, т.е. поставить риторическую "технику" в зависимость от стиля. Эти же идеи можно найти у Николя в "Трактате о красоте творений духа" (*Traité de la beauté des ouvrages d'esprit*. Р., 1674): "Существенным недостатком явится факт выражения великих и возвышенных вещей посредством простых и известных слов и, наоборот, маленьких и обычных явлений через высокие и возвышенные слова. И то, и другое далеко от прекрасного в поисках которого мы находимся. Отсюда видно, что фигуры и украшения приличествуют не всякому виду речи (*sorte de discours*): есть такие, которые требуют их, другие — отвергают. Даже среди первых есть места, где они излишни. Все заключается в том, чтобы между вещами существовало полное согласие" (с. 13).

Лами П. Риторика, или искусство беседы.

Lamy P. Rhétorique ou l'art de parler. Lyon, 1688.

Риторика, известная французским историографам, много раз переизданная, цитируемая. Главную славу принесла ей небольшая ремарка Ж.-Ж. Руссо: "П. Лами первый ввел в литературный обиход понятие "страсть" и показал ее роль". Возможно также, что это одна из наиболее полных риторик XVII в.

Существенным в этом трактате является четкая дефиниция фигур и тропов. Основные требования предъявляемые к тропам, по Лами: 1) тропы должны быть ясными; 2) тропы должны быть пропорциональны мысли, которую призваны выразить. Мысль эта должна быть разумной.

Оригинально определение фигуры речи: "Страсти имеют свой особый язык. Выражения, представляющие различный характер страстей, называются фигурами" (с. 212).

Лами в своем трактате очень близок к введению понятия нормы и "нейтрального" стиля. Противопоставленным такому "нейтральному" стилю везде незримо присутствующему в дефинициях Лами, оказывается язык страстей — язык фигур. Через "страсть" объясняется содержание каждой фигуры.

Эпанорфоза (épanorthose). «Название этой фигуры греческое и означает она "поправка", "коррекция". Она имеет место, когда человек в порыве страсти отбрасывает пришедшие сразу на ум слова (ses premières expressions) как слишком слабые или недостойные и поправляет речь, прибавляя выражения более сильные». Пример из "Британникуса": "Я люблю, да люблю, я поклоняюсь Джунии".

слушающие только с помощью большого усилия могут догадаться, о чем идет речь. Эта фигура обычна для угроз" (с. 316).

Гипербата (*hyperbate*). Это "не что иное, как транспозиция мыслей и слов в порядке протекания речи... Носит характер "сильной, неукротимой страсти..." (с. 316).

Из примеров видно, что каждая фигура у Лами — концентрированное выражение какого-либо чувства, страсти. Речь без фигур — "нейтральная", эмоционально не окрашенная речь.

Не ограничиваясь известным списком фигур, Лами с большой прозорливостью замечает: "Количество фигур бесконечно. Каждая фигура может быть образована сотней различных способов" (с. 316).

Рено А. Манера говорить на французском языке сообразно различным стилям.

Renaud A. Manière de parler la langue française selon les différents styles. P., 1697.

Одна из риторик, открывающих обширный класс "cours de style" — "стилистических руководств". Подобные издания так многочисленны (и в настоящее время), что вряд ли представляется возможным дать их сколько-нибудь полный список. В отношении риторики Рено, во многом пионерской работы в области практической стилистики, важно следующее. Эта риторика, хотя и сохраняет определенный пиетет к придворному стилю и этикету, описывает другие стили речи. Внутри каждого из стилей классической триады (низкий, умеренный, высокий) автор выделяют определенные "приятные" или "неприятные" читателю качества стиля: естественность/искусственность, живость/вялость, чувственность/сухость, приподнятость/приземленность, и т.д. Высказывается также

предположение о том, что любое из этих качеств стиля, будь-то низкий, умеренный или высокий стиль, уместно, если определенному замыслу автора и типа персонажа. Главными (обязательными) характеристиками стиля признаются (с. 175): связность, четкость, чистота, мягкость (*la douceur*), разнообразие, изящество, серьезность, тонкость, сила, безыскусность (*la naïveté*) красноречивость.

Стиль, по Рено, "создается словами" (с. 203), поэтому в его риторике огромное место уделяется выбору лексикона, характер которого приводится в прямое соответствие с характером общего "тона" словесного произведения" (с. 79). Контрапунктом риторической доктрины Рено является борьба за чистоту стиля, обеспечивающую точность образного выражения: "одна из главных предосторожностей, которую следует принять, — избегать по мере возможности частого повторения таких общих слов, как "ведь, это, то" (*chose, ceci, cela*), которые представляются убежищем незнания (*asile de l'ignorance*) точных слов или являются следствием необдуманной поспешности" (с. 75). Автор объявляет войну "ложной" синонимии (*la pourchasse des faux synonymes*), предлагая читателю в качестве примера целые ряды близких по значению, но взаимно заменяемых слов.

К такого рода риторикам "лексико-стилистического" типа, чрезвычайно характерными для конца XVII в., можно отнести также: *Бретвиль де, аббат*. Церковное и судебное красноречие (1697); *Шифте Л.* Новая и полная (*parfaite*) грамматика французского языка (1673).

Малле Э. Принципы прочтения ораторских сочинений.
Mallet E. Principes pour la lecture des orateurs. Р., 1753.

Большой труд в трех томах, построен по привычной риторической схеме: Инвенция (1 том). Диспозиция (2 том). Элокуция (3 том). В конце шестой

книги третьего тома помещена глава "О внешнем красноречии, или об ораторском действе". Любая из известных старинных риторик всегда заканчивается исследованием "сценификации" ораторского выступления, "разыгрывания" (С.И. Радциг), "витийства телесного" (В.В. Виноградов), внешней риторики (Э. Малле). Существуют много других названий так называемого "ораторского действа" (*action de l'Orateur*), т.е. художественной декламации, сопровождаемой определенной интонацией, мимикой и жестикულიцией.

"Древние преуспели в этом искусстве, оставив далеко позади наших современников. Они овладели секретом фиксации голосовых тонов, нотной записи декламации с помощью диакритических значков по типу знаков, служащих для отметки греческой и латинской просодии. Мелопея (*mélorée*) или искусство создания определенных модуляций голоса, входила в состав их музыкальных искусств. Они сделали больше: их гипокритическая (*hypocritique*) или подражательная музыка содержала раздел искусства жеста, записанного в партитурах, вроде того, как в последнее время научились записывать различные танцевальные па и фигуры... Современному искусству декламации еще далеко до этого совершенства, а, вполне вероятно, оно никогда его и не достигнет" (с. 320—321). Свидетельство автора несомненно: к моменту создания книги, т.е. к середине XVIII в. "разыгрывания" как искусства уже не существовало. Сомнительно также, что со времени появления французской риторики существовала сколько-нибудь развитая национальная традиция этого искусства. Заимствованное у греков и римлян через итальянцев ораторское действо так и не нашло во Франции учителей и адептов. Одна из возможных причин этого феномена — высокая импровизационность французского ораторского искусства.

Посмотрим вместе с автором, что представляла собой ораторская жестикуляция. "Жест, взятый в отдельности, — язык тела; невозможно себе представить, до какого совершенства была доведена пантомима у древних. Вместе с выражением и голосом жест является, в сущности, элементом языка души, сопровождая ее во всех движениях. Каждому положению тела соответствует свой жест: все, вплоть до позиции ног, имеет свое значение. Главными инструментами (жестикуляции) являются голос, руки и кисти рук" (с. 341).

Хотя движения мускулов лица часто носят произвольный характер, оратор должен научиться ими владеть. «Можно и нужно уметь "делать" свое лицо, в особенности, для начала ораторского выступления... Оратору особенно молодому, приличествует скромное выражение... Голова не должна быть ни слишком поднята, ни откинута назад, ни вытянута за линию тела, ни небрежно наклонена в ту или другую сторону, а должна прямо сидеть на плечах и быть скромно повернутой в сторону аудитории. Ее различные движения, сопровождаемые жестами рук, прекрасно способствуют выражению различных чувств при условии, что эти движения не слишком часты и не превращаются в нервную ажитацию. Приподнятость головы выражает восхищение, поворот влево — опасение или возмущение, вправо, сопровождаемый легким наклоном — сочувствие или просьбу; прямая неподвижность — утверждение или порицание» (с. 343—344).

"Главными инструментами жеста являются руки, движения которых вместе с тонами голоса, с мимикой лица, глаз — вместе с движениями души — создают совершенный концерт, рисующий слушателям прекрасную картину всей гаммы чувств и всего размаха мыслей (оратора)..." (с. 349—350).

Существовало несколько общих положений о жести-

куляции: так, например, сила жеста и частота должны постепенно нарастать от вступления к концу речи. Кроме того, "для жеста существует определенный механизм, основанный на обиходе" (с. 351). Автор приводит основные правила жестикуляции:

Жест правой руки идет с левой стороны и заканчивается на правой.

Левая рука сопровождает правую; если левая рука идет одна, это означает, вместе с поворотом головы направо, презрение или отказ.

Кисти рук не поднимаются выше линии плеч или, в крайне случае, глаз, а также не опускаются ниже пояса даже в том случае, когда оратор говорит стоя.

Руки не стучат по кафедре, друг о друга или по бедрам; не следует также считать на пальцах, растопыривать их или сжимать в кулаки.

Рука полностью разгибается только к концу ораторского периода или при страстном порыве души.

Непристойно указывать на кого-либо пальцем или грозить кулаком аудитории.

Жест отправляется не от плеча, а от локтя: именно кисти руки принадлежит основное право жестикуляции.

Следует запретить определенные подражательные жесты, поскольку: 1) они могут быть непристойными; 2) более приличествуют театру и пантомиме.

Жест сопровождает мысль и голос шаг за шагом, не обгоняя и не задерживаясь. Кончился период, кончился жест.

Жесты должны иметь между собой определенную связь, наподобие периодов: как не всякая мысль может находиться в непосредственной близости к другой, так и не всякий жест приличествует другому.

Изучение этого свода правил жестикуляции должно, по мнению автора, сопровождаться изучением комплекса упражнений перед зеркалом (метод Демосфена).

Общие принципы риторической сценификации и, в частности, жестикуляции могут варьировать в зависимости от того вида красноречия, к которому применяются. Так, политическая или военная декламация — яркая, контрастная, — требует соответственного энергичного жеста. В церковной ораторике, торжественной и серьезной, жеста почти нет. Если он все же присутствует, то должен подчиняться медленному темпу речи и статически фиксироваться. Судебное красноречие тоже имеет свою специфическую декламацию: хороший адвокат не может размахисто жестикулировать, что выглядело бы по меньшей мере странно в принятом тогда форменном платье; хороший адвокат должен владеть четкой артикуляцией и умеренно выражать свои страсти, не оставаясь при этом холодным и равнодушным к судьбе своего подзащитного.

Труд свой автор заканчивает такими поучительными словами: "Удивительно, что среди образованных людей, обладающих превосходными качествами, находится так мало умеющих с чувством и выразительно декламировать. Объясняется ли это невниманием со стороны учителей в первые годы обучения? Или неприлежанием самих учеников? По какой бы причине ни происходило это зло, оно, очевидно, всеобщее, но не неизлечимо. Что поражает, однако, в еще большей степени, это то, что сами ученые не в силах как следует читать свои собственные произведения, лишая их тем самым значительной доли своей научной и литературной привлекательности" (с. 362).

Тьебо Д. Трактат о стиле.

Thiébault D. Essai sur le style. A l'usage de l'école royale des jeunes gentils-hommes. Berlin, 1774.

Сочинение выдержало несколько изданий (вплоть до 1801 г.). В огромной литературе по риторике,

появившейся в XVIII в., книга выделяется некоторым оригинальным "уходом" от привычной риторической терминологии и особым вниманием, уделяемым автором первым двум разделам риторики — Инвенции и Диспозиции.

В Предисловии автор пишет: "Искусство, о котором идет речь (в книге), располагается между Грамматикой и Риторикой и не принадлежит в большей степени ни той, ни другой" (с. 4). Стиль определяется в сочинении как "особая и постоянная манера (*une manière caractéristique et soutenue*) выражать свои мысли письменно или живым голосом" (с. 7). И далее: стиль проявляется "в выборе мыслей (*pensées*), которые желаешь выразить; в выборе порядка (*ordre*), в котором будут следовать эти мысли; в выборе связей (*liaisons*), объединяющих мысли; в выборе выражений (*expressions*), в которые эти мысли облекаются; в выборе "оборотов" (*tours*), которые принимают эти выражения и представляются читателю; и, наконец, в выборе общего тона (*ton*) которому подчиняются все" (с. 11).

Каждое из звеньев этой цепочки (мысль — порядок — связь — выражение — оборот — тон) развернуто анализируется. Так, мысли, по Тьебо, могут быть: "... 1) истинными или ложными; 2) необходимыми, естественными или случайными; 3) основными, средними или вспомогательными; 4) развитыми, просто выраженными или намеченными (*indiquées*); 5) связанными или изолированными; 6) созвучными, темными (*louches*), разрозненными или противоречивыми" (с. 24).

Следуя принципу Горация — *poesis ut pictura*, Тьебо рассматривает соотношение стиль/живопись, приписывая языку законы живописной композиции. Везде ощущается пространственная компонента стиля: искусство развития (темы) состоит в "последовательном и достаточно протяженном представлении не только

основных частей, но и деталей сюжета" (с. 101). Требуется соблюдение трех условий: читатель должен чувствовать цельность сюжета; должно соблюдаться единство темы; все должно подчиняться законам лаконичности (*lois de briéveté*). Эти три условия не могут быть соблюдены без четко продуманного плана речи.

Интересно, с точки зрения исторического разделения функций Риторики и Грамматики, выделение грамматических "зон" исследования, предлагаемых Тьебо. Грамматика, по Тьебо, принадлежат: некоторые "обороты" (*tours*); сюда входит анализ простого, сложного, составного, главного, придаточного и др. предложений; некоторые тропы и фигуры, например, инверсия, гипербата, эллипс, плеоназм и др.

Описание фигур, "принадлежащих грамматике", как мы увидим, отличается от традиционного риторического, слабо варьируемого от автора к автору. Сравним, к примеру, дефиницию гипербаты у Лами в рассмотренном выше сочинении и у Тьебо: "Гипербата представляет собой не что иное, как транспозицию мыслей и слов в последовательности речи..." (Лами, с. 64). "Гипербата удаляет друг от друга слова, связанные между собой каким-нибудь грамматическим отношением" (Тьебо, с. 117).

Отдельно рассматривается группа оборотов, "принадлежащих" логике: силлогизм, энтимема, дилемма, сорит, индукция, различные виды аргументов.

Тьебо высказывает соображения по поводу создания текста: "...жанр предписывает форму, которую следует придать главным частям (сочинения)... тон является производным от формы, в которую облакаются второстепенные части (*parties de détail*) ..." (с. 148). Автор настаивает на определенной взаимозависимости жанра и различных стилистических компонент, показывая сложную иерархическую лестницу: жанр — тон — троп — фигура.

Чтобы продемонстрировать, что такое так называемый "риторический тон", автор прибегает к часто встречаемой еще с античных времен форме вопросов и ответов.

"Какие качества стиля, каждое в отдельности, могут формировать определенный тон?" Утверждается, что тон может быть: философским, пасторальным, догматическим, дидактическим и т.д. Кроме того, особыми тонами обладают историческое красноречие (*histoire*), церковное (*chaire*) и юридическое (*barreau*). Упоминаются и другие ряды: тон восточный, аттический. Или: тон естественный, приличествующий (случаю), вольный, приподнятый... Подобная эстетико-психологическая оценка сопровождает определение тона не только в сочинении Тьебо, но и во многих других риториках этого времени.

"Какие качества стиля не могут сами по себе сформировать или обозначить тон? ...До какой степени справедливо, что совершенство стиля требует единства тона на протяжении всего сочинения?" Все тоны делятся Тьебо на четыре основных класса, выявляемых в зависимости от: природы сюжета; поставленной автором цели; "качеств и таланта автора"; внушаемых чувств. Все это кажется довольно простым и ясным. Но как можно определить тон какого-либо конкретного писателя, Фенелона, например? Тьебо дает нам такой ответ: «В "Телемахе" мы видим одновременно исторический и философский тон, тон убеждения, благородный и даже поэтический тон, тон прекрасный античности, оживленный, трогательный (или и то и другое) оно называется портретом, или этопеей (*étopée*). Если описываются не индивиды, а вид индивидуальности, как, например, скупые, ревнивцы, кокетки, лжецы, портреты носят название характеров (*caractères*). Если описание ограничивается обрисовкой

объекта, рассматриваемого в своих внешних свойствах, оно получает название прозографии (*prosographie*). Описание какого-либо особого места (*lieu particulier*), каким может быть пейзаж, лес, храм, дворец, город, обозначается как топография» (с. 323).

Дюмарсе С.-М. Трактат о тропах, служащий введением в Риторику и Логику.

Dumarsais C.-Ch. Traité des tropes pour servir d'introduction à la Rhétorique et à la Logique. Leipsig, 1757.

Сезар Шено Дюмарсе (Дю Марсе) (1676—1756) — имя очень известное в истории гуманитарной мысли. Знаменитый грамматист, автор многочисленных статей во Французской Энциклопедии, гораздо менее известен своей риторикой "Трактат о тропах", которая была много раз переиздана и пользовалась широкой популярностью у читателя. В предисловии к лейпцигскому изданию [Дюмарсе 1757], издатель сетует на то, что с трудом нашел текст первого издания 1730 г. — все экземпляры были распроданы. Кроме лейпцигского, известны по крайней мере еще два [Дюмарсэ 1793, 1730], помимо современных переизданий [Дюмарсэ 1967].

Предисловие, написанное к лейпцигскому, посмертному изданию риторики Дюмарсэ, содержит анализ грамматических воззрений автора. Издатель указывает на то, что Дюмарсэ делил грамматику на семь частей.

Сведения о предложении и периоде.

Орфография.

Просодия — часть грамматики, посвященная произношению слов и "качеству слогов".

Этимология.

Введение в синтаксис, который занимается природой слов (*nature des mots*), их грамматическими особенностями: род, число, лицо и т.д.

Синтаксис.

Тропология, или "изучение различных значений, принимаемых одним словом в одном языке". Это знание необходимо для "истинного понимания слов как знаков наших мыслей".

Центральным понятием тропологии автор считает понятие тропа и фигуры. Тропы представляют собой разновидности фигур. Обычно считалось, как замечает автор, что фигуры — способ говорить, отличный от обычной, повседневной речи. Фигуры, если рассуждать и далее в таком ключе — речь, не похожая на речь без фигур (фигура есть фигура?!). Дюмарсэ утверждает, что "нет ничего более естественного и обычного в речи людей, чем фигуры" [Там же, 2]. И далее знаменитое: "На самом деле, я убежден, что в базарный день на Парижском рынке можно услышать больше фигур, нежели за долгие часы академических собраний" [Там же]. Таким образом, "не фигуры чужды человеческой речи, а, напротив, речь без фигур противоестественна" [Там же, 2—3]. Речь человеческая структурируется фигурами.

Что же представляют собой фигуры? Первично, в прямом смысле — внешняя форма какого-либо тела. "Все тела — продолжает автор, — имеют протяженность; каждое из них обладает своей определенной фигурой, т.е. особой формой, которая позволяет отличать одно тело от другого. То же можно сказать и о фигуративных выражениях. Вначале они доносят (до читателя) основное содержание мысли автора, т.е. общее свойство, присущее любым сочетаниям слов, которое состоит в выражении некоторого общего значения, проистекающего из факта грамматического построения. Кроме этого общего свойства, фигуративные выражения, или фигуры, имеют особую, свойственную им модификацию, позволяющую выделить их разновидности" [Дюмарсэ 1757, 6]. Антитеза,

например, отличается от других способов выражения (*manières de parler*) или сочетаний слов (*assemblages de mots*), оппозицией включенных в нее слов. Апостроф характеризуется обращением к присутствующим или отсутствующим и т.д.

Риторика возникла прежде всего, замечает Дюмарсэ, в результате длительных размышлений грамматистов и риторов над различными способами выражения. Итогом размышлений явилось описание этих способов как особых разновидностей речи. "Способы выражения, в которых было замечено только одно свойство — выражение мысли, были названы фразами или периодами. Другие способы, в которых не только выражается мысль, но и приобретает особую форму, что придает им характерные особенности, были названы фигурами. От обычного выражения или фразы их отличает наличие специфически выраженной формы" [Там же, 7—8]. Например, когда Ла Брюйер пишет: "Есть некоторые вещи, посредственность в которых невыносима: поэзия, музыка, живопись и публичная речь", можно говорить о фразе, выражающей определенный смысл. Здесь фигур нет. Далее Ла Брайер прибавляет: «Какая пытка слышать помпезную декламацию холодной речи или посредственных стихов!» [Там же, 8]. Выражена та же мысль, замечает автор, но "в особой форме" удивления и презрения. Это — фигура» [Там же].

Таким образом, по Дюмарсэ, в основе производства фигуры в речи лежит эмоция. Фигуры, применяемые уместно, оживляют, усиливают и украшают речь. Фигуры — "язык воображения и страсти" [Там же, 9], хотя красоты речи не всегда зависят от фигур: мысль тоже может быть прекрасна. Главное, что отличает фигуры, повторяет автор, это особая форма, особая модификация.

Согласно традиции, идущей от Цицерона, фигуры делятся на два больших класса: фигуры мысли и фигуры слов. Основное различие между этими классами состоит в том, как учит Цицерон в третьей книге "De Oratoria", что фигуры мысли зависят исключительно от воображения или поворота мысли — фигура остается одной и той же, даже если в ней заменить все слова (пример: прозопопея). Фигуры же слов, напротив, исчезают при замене слов, зависят от слов.

Известны четыре типа словесных фигур.

Фигуры дикции (*figures de diction*). Название, по замечанию Дюмарсэ, принадлежит грамматистам. Эти фигуры затрагивают изменения в буквах или слогах. Пример: синкопа.

Фигуры конструкции. Представляют собой "выражение смысла за счет грамматической конструкции" [Там же, 12]. Пример: силлепс. "Большинство людей говорят" вместо правильного "Большинство людей говорит".

Фигуры, в рамках которых слова сохраняют свое прямое значение (*signification propre*). Пример: повтор. Дюмарсэ подчеркивает, что эти фигуры не отвечают его дефиниции, и он включает их в классификацию, лишь отдавая дань традиции.

Тропы, т.е. фигуры с переносным смыслом слов. Именно этот тип словесных фигур рассмотрен нами.

"Тропами называются фигуры, с помощью которых (через которые) слову придается значение, отличное от прямого его значения" [Там же, 14]. Чтобы понять, что такое троп, как он организован, следует уяснить себе, что такое прямой смысл слова.

Слово троп происходит от греческого слова, означающего 'поворачиваю, верчу': смысл слова как бы поворачивается, изменяется. Например, продолжает Дюмарсэ, что означают слова Людовика XIV "Больше

нет Пиренеев", когда его внук герцог Анжуйский, позже Филипп V, становится испанским королем? Какой именно это вид тропов. Троп, употребленный Людовиком XIV, носит название "метонимия знака", или металепс: Пиренеи после восшествия на престол француза, внука короля, больше не являются знаком, или символом разделения Франции и Испании.

Риторика и тропология в частности, подчеркивает автор, имеют прежде всего энциклопедическое и педагогическое значение. Никакой автор не может быть понят и правильно интерпретирован без представления о фигурах и знания тропов. Большую помощь оказывает риторика при чтении Нового Завета, написанного очень простым языком, но содержащим много фигур, трудно поддающихся анализу. "Естественно знание тропологии не пригодится господом типа мольеровского Журдена, который", — шутливо замечает Дюмарсэ, — уверенно утверждал, что проза не поможет вести счета или прилично содержать дом. Тем, однако, кто желает "привести в систему мысли, возникающие из слов, (риторика) поможет выявить истинный смысл речи... Науки и искусства суть лишь наблюдения жизни: обиход и практика предваряют любую науку и искусство, но наука и искусство впоследствии улучшают жизнь" [Там же, 19—20].

Прямым смыслом слова автор называет его "первое обозначение: слово употреблено в прямом смысле, когда оно обозначает то, почему оно так названо" [Там же, 21].

"Связь, наличествующая между попутными мыслями (*idées accessoires*)... есть источник и принцип производства различных вариантов переносного смысла" [Там же, 24]. Дюмарсэ так поясняет свою мысль: "Любой объект, который произвел на нас впечатление, всегда сопровождается различными характерными об-

стоятельствами, с помощью которых мы впоследствии часто обозначаем или сами эти объекты... или другие, воспоминания о которых они рождают. "Имя попутной идеи, сопровождающей обстоятельства, часто больше говорит воображению, чем имя главной идеи... Отсюда знак вместо означаемой вещи, причина вместо следствия, часть вместо целого... и все прочие тропы..." [Там же]. Основное назначение тропов.

1. Выявить главную мысль: *он любит бутылку, владеет пером* и т.д.

2. Придать большую живость выражению: *он сгорает от любви*.

3. Орнаментальное значение тропов.

4. Облагораживание речи.

5. Соккрытие грубых, непристойных или излишне печальных мыслей. Пример: эвфемизм.

6. Обогащение языка с помощью умножения значения слова. Здесь Дюмарсэ позволяет себе вступить в спор с корифеями классической риторики — вещь неслыханная в истории этой дисциплины. Древние риторы полагали, что тропы появились в языке, первоначально лишенном необходимых дополнительных значений, как одежда сначала возникла как защита от холода и лишь позже стала предметом украшения. Дюмарсэ утверждает, что множественность значения — вещь в языке первоначальная, т.е. его имманентное свойство.

При использовании тропа в речи следует всегда помнить о его уместности. Мольер в "Жеманницах" так высмеивает длинные, неуклюжие обороты: вместо того, чтобы сказать лакею: "Принесите нам стулья", один из персонажей (дама) говорит: "Представьте нам удобства для разговора". "Тропы должны употребляться только тогда, когда они естественно представляются уму... Фигуры нравятся в том случае, когда они позволяют как бы прикоснуться к предмету..." [Там же, 32].

Дюмарсэ кратко описывает условия производства переносного смысла, главным из которых оказывается простота, "первичность" слова. Чем проще слово, тем чаще мы встречаем его в переносном смысле: значения слов *тело, душа, голова, цвет, иметь, делать* и т.д. чаще других приобретают переносный смысл.

Далее автор дает интересное объяснение названию своего труда: "Тропы или различный смысл, который может принимать одно и то же слово в одном языке". Почему именно в одном языке? Дюмарсэ предостерегает читателя от универсальной трактовки переносного смысла: слово, подчеркивает он, не сохраняет в переводе все переносные значения, которыми оно обладает в своем родном языке. Переводчику необходимо принять во внимание этот факт, апеллировать не к переносному, а к прямому значению слов родного языка, переводимых на другой. Именно вследствие плохой переводимости переносных смыслов следует, по мнению Дюмарсэ, расширить контекст в латинско-французских словарях: словарная статья должна обязательно содержать указание на прямое и переносное значения.

Здесь Дюмарсэ завершает первую часть своего сочинения. Вторая — посвящена описанию разновидностей тропов. Приведем несколько таких описаний.

Катахреза (преувеличение, распространение или имитация). В любом языке, как замечает автор, часто не хватает отдельного слова для выражения отдельной мысли: так возникает словообразование (*fer, ferrer*). "...катахреза — это определенный сдвиг, который претерпевает первое значение слова и (в результате которого) образуется новое, имеющее отношение к первому" [Там же, 42]. Например, лист дерева — лист бумаги; язык как орган — язык латинский, французский. Такие катахрезы или распространения, замечает Дюмарсэ, должны быть всегда санкционированы языковым обихо-

дом и редко переходят из языка в язык: например, французское слово, соответствующее какому-либо латинскому (*petere* = *demandare* 'просить' в прямом смысле, не всегда следует за латинским (в переносном) *petere*), употребляется в латинском с глаголами *нападать*, *идти*, а французский глагол не имеет такой сочетаемости. Греческий же эквивалент лат. *propinare* 'пить за здоровье кого-либо' означал 'пить первым'. Отсюда в латинском появляется значение 'выдать', 'предать'.

Дюмарсэ как истый грамматист проявляет большой интерес к языковому материалу, формирующему фигуры. Вот, что он говорит о значении предлогов: "Предлог дополняет отношения, определяемые окончаниями слов, те отношения или обстоятельства, которые выражаются словом, следующим за предлогом" [Там же, 49]. Поскольку эти отношения бесконечно разнообразны, а число предлогов ограничено, каждый из них обладает множеством функций, или, как говорит Дюмарсэ, применений (*usages*). Возьмем, например, предлог *dans* (латинский эквивалент *in*). Первичное значение предлога — местонахождение: "внутри, в доме". Распространение значения (катахреза) приводит к выражениям типа *в радости*, *в печали* и т.д.

Как упоминалось, наибольшее количество переносных смыслов по Дюмарсэ, имеют глаголы типа *быть*, *иметь*, *делать*. Оригинальна его интерпретация образования сложного претерита: по Дюмарсэ, две латинские формы *amavi* и *habeo amatum* 'я любил' дают одну французскую *j'ai aimé*. Первичный смысл лат. *habeo* и французского *ai* — 'обладаю', 'имею' метафорически присоединяется к причастию прош. времени *aimé*, которое «становится именем, вызывающим чувство, которое обозначает глагол: "я имею чувство любви", как например, "я имею часы"» [Там же, 52]. Так, отмечает Дюмарсэ, с помощью тропа (здесь — метафоры) два

французских слова обозначают одно латинское *j'ai aimé-aimé*. Возможность появления таких форм объясняется автором: из внутренне присущей языку способности к образованию фигур; как неологизмы, "идушие от детей и иностранцев", т.е. от людей, по той или иной причине еще не овладевших языком.

Выделяются два вида катахрез: когда слову придается значение, хотя и удаленное от первичного, но продолжающее его: лат. *fuscurrege fescurir*, *aider* 'помогать'; когда слову придается сравнительное или имитационное значение (этот тип катахрезы смыкается с метафорой): лист бумаги — лист дерева.

Фундаментальная фигура в классификации Дюмарсэ — метонимия 'изменение имени' в некотором смысле, как подчеркивает автор, включает в себя все остальные разновидности тропов. В классической риторике различаются следующие виды метонимий.

1. Причина вместо следствия: "о старом вине (у Вергилия) — *старый Бахус*" *un vieux Bacchus*; я читал Горация, вместо я читал сочинения Горация. Часто имя изготовителя заменяет имя изделия: *Рембрант* (в смысле картина *Рембранта*); инструмент вместо объекта производства (у Горация): *stilum vertere* (букв. 'вращать палочку) 'исправлять', 'стирать' от *stilus* 'палочка, один конец, который служит для гравировки, другой, утолщенный, — для стирания'. Отсюда происходит "стиль" (стиль умеренный, благородный, или исторический, поэтический и т.д.).

2. Следствие вместо причины: *бледная смерть* (смерть делает лица бледными — причине дается эпитет, соответствующий следствию).

3. Место вместо объекта: *Un vrais Damas* 'настоящий "дамасский клинок"', или *Le Lycée* (Лицей — место возле Афин, где Аристотель преподавал философию, прогуливаясь со своими учениками).

4. Содержащее вместо содержимого: *il aime la bouteille* 'он любит бутылку' вместо 'он любит выпить'.

5. Знак вместо обозначаемой вещи: *Скипетр короля* вместо *королевская власть*, *маршальский жезл*, *кардинальская шапка* и т.д.

6. Абстрактное имя вместо конкретного (из Горация): *Un nouvel esclavage je forme tous les jours pour vous* букв. 'Новое рабство создаю каждый день для вас' вместо 'я даю вам новых рабов...'.
7. Части тела, символизирующие определенные чувства, вместо этих чувств: *у него есть сердце*, *у нее злой язык* и т.д.

8. Имя хозяина дома вместо самого дома: *Рамбуйе* вместо *особняк Рамбуйе*.

Далее автор описывает довольно подробно другие фигуры, в числе которых металепс, синекдоха, антономаза, коммуникация, литота, гипербола, гипотипоз, истафора, силлепс, аллегория, аллюзия, ирония, эвфемизм, антифраза, перифраза, гиппалагия, ономатопея.

Классификация, представленная Дюмарсэ, поражает не только четкостью дефиниций, но и обилием интересных сведений из античности, из истории французского языка, из этимологии. Так, в разделе, посвященном антифразе (фигура, совмещающая в себе эвфемизм и иронию), автор дает интерпретацию названия *Понт Евксинский* букв. 'гостеприимное море', утверждая, что в основе названия лежит антифраза. Истинным названием моря является *Черное море*, т.е. бурное, неприветливое, и именно поэтому Овидий говорит, что название *Понт Евксинский* лживо.

Дюмарсэ везде подчеркивает, что знание риторики оказывает исключительную помощь при прочтении и интерпретации античных текстов. Так, например, автор замечает, что толкователи мифов утверждают, что Эвмениды, дочери Эреба (из греч. букв. 'нежные, делающие

добро) прозваны так уже после того, как перестали преследовать Ореста, убившего их мать. Дюмарсэ склонен считать эту трактовку ошибочной: как и в случае с Понтом Евксинским, здесь присутствует антифраза. В разделе "Антономаза" (вид синекдохи, характеризующейся заменой имени собственного на имя нарицательное или наоборот) автор замечает: "Если вы встретитесь со словами Философ, Оратор и Поэт в греческом тексте, это, соответственно, Аристотель, Демосфен и Гомер. Во французском (идущем в большой степени от латинской традиции)— это Аристотель, Цицерон и Вергилий" [Там же, 195].

В разделе "О субординации тропов", завершающем вторую часть книги Дюмарсэ, высказываются определенные соображения о системе дефиниции тропов, о логической выдержанности риторических классификаций, об отношении аристотелевской традиции к современности и о значении риторики.

"Спор о субординации тропов, по-видимому, — как замечает Дюмарсэ, — возник вместе с рождением самой риторики: еще Квинтилиан в "Institutae oratoria" упоминает о дискуссиях, возникавших между грамматистами и философами по поводу логического основания тропологии. Многие признают наличие только четырех основных видов тропов: метафоры, метонимии, синекдохи и иронии. Остальные тропы, утверждают некоторые риторы (Дюмарсэ не называет имен), относятся к ним как вид к роду. Автор отстаивает свою классификацию, утверждая, что каждый приведенный им вид тропов имеет свою специфику и должен рассматриваться как отдельный класс.

В третьей, заключительной части своего сочинения, носящей название "Другие значения, в которых одно и то же слово может употребляться в речи", автор делает попытку грамматического прочтения "переноса" смыс-

ла, лежащего в основе образования фигуры. Здесь же поднимаются вопросы полисемии и синонимии, находящиеся в понимании Дюмарсэ, в тесной связи с тропологией. Предлагаются также следующие оппозиции.

1. Определенный смысл/неопределенный смысл: *он верит; верят.*

2. Активный смысл/пассивный смысл: *писать письмо; письмо написано.*

3. Абсолютный смысл/относительный смысл: *солнце сверкает; солнце больше, чем земля.*

4. Коллективный смысл/индивидуальный (*distributif*) смысл: *женщины любят говорить; (эта) женщина говорит.*

5. Ясный смысл/двусмысленность, лежащая в основе полисемии (из Мольера): — *Каким языком вы хотели бы пользоваться при разговоре со мной? — Тем, который у меня во рту.*

6. Игра слов. Выделяются два вида "игры слов": 1) аллюзия, или экивок; 2) парномаза. Например: *amantes sont amentes* букв. 'влюбленные лишены разума'. Из эпитафии Маргариты Австрийской, умершей родами: *Dum pario pero* 'давая жизнь, погибаю'.

7. Полный смысл/разделенный смысл (из Евангелия): предложение *Les aveugles voient, les boiteux marchent* букв. 'слепые видят, хромы ходят', представляет собой "разделенный смысл" (слепые уже не ехать слепые, хромы уже не есть хромы). *Слепые не видят* — пример "полного смысла".

8. Буквальный смысл/духовный смысл. В сказках, мифах, замечает Дюмарсэ, мы всегда сначала сталкиваемся с некоторым буквальным "простым" смыслом и только после возникает определенный духовный (*spirituel*) смысл (то же характерно для Библии). Любая интерпретация литературного текста должна начинаться с анализа буквального смысла.

9. Авторский смысл (*sens adapté, sensus accomodatitius*). Один из видов — пародия. Букв. пародия — 'песнь, сложенная в подражание другой песне'.

10. Абстрактный смысл/ конкретный смысл. "Заметьте, что существует определенная разница между созданием отвлеченного смысла и использованием абстрактного слова" [Дюмарсэ 1757, 251].

11. Существуют ли синонимы? По Дюмарсэ, синонимы выражают одну главную идею, но не могут быть торжественны друг другу. Полная синонимия автором отвергается.

Такова одна из самых интересных французских риторик, созданных за все время существования этой гуманитарной дисциплины. Особый "грамматический" подход автора к анализу литературного текста и вообще языка, позволяет, по-видимому, отнести Дюмарсэ к плеяде виднейших риторов и грамматистов мира.

Хотя имя автора — аббат Батте — и мелькает на страницах французской историографии, трактат "Об ораторском искусстве", о котором идет речь [Du Mar-sais 1793], остался совершенно неизвестным французскому читателю. Во-первых, потому, что эта книга никогда не переиздавалась, а, во-вторых, она была присоединена издателем Р. Шираком к трактату Дюмарсэ о тропах без указания на титуле имени Ш. Батте. На самом деле, рассматриваемый трактат — "О тропах и ораторском построении" — сборник, первая часть которого ("О тропах...") является переизданием знакомого сочинения Дюмарсэ, а вторая ("Об ораторском построении") принадлежит перу аббата Батте.

"Тема этого трактата, — пишет Батте, — гораздо значительнее, чем представляется с первого взгляда. Соотношение частей предмета является не чисто эстетическим требованием, как, например, в картине или букете, а обеспечивает прочность знаний и силу армии

на поле боя. Оба этих фактора прослеживаются и в красноречии. Именно от взаимного отношения слов, из аранжировки (*arrangement des mots*) зависит все изящество текста и главная часть его убедительности и силы" [Там же, 263].

В способе построения фразы, в порядке слов, в более или менее свободном синтаксисе, или, по выражению Батте, в аранжировке слов в тексте, кроется не только секрет красноречия, но и секрет различия между языками. Ни греки, ни латиняне не уделяли этой проблеме особого внимания, полагая, что писатели употребляют и "расставляют" слова согласно их вкусам. Объяснение этому автор находит в реальной характеристике древнегреческого и латыни, в относительно свободном (по сравнению с французским) порядке слов.

Какие же существуют способы построения фраз? В тропологии, замечает Батте, разработана искусственная аранжировка слов, называемая фигурами. Существует также, и превалирует в речи, естественный способ соединения слов. Естественным порядком слов следует признать такой способ аранжировки, при котором словесное построение следует естественную строю мыслей. Что такое "естественный строй мыслей"? Логически безупречным следует признать такое построение речи, когда мысли следуют определенному порядку: объекты "перечисляются" по степени их значительности. Поясняет свою мысль автор следующим образом: «Попробуем представить себе, — пишет он, — как "входят" в нас идеи» [Там же, 264]. Совершенно очевидно, что зрительное восприятие (например, пейзажа) принципиально отличается от восприятия текста. В первом случае "мысли входят в наше сознание толпой" [Там же, 265], без соблюдения сколько-нибудь заметного порядка. Второй случай представляет собой разительный контраст. Здесь Батте, возможно, один из первых в

истории гуманитарного знания вводит понятия линейности и дискретности речи: "...поскольку слова могут продуцироваться только поочередно (одно за другим), то и мысли, привязанные к этим словам, появляются друг за дружкой, достигая таким образом, сознания слушающего" [Там же, 265]. Порядок "вхождения мыслей" в сознание слушающего зависит от словесной аранжировки. Говорящий индивид, в зависимости, как мы бы сейчас выразились, от целей коммуникации, может строить текст так или иначе, разными способами добиваясь необходимого восприятия.

Существуют три основных способа соединения слов.

Грамматический, при котором аранжировки соответствует отношению между словами, рассматриваемыми как управляющие или управляемые (признак управляемости). Грамматическая конструкция, соответствующая этому способу соединения слов, — *lumen solis* 'свет солнца', где генитив *solis* зависит от *lumen*. Грамматическая аранжировка требует, чтобы определяющее предшествовало определяемому.

Метафизический, при котором аранжировка соответствует абстрактному отношению между идеями (признак причинно-следственной связи). Согласно такому способу соединения слов, субъект высказывания должен предшествовать атрибуту, т.е. *solis lumen*, так как солнце является причиной света.

Ораторский: *J'ai vu un serpent, je fui* 'Я увидел змею, я убежал' — сначала знания о предмете, потом действие.

Реальность (предмета), пишет Батте, рождает мысль, придает ей определенные очертания; мысль, в свою очередь, продуцирует выражение и предписывает ему аранжировку по своему подобию. "Мысль есть внутренний образ вещей. Выражение (в речи) есть внешний образ мысли" [Там же, 271].

Главное отличие ораторского способа построения

слов от грамматического и метафизического состоит в намеренном, сознательном учете говорящим: 1) возможного впечатления, полученного от произносимых слов; 2) степеней внимания (*degrés d'attention*), которые при восприятии регулируют порядок слов. "Порядком вещей для оратора является порядок впечатлений, полученных в зависимости от степени проявленного (к вещам) интереса" [Там же, 272].

Ораторская фраза (*phrase oratoire*) может включать пять частей: имя, выражающее субъект в предложении (Александр); глагол, выражающий действие (победил); дополнение, на которое переносится действие (Дария); наречие или любой другой элемент, выражающий обстоятельство (храбро); предлог.

Каждая из этих частей может занять главенствующее место в предложении; порядок следования зависит от цели высказывания, т.е. от воли оратора. Тому же принципу следуют фигуры: повтор выдвигает на первое место наиболее важное слово, эллипс убирает ненужное. и далее, следует идея уровневой организации текста: "Если природа создала определенные законы для взаимной аранжировки слов (в предложении), то они должны сохраняться и для частей в периоде, и для периодов в целой речи" [Там же, 290].

Основная мысль — о существенности словесной аранжировки текста для риторики — возникла у Батте под влиянием идей Дионисия Галикарнасского. В своем трактате, посвященном этой проблеме, Дионисий Галикарнасский признается в том, что прочел всех старых авторов и, в частности, стоиков, но нигде не нашел указания на необходимость совершенствования красноречия в этом аспекте. "Дионисий Галикарнасский почувствовал, — замечает Батте, — что в природе существует причина, по которой слова выстраиваются таким, а не другим способом. По Дионисию, вначале

должны следовать имена, затем — глаголы". Батте готов согласиться с этим высказыванием, если бы не существовал, как он пишет, огромный пласт языка под названием "поэзия". Откуда происходит вольность построения поэтической фразы, почему у поэтов "имена часто следуют за глаголами"? Ответ — в явлении, называемом "просодия".

Каждое слово, и об этом было известно Дионисию Галикарнасскому, может рассматриваться как звук и как знак. Будучи знаком наших мыслей или наших чувств, слово подчиняется ораторскому построению. Слово как звук совершенно очевидно аранжируется музыкально: единственный свидетель — человеческий слух.

Слуховое восприятие звучащей речи опирается на три критерия, или, как выражается Батте, ухо "судит" о речи по трем моментам: по звукам, которые представляются как определенная последовательность (*la suite*); по паузам, прерывающим эту последовательность; по согласию звуков и пауз с выражаемой в речи мыслью. Название этим трем вещам: Мелодия, Число (или Ритм) и Гармония.

Древние ораторы, замечает автор, чрезвычайно тщательно относились к искусству измерения звуков и подсчета слогов. "Мы же, напротив, рассматриваем эти заботы как дело, недостойное гения. Убежденные в том, что стиль должен естественно проистекать из своего источника, мы верим, что правило только стесняет его, более того, именно из-за них он якобы теряет значительную часть своего изящества, тогда как на самом деле именно эти правила, вошедшие в привычку, более всего способствует тому что речь приобретает ту непринужденность, которую мы от нее требуем" [Там же, 314]. Среди образцовых в этом отношении французских писателей Батте называет Бальзака, Корнеля, Пелиссона, Малерба, Флешье и Бурдалу.

Итак, существенным для риторики сказывается, по Батте, изучения Мелодии, Ритма и Гармонии, или, иначе, "искусственной просодии" [Там же, 315] своего языка. Отметим для себя, что речь идет не только о поэзии, но и об ораторской прозе.

С чего следует начать рассмотрение музыкальной аранжировки речи? Батте вводит основные понятия французской фонетики, различая для системы гласных открытость, длительность и назальность. Кроме пяти латинских гласных (по-видимому *a, e, i, o, u*) выделяются пять "французских": *ai, ei, oi, e* (очень открытое — *exgrès*) и *e* немое + назальные (справедливо рассматриваемые Батте как варианты).

Однако, замечает автор, звуковая последовательность дает возможность вычленить из речи не только эти "первые элементы" языка, но и первые комбинации элементов (дифтонги и слоги). Элементы и комбинации элементов, по Батте, представляют собой "единую массу, из которой народы почерпнули все слова, которые они составили по определенным законам, которыми руководил обиход, привычка, аналогия, необходимость, искусство, воображение, возможность и случай. Все происходило подобно тому, как из семи нот музыканты сотворили не только различные мелодии, но и виды и рода музыки" [Там же, 319].

Любая звуковая последовательность всегда на всем протяжении прерывается паузами, создающими определенный ритм. Для того чтобы выявить для читателя смысл ритмообразующей функции пауз, автор объясняет содержание понятия Ораторского Числа (*le Nombre oratoire*), впервые, насколько известно, введенного Аристотелем. Ему же принадлежит, по замечанию Батте, единственное в истории риторики определение Ораторского Числа: "Каждая речь, — гласит текст Аристотеля в переводе Батте, — чтобы не быть уродливой и непонят-

ной, должна иметь конец. Все заканчивается на арифметическое число (Arithmo), речь не является исключением. Именно из этого арифметического числа происходит музыкальное число речи (Rithme) [Там же, 325].

Речь — текущий ручей (flumen orationis), прерываемый паузами, представляющими собой некоторые законченные промежутки, "закрытые пространства" (interruptions, espaces terminés). Батте выделяет четыре типа пауз: дыхательная (pour la respiration), умственная (pour l'esprit), предметная (pour les objets) и слуховая паузы (pour l'oreille). Все эти типы пауз можно найти в такой, к примеру, фразе из Флешье: *Это молодое растение* — (предметная пауза, являющаяся одновременно умственной и слуховой) — *в изобилии политое небесными водами* — (предметная пауза, дыхательная пауза) — *недолго заставит ждать плода* — (финальная пауза). В поэзии слуховые паузы отмечены рифмой.

"В природе, — пишет Батте, — все — Число и Гармония; максимум проявления обнаруживается в музыке. В поэзии это проявляется все еще очень заметно: сам поэтический ритм музыкален. В принципе все искусство поэтической речи подчиняется прежде всего особым ритмическим законам: 1) метру, или особой форме Ораторского Числа; 2) финальной каденции, или падению слога; 3) правилу первой строфы, задающей ритм всем остальным. В Прозе, которой принадлежат ораторские речи, Ритм и Гармония также наличествуют, выявление их осуществляется в значительной мере бессознательно: "Она (проза) располагает промежутки без видимого правила" [Там же, 344]. Сложность постижения искусства прозаической музыкальной аранжировки текста вполне осознавалась Квинтилианом (gradus occulti!).

Несмотря на сложность предмета и отсутствие ука-

заний в классической доктрине, Батте делает попытку дать читателю некоторое представление об этом искусстве. "Гармония ораторской речи сложна прежде всего потому, что, хотя правила музыкальной аранжировки речи, в принципе, для прозы и поэзии едины, соотношение звука и смысла, играющее особую роль именно в прозе, носит асимметрический характер: "...порции, равные для уха, не равны для смысла" [Батте 1793, 346]. Ораторская Гармония состоит из: соотношения звуков, слогов, слов, чисел с предметами речи (Первая Гармония) и из соотношения общего тона, или стиля, с предметом речи (Вторая Гармония).

Связь звука со смыслом носит чрезвычайно опосредованный характер, но принципиально может быть описана, так как подчиняется, по утверждению Батте, законам имитации. Наиболее простыми выражениями мысли являются жесты и "подражательные" звуки (вообще говоря, звукоподражание и, в особенности, детская речь, по Батте, есть фундамент любого языка). Например, шептать, свистеть, жужжать и т.д. Здесь "музыкальная имитация схватывает объекты, являющиеся шумами" [Там же, 396]. Все дальнейшее производство смысла является лишь распространением имитации: голубой — нежный, красный — живой, зеленый — веселый и т.д. "Таким образом, последовательное развитие этого способа, сопровождаемое воображением и соотношением чувств, привело к разумному самоограничению Природы и ее воплощением в звуках" [Там же, 370].

Приложением к доктрине Батте может служить изложенная им в конце книги теория перевода. Несмотря на то что каждый из родов литературы — История, Ораторика и Поэзия — требуют специфического внимания переводчика, можно выделить два основных типа перевода: перевод, выполненный с та-

кой тщательной имитацией, что способен заменить оригинал (ср. копия картины); перевод, главной целью которого является не замена оригинала, а передача его смысла (ср. эстамп). Практика перевода (с латыни и греческого), подчеркивает Батте, демонстрирует со всей наглядностью разительное отличие французского языка от латыни и необходимость борьбы против культа латинского языка и переноса свойственного ему порядка слов во французской.

Завершает книгу полемика автора с Дюмарсэ, суть которой заключается в непризнании последним особого ораторского способа соединения слов. По Дюмарсэ, любая аранжировка слов, кроме грамматической — противоестественна и попросту не существует в языке. Свободный порядок слов (авторский, ораторский, поэтический) объявляется химерой. Настаивая на своей теории словесной аранжировки, Батте выделяет два основных ее способа: аранжировка "согласно сердцу", чувствам (воспринимающего речь), принятая в риторике — в прозе, поэзии, в духовном и судебном красноречии, во всех видах словесных произведений и "согласно уму".

Тропы или словесные фигуры; поэма в четырех песнях, с пометами; в приложении отрывок из сочинения Дионисия Галикарнасского о тропах у Гомера, а также поиск источников и влияния метафорического языка. Прилежной молодежи посвящает автор М.Л.К. Франсуа из Нефшато.

Les tropes ou les figures de mots; poème en quatre chants avec les notes, un extrait de Denys d'Halicarnasse sur les Tropes d'Homère et des recherches sur les sources et l'influence du Langage métaphorique dédié à la jeunesse studieuse par M.L.C. François de Neufchateau. P., 1817.

Как следует из заглавия, риторика эта написана стихами. Неиссякаемый интерес к проблемам литературного

языка, вообще характерный для Франции, вместе с необходимостью преподавать риторику и популяризировать ее идеи, привели к совершенно ошеломляющему научному жанру: риторическому трактату в стихах.

Эннекен П. Новый курс риторики, предназначенный молодым людям обоих полов с посвящением императрице-матери.

Hennequin P. Nouveau cours de rhétorique, à l'usage de la jeunesse des deux sexes. Dédié à Sa Majesté l'Impératrice mère. Moscou, 1818.

Работе предпослан эпиграф на латыни: "Можем ли мы оказать государству более ценную услугу, чем просвещение и образование молодежи?"

Издание ярко выраженного дидактического характера, копирующее для русского франкоязычного читателя образцы известных французских риторик. Возможно, именно по таким учебникам изучал французскую словесность А.С. Пушкин и другие лицеисты.

Построение работы традиционно: небольшое предисловие (с. 15—19) о нравственной пользе риторики, о культурном значении владения пером; дело о постоении риторики; первая часть (Инвенция) — восемь глав; вторая часть (диспозиция) — семь глав; третья часть (элокуция) — десять глав; четвертая часть (Ораторское действие) — четыре главы; завершают учебник рассуждения о необходимости пристального внимания к лучшим образцам ораторского искусства и прежде всего светской прозы, которые в изобилии содержатся в учебнике.

Может быть, следует для примера ознакомиться с одной из глав книги, чтобы получить более ясное представление о построении и содержании "типовых", "нормативных" риторик.

Третья часть, глава IX: "Фигуры мысли" (с. 322—385). Все фигуры делятся на две большие группы: фигу-

ры слов и фигуры мысли (иначе: словесные фигуры и фигуры воображения). "Напомним, что фигуры слов зависят исключительно от (словесных) выражений, тогда как фигуры воображения состоят в определенных изменениях мысли, чувства" (с. 326). Все фигуры мысли автор распределяет (и то же можно найти у Квинтилиана) по трем большим классам:

"Фигуры, подходящие для доказательства" (с. 327), аппелирующие к разуму. Сюда относятся одиннадцать основных фигур: перечисление (*conglobation*), умолчание (*préterition*, *prétermission*, *paralepse*), поэтическая вольность (*licence*), уступка (*concession*, *parhomologie*), поправка (*correction*, *épanorthose*), сообщение (*communication*), антиципация (*prolepse*, *antéoccupation*, *préoccupation*), субъекция (*subjection*, *hypodole*), сравнение (*comparaison*), парадокс (*paradoxisme*) и парадиастола, или разграничение (*paradiastole*).

"Фигуры, воздействующие на чувство, страсти" (с. 527). Включают восемнадцать основных фигур: обращение (*apostrophe*), восклицание (*exclamation*), заключительная сентенция (*épiphonème*), клятва (*serment*), фиктивное разрешение, ироническая уступка (*permission*, *épitrope*) (риторический) вопрос (*interrogation*), проклятие (*imprécation*), мольба (*déprécation*), угроза (*commination*), умолчание (*réticence*, *aposiopèse*), реплика (*interruption*), многозначительное умолчание (*suspension*), градация (*gradation*), прозопопея, или одушевление, заклинание (*prosopepe*), сомнение (*dubitation*, *irrésolution*), выбор, страстное желание (*optation*), нарушенный порядок аргументов (*hystérologie*), наглядность (*hypotypose*).

"Фигуры орнаментальные, позволяющие украсить истину тем очарованием и добродетелью, которые делают ее еще привлекательнее" (с. 327). К этому классу относятся восемнадцать основных фигур, среди которых описываются: портрет (*portrait*), описание времени (*chro-*

nologie), описание места (topographie), ирония (ironie), сарказм (sarcasme), намек (allusion), параллельное рассуждение (parallèle).

Продемонстрируем несколько толкований фигур.

Умолчание (prétérition, prétermission, paralepse) — "фигура, с помощью которой (автор, оратор) делает вид, что умалчивает, или лишь слегка касается вещей, о которых на самом деле говорит очень ясно" (с. 329)...

Например: Генрих IV, описав смерть адмирала Колиньи королеве Елизавете, так продолжает рассказ о страшных событиях Варфоломеевской ночи:

"Я не стану описывать Вам ужас и крики,
Кровь, заливающую Париж,
Тела убитых: сыновей и отцов,
Братьев, сестер, дочерей, матерей..." (с. 330)

Перечисление часто используется в судебном красноречии, при доказательстве. Мастерами этой риторической фигуры являлись в свое время адвокаты Леметр, Кошен, Норман.

Поправка (correction) — фигура, применяемая не с целью скорректировать свою мысль (тогда бы это была не риторическая фигура), а для перехода к новой мысли, чтобы придать предыдущим рассуждениям большую силу и выразительность. "Искусство (применения этой фигуры) состоит в нарочитом опущении какой-либо важной детали (повествования) или нарочитой небрежности в упоминании последней, создающей часто впечатление оговорки, случайности, хотя (автор, оратор) точно рассчитал свои мысли и выражения; такая "оговорка" — искусственный прием применяемый с целью оживления речи, привлечения внимания" (с. 335). Часто применяется в сатире, встречается в классическом церковном красноречии. Обычными "формулами" (с. 335) являются: "если, однако", "хотя", "если не ошибаюсь" и некоторые другие. Например, из речи Цицерона:

"И именно в самом Риме возник замысел его разрушения и уничтожения его граждан. И именно его граждане, именно его граждане, да, его граждане, если можно дать им это имя, взлелеяли этот замысел и стремятся к его осуществлению" (с. 335). Много примеров этой риторической фигуры можно найти у Расина.

Субъекция (subjection, hypobole) — "фигура, с помощью которой оратор вопрошает себя и отвечает на свои собственные вопросы, или спрашивает слушателя, оставляя ответ за собой. Эта фигура служит предотвращению и отбрасыванию всех возможных возвращений" (с. 341). Часто применяется для оживления диалога.

Пример из речи Цицерона, восхваляющего Помпея: "Что может быть удивительней, чем молодой, ничем не примечательный человек, поднимающий в трудный для республики момент целую армию? Такой человек нашелся. А командовать ею? Командовал. Найти в себе самом путь к великолепному успеху? Он сделал и это" (с. 341). Описываемая риторическая фигура часто встречается в эпиграммах. Многозначительное умолчание (suspension) — фигура, состоящая в том, "чтобы держать в напряжении и тревожном ожидании слушателей (читателей) и, наконец, ошеломить их совершенно неожиданным финалом" (с. 368).

Нарушенный порядок аргументов (hystérologie) — фигура, "состоящая в полном изменении естественно-привычного порядка мыслей" (с. 381). Так, например, из речи Энея: "О вы, молодые воины, ставшие ненужными герои, решитесь ли вы мужественно следовать за мной, когда дерзость моя будет доведена до предела? Вы видите, что произошло: храмы и алтари покинуты Богами, а город обращен в пепел. Умрем, но поспешим во стан врагов" (с. 381).

Нормальный порядок предполагает: сначала поспе-

шить на поле брани, где и найти смерть, а не наоборот. Само слово *hystérologie* состоит из двух греческих слов, означающих "речь, которая начинается с конца". Присуща, в основном, высокой патетике и требует, как подчеркивает автор, особой осторожности в обращении в других, более низких стилях речи.

Варино А. Словарь французских метафор, извлеченных из лучших французских авторов, в выдержанном и даже в разговорном стиле.

Varinot A. Dictionnaire des métaphores françaises extraites des meilleurs auteurs français dans le style soutenu et même dans le style familier. P., 1818.

Кроме собственно риторик, проблемами элокуции заняты авторы многочисленных уже в то время "Словарей метафор". "Словарей сравнений", "Список синекдох" и т.д. Кроме Варино, можно упомянуть еще несколько подобных сочинений: *Планш Ж.* Словарь латинизмов французского языка или французских выражений, прямо заимствованных из латинского языка. *Planche J.* Vocabulaire des latinismes de la langue française ou des locutions françaises empruntées littéralement de la langue latine. P., 1822, 112 p.; *Планш Ж.* Французский словарь ораторского и поэтического языка с приложением списка всех слов, принадлежащих вульгарному языку. *Planche J.* Dictionnaire français de la langue oratoire et poétique, suivi d'un vocabulaire de tous les mots qui appartiennent au langage vulgaire. Lyon, 3 v., 1819; *Карпантье Л.-Ж.-М.* Словарь французского поэтического языка. *Carpentier L.-J.* Le Gradus français ou dictionnaire de la langue poétique. P., 1822.

Во всех этих объемных трудах (Карпантье — 1200 страниц!) авторы одержимы желанием систематизировать богатства литературного французского языка. Подчас это граничит с поразительной наивностью (у Планша —

список всех табуированных слов вульгарного языка!). В Предисловии к словарю Варино читаем: "этот словарь содержит почти все метафоры, использованные во французском языке" (с. XV). Какова же программа таких фундаментальных сочинений? Обратимся к Карпантье. Его словарь предлагает читателю: "Все слова, способные войти в "поэтический язык"; "Синонимы, эпитеты и перифразы"; "Драгоценное собрание описаний картин и портретов, а также большое число обрамлений (encadrements), поэтических вставок, удачных сочетаний слов (d'alliances heureuses de mots)..."; "Имена главных мифологических богов с указанием образов, в которых художники и поэты их воплощали, а также аллюзии и аллегории, которые сочинители заимствовали у неистощимой мифологии"; "Литературные и грамматические ремарки Менаджа, Вольтера, Ла Арпа, Жоффруа... по поводу выражений удачных, смелых иди неркомендуемых, встречающихся у наших первоклассных сочинителей..." (с. 12). Пример словарной статьи: Meule: Мельничный жернов: твердое тело. Эпитеты: тяжелый, грубый, неровный, шероховатый, шумный, крутящийся. — Означает также пук травы, строг сена. Эпитеты: богатый, плодородный, питательный, изобилующий, огромный, колоссальный, экругленный, высокий.

Словарная статья подкрепляется стихами Берни: "Вдали собранные стога возвышают трон Цереры": Plus loin les meules entassées élèvent un trône à Cérès. Следует отметить, что такие сочинения характерны не только для начала XIX в., но встречаются на всех этапах развития ранцузской риторики. Так, в литературе упоминается сочинение Дера середины XVIII в. (1759 г.): "Французские эпитеты с соответствующими им собстанивами. Сочинение полезное поэтам, ораторам, молодым людям, начинающим научную карьеру, а также всем желающим правильно писать стихами и прозой".

Блер Г. Курс риторики и изящных искусств.

Blair H. Cours de Rhétorique et de Belles-Lettres.
Traduction de Prévost. 2^e éd. P., 1821.

Автор — известный английский ритор, сочинения которого много раз переводились и издавались во Франции. Риторика умеренная, сдержанная по тону, со значительно смягченным нормативным пафосом. Автор пишет: "Ничто быстрее не лишит сочинение своего веса и достоинства, чем чрезмерный изыск в украшении стиля" (с. 418).

Можно составить определенное представление об этом труде, обратившись, например, к главе о метафоре (Leçon XV). Блер дает нам такие советы:

"Следует разумно приспособить фигуры к природе рассматриваемого сюжета: их не должно быть слишком много, они должны быть более блестящи и возвышенны, чем сам сюжет, они никогда не должны "раздувать" сюжет, лишая его тем самым достоинства, которые он должен иметь..." (с. 388).

"Следует остерегаться любых намеков на низкие и отвратительные вещи, неприятные уму..."

"Следует все учесть, чтобы сходство, которое является основной метафоры, было ясным и отчетливым..."

"Следует обратить внимание... на невозможность смешения речи в прямом (langage propre) и в переносном смысле (langage figuré); нельзя составлять период таким образом, чтобы одна его часть была понята метафорически, а другая — буквально: это всегда способствует путанице".

"Очень большой (ошибкой) является такая речь, при которой две различные метафоры встречаются на одном объекте".

"Не следует излишне распространять метафоры" (с. 354).

В заключение главы автор призывает современных ав-

торов к осторожному обращению с анимализмом и вообще со старомодными фигурами: "В то время, когда мы живем, легче прямо рассматривать яростную схватку между двумя людьми, чем сражение между тигром и быком" (Там же).

Фонтанье П. Пособие по изучению тропов.

Fontanier P. manuel classique pour l'étude des tropes.
Р., 1827.

Один из самых известных трактатов по риторике, переизданный множество раз, вплоть до последнего времени. В данном сочинении представлена прежде всего третья часть риторик — элокуция, к которой, к середине XIX в. была сведена вся риторика в большинстве публикаций.

Все тропы разделены на три обширных класса: тропы по соответствию (*par correspondance*), тропы по связи (*par connexions*) и тропы по сходству (*par ressemblance*). К первому классу — тропы по соответствию — отнесены метонимии. Внутри класса существует ряд подразделений.

Тропы по связи — второй класс тропов — являются синекдохи. Всего их насчитывается 8 видов: синекдохи "части целого вещества, числа, вида, рода, абстракции... и антономаза" (с. 80).

Тропами по сходству (третий класс) называются метафоры. Они подразделяются (с исключительной подробностью) в зависимости от их построения как перехода от одушевленного к неодушевленному и наоборот. Кроме того, автор выделяет клише и не клише, т.е. "выдуманные метафоры (*métaphores d'invention*)... еще не получившие санкции обихода..." (с. 106).

Для Фонтанье фигура — прежде всего некоторое "неклишированное" образование из нескольких слов, всегда авторское и не "санкционированное" обиходом.

Именно фигуры, по Фонтанье, требуют особо пристального внимания и изучения риториками и грамматистами, так как тропы "... содержатся в глубине языка... естественны и привычны для него... и не дозволено усматривать в них какие-либо изъяны..." (с. 106).

Фигуры, или фигуры выражения (*figures d'expression*), являются "словесными образованиями, из которых возникают... фиктивный, рефлексивный или оппозитивный смысл" (с. 110).

Таким образом, различаются фиктивные фигуры выражения; рефлексивные фигуры выражения; оппозитивные фигуры выражения.

К фиктивным фигурам относятся персонификация, аллегория, субъективизация и мифологизм. Персонификация, или одушевление (*personnification*), реализуется через метонимию, синекдоху или метафору.

Аллегория (или ее вариант — аллегоризм) (*allégorie*) представляет собой "продолженную" метафору; распространяясь целиком на предложение, аллегория рождает один законченный смысл.

Субъективизация (*subjectification*) тонко отличается от персонификации, являясь ее подвидом.

Мифологизм (*mithologisme*): из Лафонтена: *Quand Phébus régnera sur autre hémisphère...* 'Когда Феб будет парить над другим полушарием...' (т.е., как поясняет Фонтанье, когда солнце пойдет за экватор...).

Среди рефлексивных фигур выделены: аллюзия, металепс, ассоциация, умолчание и парадокс.

Аллюзия, или намек (*allusion*) может быть исторической (относится к историческим событиям), мифологической, моральной (относится к нравам, мнениям или обиходу) и словесной (простая игра слов).

Металепс (*métalepse*), ассоциация (*assotiation*) и умолчание (*réticence*) — различные виды аллюзии с чрезвычайно тонкими отличиями друг от друга.

Парадокс, или парадоксизм (*paradoxisme*), представляет собой разновидность антитезы, выделенную фонологически.

Среди оппозитивных фигур изучаются: эпитроп, астеизм и контрафизия.

Эпитроп, или ироническая уступка (*épitrope, permission*), — форма мрачной безысходной иронии. Из "Британникуса": "Продолжай, Нерон; с такими министрами славными делами ты ознаменуешь свое царствие..."

Астеизм (*astéisme*) — легкая, остроумная шутка. Из Буало: "Великий король, перестань побеждать, или я перестану писать".

"Контрафизия" (*contrefision*) — название, придуманное Фонтанье: "За неимением более удачного слова я назвал так фигуру, с помощью которой, притворяясь, что связываешь свои желания, надежды и доверие с какой-либо вещью, на самом деле стремишься к обратному" (с. 178). Из Лафонтена: "Я поклялся, и даже в довольно сносных стихах, отказаться от всякой фривольной сказки. И когда поклялся? Вот что смущает. Два дня я держал свое слово. Вот и полагайтесь на рифмоплета, который живет моментом!"

В конце раздела, посвященного классификации тропов и фигур, автор замечает: "Эвфемизм, гипотипоз, перифраза, антифраза и оноματοпeia, которые мы находим у Дюмарсэ в таком избытке, не находят себе место в нашей системе". Автор справедливо подчеркивает, что фигуры редко употребляются изолированно. Чаше встречаешь их комбинации (из "Сатир" Буало): "И если целый день наш первый предок Богаче на ребро прожил один..." Второй стих (= жил без подруги) — металепис и одновременно аллюзия (из ребра будет создана женщина). Подобных примеров Фонтанье приводит огромное количество, демонстрируя незаурядные способности к практической стилистике. Все литературные цитаты,

которыми изобилует книга, тщательно выбраны из почти ортодоксальной французской классики: Расин, Корнель, Буало, Лафонтен.

Барон А. О риторике, или об ораторском и литературном сочинении.

Baron A. De la rhétorique ou de la composition oratoire et littéraire. Bruxelles, 1853.

Это второе издание работы А. Барона, имевшей в свое время безусловный успех у просвещенного читателя. "Рассматриваемая этимологически она (риторика) была искусством речи (*l'art de parler*), но смысл этих слов так изменялся, что сегодня они означают искусство письма (*l'art d'écrire*), каким бы ни был используемый сюжет и форма" (с. 387).

Риторика как деятельность предполагает, по А. Барону: 1) определенную природу, "естество, или врожденные качества"; 2) метод, или системное изложение в сочинительстве вкупе с изучением и имитацией моделей. Как и во множестве других риторик, главное подразделение дисциплины предполагает: Инвенцию, Диспозицию и Элокуцию. "Есть несколько способов достичь Инвенции, — пишет автор; первый состоит в пристальном, упорном наблюдении себя, людей и вещей. Второй способ — наука или наблюдение прошлого. Третий сводится к размышлениям над приобретенным знанием и тщательным обдумыванием необходимых для изложения мыслей. Четвертый есть аналитическое и синтетическое изучение образцов и правильно выбранные, постоянно усложняющиеся упражнения в сочинении" (с. 388—389).

В разделах "Инвенция" и "Диспозиция" автор придерживается принятой систематики, высказывая при этом интересные мысли о психологии творчества. В Элокуции А. Барон предлагает видоизмененную схему классифи-

кации фигур. Наиболее принято в риторике подразделение фигур на: фигуры мысли, или воображения (*figures de pensée*) и фигуры слов, или словесные фигуры (*figures de mots*). Известно также классическое распределение на следующие фигуры Фонтанье: 1) дикции; 2) конструкции; 3) элокуции; 4) стиля; 5) обозначения; 6) выражения, или тропы; 7) мысли. Здесь явно прослеживается забота об "уровневой" организации речевых единиц (фонетика, грамматика, супрасинтаксис и выше). А. Барон высказывает мысль о необходимости некоторого сужения Элокуции: по его мнению, фигуры дикции и фигуры конструкции могут быть отнесены в курс грамматики. Анализируя класс фигур дикции, автор высказывает следующие соображения: "Еще представляется, что то, что принято называть фигурами дикции, должно быть полностью отдано грамматике. Модификации, которые затрагивают только материал знака с помощью приращений, сокращений и перегруппировки букв, принадлежат фигурам не более, чем подобные им изменения в корпусе слов, регулируемые склонениями и спряжениями" (с. 296). Способы таких "изменений слов", или метаплазмы, представлены в довольно компактной таблице:

"Приращения" букв

протеза (*prosthèse*): в начале слов — *gnatus* вместо *natus*;

эпентеза (*épenthèse*): в середине слов — *relligio* вместо *religio*;

парагеза (*paragege*): в конце слов — *amarier* вместо *amari*;

"Сокращения" букв

афереза (*aphérèse*): в начале слов — *posita'st* вместо *posita est*;

синкопа (*syncope*): в середине слов — *amarit* вместо *amaverit*;

апокопа (аросоре): в конце слов — Achilli вместо Achillis;

"Замена" букв

антитеза (antithèse): одна буква вместо другой — olli вместо illi;

метатеза (métathèse): перестановка — tymbre вместо tumber;

Разделение букв, или диереза (diérèse)
vitai вместо vitae.

"Слияние" букв

синереза (synérèse) — во фр. раоп вместо rap;
краза (crase): peculi вместо peculii;
элизия.

Таким образом, фигуры дикции относятся автором в грамматику. Примерно то же высказывается о фигурах, где изменению подвергается конструкция (видимо, имеется в виду перенос подобных метаплазмов в ту область грамматики, которую мы называем Морфология или в Синтаксис). Кроме того, А. Барон высказывает определенные сомнения по поводу "чистоты" главной классификации Элокуции на фигуры мысли и фигуры слов. Все фигуры, по А. Барону, носят, в целом, смешанный характер: "где затронутó слово, затронута мысль" (с. 297). Поэтому предлагается новый вид классификации: "Следует вместо того, чтобы заниматься элементами текста (словом, оборотом или конструкцией), входящими в состав фигур, проникнуть в самую суть последних и задаться целью определить их назначение и способы достижения через них риторической задачи" (с. 298). Такая установка достигается с помощью (классификация А. Барона): 1) сближения идей для выявления их сходства или различия. К этому первому классу относятся все виды сравнения, метафоры, метонимии, синекдохи, аллегории, аллюзии, гиперболы, титоты, метале-

са, прозопопеи, а также антитеза, ирония; 2) развития или контракции выражения мысли. К этому классу относятся все виды перифразы, амплификации, синонимии, градации, плеоназмов, а также дизъюнкция, эллипс, силлепс;

изменения формы мысли. К этому третьему классу отнесены: вопрос, восклицание, апостроф.

Приоритет, отдаваемый "мыслительным" операциям над "языковыми", общий менталистский подход характеризует автора и в описании главных частей риторики. "Правила Инвенции приходят на помощь памяти в поисках муты мысли; правила Диспозиции помогают выстроить идеи в определенной последовательности, правила Элокуции придают мыслям нужно форму" (с. 388).

Исследование завершает небольшое резюме, полезное для читателей, желающих лучше усвоить основные риторические правила, предлагаемые автором.

Бансель Ф.-Д. Превращения слова.

Bancel F.D. Les révolutions de la parole. P., 1869.

Одна из поздних риторик; автор — преподаватель Брюссельского университета. Труд предпосланы эпиграфы из Тацита: *Magna eloquentia, sicut flamma, urendo clarescit* и из Квинтилиана: *Maxima pars eloquentiae constat animo*, а также из Э. Кине, автора "Духа религий": "Слово есть свет человечества, как свет есть слово природы".

В очень интересном, хорошо написанном исследовании, читателю предлагается история риторики от софистов до Рабле. В центре внимания автора не риторические таксономии или жизнеописания ораторов, а Слово как центральная категория культуры. Риторика по-прежнему является, по Банселю, основой гуманитарного цикла дисциплины, что изначально занимается устными и пись-

менными текстами, тем самым Словом, "мощь и свобода которого, многократно подвергаемые в ходе истории тяжелым испытаниям, являются мерилom цивилизации" (с. 6).

Во Введении к своему труду, озаглавленном "О значении Слова" Бансель в свойственном ему высоком стиле излагает главные задачи риторики и свое видение предмета. "Мнение правит миром". Эти слова Паскаля позволяют Банселю построить систему взглядов, согласно которой каждому изменению общественного мнения, каждой существенной идеологической вариации соответствует новое Слово, новая система текстов. У каждой революции свои ораторы.

Риторика как ораторское искусство видоизменяется вместе с общественными движениями мысли и прежде всего философскими и социально-научными воззрениями. "Каждой философской школе соответствует своя ораторская. Анаксагор родил Перикла. Платон — Демосфена" (с. 7). Влияние естественной науки и естественно-научных текстов на риторику осуществляется через новизну и оригинальность мировоззрения ученых, а также через поэтичность и нравственную высоту их текстов. "Что может быть более поэтичным и ораторским, чем некоторые страницы Кеплера, Коперника или Галилея? Сама наука, сестра Прекрасного, не может обойтись без изящного, вдохновенного, возвышенного и красноречивого" (с. 5). Блестящий образчик ораторского стиля в ученом тексте взят Банселем из Коперника: "В этом прекрасном храме, который мы зовем Вселенной, — писал великий польский астроном, — где должен быть помещен светильник, который способен вырвать из мрака населяющие его существа и предметы? Не напрасно одни называли Солнце светочем, другие — душой, третьи — сердцем Мира. Меркурий зовет его видимым Богом, а Софокл — вселенским зрячим. Вос-

седа на королевском троне, Солнце правит семьей круговращающихся планет. Земля впитывает благодатное действие лучей его..." (с. 5). Здесь видно, как строгая научная аргументация Коперника сопровождается риторическими аргументами, позволяющими с дополнительной силой влиять на недоверчивые умы его современников.

Свобода слова, пишет во введении к своему труду Бансель, вещь относительно полезная обществу, если она регламентируется во-первых, Правом, во-вторых, Моралью. "Я думаю, как Цицерон, что оратор должен быть вскормлен принципами высокой философии и возвышенной морали" (с. 7), иначе риторика, "эта весталка, превращается в куртизанку" (с. 11). Автор, будучи глубоко религиозным человеком, свято верит в то, что Прекрасное идет рука об руку с Возвышенным и Добрым, в "бессмертный союз свободных душ" (с. 15).

Работа Банселя написана в период гонений на риторику, или, как напишет позже П. Валери, в эпоху "оголтелого" романтизма. Тем удивительнее, что автор не только сохраняет веру в необходимость изучения классических образцов ораторского искусства, которыми изобилует книга, но и призывает молодежь развивать это искусство: "Поскольку смерть Гортензия оставила нас покровителями осиротевшего красноречия, — с глубокой горечью говорил Цицерон, — мы, Брут, должны заботиться о нем. Пусть оно найдет у нас приют, достойный его величия и благородства" (с. 23).

Koccad Фр. de. Риторика и литературные жанры.
Caussade Fr. de. Rhétorique et genres littéraires. P., 1881.

Риторика, достаточно характерная для конца XIX в.: ощущается стремление автора упростить сложные риторические классификации с выраженной популяризаторской целью. В сочинениях такого рода риторика как главенствующая идеология французского литературно-

го мира уступает место риторике — практической стилистике.

Стиль, по Коссаду, обладает девятью основными качествами: (видимо, по числу Муз): ясностью, чистотой, точностью, завершенностью, понятностью, естественностью, благородством, гармонией. Кроме того, каждый из видов стиля имеет свои свойства:

Простой стиль (*style simple*): точность; простота; завершенность; естественность...

Умеренный стиль (*style tempéré*): элегантность; богатство; изящество; грация...

Возвышенный стиль (*style sublime*): энергичность; страстность; великолепие; глубина; увлеченность...

Все фигуры, как и приняты в риторике, делятся на словесные фигуры и фигуры мысли. Автор предлагает упрощенные схемы:

I. Словесные фигуры (*figures de mots*) включают:

1. Грамматические фигуры (*figures de grammaire*): синкопа; апокопа; контракция; диэреза...

2. Фигуры конструкции (*figures de construction*): эллипс; силлепс; гипербата; дизъюнкция; плеоназм; градация; оппозиция...

3. Фигуры смысла, или тропы (*figures de sens*): а) метафора; аллегория; катахреза; б) метонимия; синекдоха; металепс; антономаза; эвфемизм; антифраза...

II. Фигуры мысли (*figures de pensée*)

1. Фигуры рассуждения (*figures de raisonnement*): антитеза; аллюзия; уступка; многозначительное умолчание; пролепс; коррекция...

2. Фигуры воображения (*figures d'imagination*): прозопопея; сравнение; перифраза...

3. Фигуры страсти (*figures de passion*): вопрос; апостроф; восклицание; ирония; астеизм; гипербола; литота...

Такова одна из последних риторик XIX.

Рейнах Ж. Французское красноречие (от Революции до наших дней).

Reinach J. L'éloquence française (depuis la Révolution jusqu'à nos jours), P., 1894.

Риторика Жозефа Рейнаха, депутата Национального собрания Франции, состоит из Введения, где излагаются теоретические представления автора, и большого количества глав, содержанием каждой из которых является образец определенного вида красноречия: церковного, судебного, политического или светского. Приводится (часто полностью) множество речей знаменитых французских ораторов. Автора особо интересует политическая риторика.

Остановимся на Введении, озаглавленном "Политическое красноречие и эволюция ораторского искусства". Здесь автора занимает вопрос о литературной ценности красноречия, о соотношении красноречия и литературы, устной и письменной речи.

"Критик, задавшийся целью правильно осветить проблему литературного значения ораторского искусства, должен поостеречься рассматривать ее как проблему исключительно эстетическую. Оратор говорит для того, чтобы убедить и взволновать; можно ли забывать о тех убеждениях, благородных или низких, полезных или вредных, которые он поселил в ушах своих слушателей? Каждая речь, рожденная только риторикой, — мертворожденное дитя; живое создание человеческого ума есть всегда акт, с которым необходимо считаться при оценке слов. Среди всех других форм литературы красноречие, следовательно, является такой, где всего труднее отделить материю от оживляющей ее души" (с. I—II). Главное, что для Рейнаха отличает ораторское искусство от литературного творчества — это его ярко выраженная социальная направленность. По-видимому, автор имеет в виду и другие, важные

типологические черты риторик: 1) "ангажированность" оратора и его личностные характеристики; 2) социальный, политический, эмоциональный и другие контексты ораторского выступления; 3) идеологию оратора; 4) подчинение всех литературных приемов, всей "риторики" одной цели: убеждению аудитории.

В соответствии с этой характеристикой находится и другое отличительное свойство ораторской речи — ее импровизационность. Здесь Рейнах открывает для нас важную особенность национальной французской риторики, свойственную, может быть, всему Новому времени. "Речь, написанная со всей тщательностью, отделанная как произведение искусства, слово в слово выученная наизусть, разыгранная со всевозможными уловками комедиантов, — таков был закон античного красноречия. В Афинах, как и в Риме, любая, даже частичная импровизация, казалась неправильностью и неуважением к публике и служила объектом самой строгой критики" (с. III). Самая форма парламентских дебатов и революционное и послереволюционное французское красноречие, в особенности, в своей политической разновидности, привели к спонтанности и большой свободе ораторской речи. "С тех пор мы имеем вправе именно в импровизации смысл, сложность и красоту ораторского искусства" (с. III).

Идея импровизации, лежащей в основе современного ораторского искусства, связывается у автора с более широким понятием о некоторой изначальной спонтанности устной речи, отличающей ее от письменной, всегда более "литературной", продуманной и отделанной. Спонтанность — имманентное свойство устной речи. "Мысль должна одеться словами, — пишет Рейнах, — за тот кратчайший промежуток времени, когда "она" выплескивается" из мозга" (с. III). Таков, по Рейнаху, важный аргумент, не позволяющий "взвешивать на од-

них весах письменное и устное слово" (с. III). Довод этот не единственный: "здесь, как и в других вещах, различные способы соответствуют различным целям" (с. III). Так, поясняет автор, историк или философ, в соответствии со своими задачами, стремятся к четкому, конденсированному выражению существа мысли. Читателю важен результат этого стремления, готовый текст, который анализируется критиком как законченное и цельное произведение искусства. Иная картина рисуется, когда мы обращаемся к устной речи, здесь — к ораторскому искусству. "Писатель — это ювелир, демонстрирующий свою драгоценность в оправе; оратор — кузнец, занимающийся своим ремеслом на глазах честного люда. Если оратор представит мне голый вывод из своих умозаключений, он оставит меня равнодушным и холодным; если же, напротив, он предоставит мне возможность проследить за поступательным движением своей мысли, каждое слово, каждое движение его души может найти во мне отклик" (с. IV).

И далее: "Таким образом (словесная) избыточность, если не главное, то, по меньшей мере, исключительно важное свойство ораторского искусства и, возможно, именно эта избыточность составляет основное различие между устной и письменной фразой. Если вы попытаетесь произнести с трибуны страницу Ла Брюйера или Вольтера, вы легко убедитесь в том, что все, что вы находили изящного и тонкого в их искусстве, произведет холодное и почти пустое впечатление. И, напротив, страница Мирабо или Берье, рассматривая вне блеска и сутолоки собрания как прозаический фрагмент, покажется вам невыносимо длинной и беспорядочной. Это означает, что само построение фразы, как и способ ее демонстрации, должны варьировать в зависимости от того, желаете ли вы выразить свою мысль на трибуне или на бумаге" (с. IV—V).

Означает ли это, что литературный и ораторский стили не подчиняются одним законам, а риторика оказывается неудовлетворительной для их описания? "Фундаментальный закон стиля одинаково справедлив для оратора и писателя: и тот, и другой ясно выражают лишь то, что хорошо понимают. Словесная беспорядочность, неправильный подбор слов, "тяжесть" предложений и синтаксическая "неуверенность" — всегда, на трибуне или в книге, есть результат отсутствия или неточности мысли" (с. VI—VII). Стил, — пишет Рейнах, — это пробный камень мысли: видно, что картезианский принцип простоты и ясности слога, развиваемый в национальной французской риторике, остаются ведущим. Следствием этого закона оказываются единые (для риторики и литературы) правила композиции. "Попробуйте перенести, — замечает автор, — живописное изображение с маленького полотна на стену. Законы, по которым создается рисунок, группировка фигур, равновесие цветовой гаммы, перспектива, для полотна и фрески одни и те же. Меняется только прием, способ: меньшая четкость карандашного наброска, более размашистый мазок, меньшая четкость игры светотени. От книги к трибуне — изменение то же" (с. VII).

Местр П. Предписания риторики: история греческого, латинского и французского красноречия.

Mestre P. le. Préceptes de Rhétorique: histoire de l'éloquence greque, latine, française mise en rapport avec le nouveau programme du Baccalauréat ès lettres. P., 1895.

Издание учебного характера, предназначенное для учащихся старших классов, предполагающих сдавать экзамены на бакалавра.

Книга состоит из трех частей: в первой изложены краткие риторические предписания; во второй — история латинского и французского красноречия, в третьей

(которая вышла раньше отдельным изданием) даются основы литературоведения (*principes de littérature*). Завершают главу заметки о поэтических жанрах и проблемах версификации.

Все красноречие делится автором на светское красноречие (*éloquence profane*), внутри которого выделяются политическое, академическое, судебное и церковное (*éloquence religieuse*).

Краткая история французского красноречия открывается перечислением обстоятельств, благоприятствовавших, по мнению автора, развитию риторики во Франции. К основным факторам, стимулировавшим начала французского национального красноречия, автор относит: "французский характер" (открытость, потребность к общению, уважение к слову); "глубоко религиозный дух французского народа"; политические кризисы, потрясавшие французское общество.

Еще до знаменитого Б. Латини, который в XIII в. констатировал *parole dilettable* французов его эпохи, Диодор Сицилианский отметил у галлов особую, почти наравне с воинственностью, любовь к языку и изяществу речи (*le finement parler*) — то, что латиняне называли *argute loqui*.

В книге предлагается следующая периодизация истории французского красноречия:

XII—XV вв. Доминирует церковное красноречие, представленное прежде всего именами Сен Бернара (1091—1153) и Жерсона (конец XIV — середина XV в.). Политическое красноречие делает свои первые робкие шаги во время ассамблеи Генеральных Штатов;

XVI — начало XVII в. "Искусство риторики еще бесформенно" (с. 230), но продолжает развиваться усилиями многочисленных церковных и политических ораторов периода Реформы (кардинал Лотарингский, Сен Франсуа де Саль и П. Питу);

XVII в. Эпоха "большой" риторики. Особое развитие получает церковное красноречие (Боссюз, Бурдалу, Фенелон, Масийон);

XVIII—XIX вв. Закат церковного красноречия. Продолжают интенсивно развиваться судебное, академическое и, в особенности, политическое красноречие, которое накануне Французской революции блистало именами Лалли—Толлендаля и Мирабо;

XIX в. Восходящее движение политического красноречия, питаемого парламентской борьбой и дебатами в прессе (Мартиньяк, генерал Фуа, Ландорф и др.).

Пеллиссье А. Принципы французской риторики.

Pellissier A. Principes de Rhétorique française. P., 1894.

Автор — профессор Парижского университета, лауреат премии Монтиона 1885 года (премия Французской Академии). На титульном листе читаем: "соответствует последним официальным программам". Эта риторика служила базовым учебным пособием для класса риторики (соответствует нашему 10 классу с гуманитарным уклоном) в системе французской средней школы, а также основой преподавания риторики в системе высшего образования. Текст Предисловия предваряется текстом Полного курса французских гуманитарных наук — программы французского лицейского гуманитарного образования, выработанной самим Пеллиссье и, насколько можно судить по тексту, принятой Министерством национального образования. Возможно, эта программа представляет определенный интерес:

I. Предварительная подготовка:

"Гимнастика ума" (метод начальной школы):

- 1) наблюдение вещей и живых существ;
- 2) суждение и рассуждение;
- 3) память и воображение;
- 4) моральное и религиозное чувство;
- 5) воспитание вкуса.

II. Классы грамматики (6, 5, 4 — соответствуют нашим 5, 6, 7 классам):

1) принципы стиля;

2) сюжеты и образы для сочинений;

Избранные места французской классики.

III. Классы словесности (3, 2, и класс риторики — наши 8, 9, 10 классы):

1) принципы риторики;

2) сюжеты и образы для сочинений;

Избранные произведения французской классики.

IV. Дополнительное образование:

1) курс классической античности (Восток, Афины, Рим): история греко-римской цивилизации в избранных литературных фрагментах;

2) курс христианской античности (Ветхий Завет, Евангелие, история церкви — от Моисея до Святого Августина, канонические тексты).

Рамбо Л. Французское красноречие.

Rimbaud L. L'éloquence française.

Одна из последних, выдержанных в традиции работ по истории французского красноречия. Первый том охватывает период с 1050 по 1800 гг. второй — с 1800 по 1940 гг. В достаточно объемном исследовании описываются все виды ораторского искусства; особенно подробно — судебное, церковное и политическое красноречие, в основном, через призму творческих биографий ораторов. Автор, лауреат премии Французской Академии, так формулирует свою задачу: "Мы располагали до сих пор разными по величине и достоинству работами, в которых описываются разнообразные категории ораторов в те или иные периоды нашей Истории: отсутствует лишь полное и синтетическое исследование по всем без исключения французским ораторам. Я ставил себе целью восполнить этот пробел" (с. 5).

Читателю легко найти сведения не только, скажем, о таких знаменитых ораторах Франции, как Лаффитт (1767—1844), Бланки (1805—1881), но и о гораздо менее известных адвокатах, политических деятелях, служителях церкви, являвших собою цвет ораторского искусства, А. Рамбо располагает свой материал не как теоретическое исследование, сопровождаемое выдержками из речей; автора интересует творческая биография ораторов, их социальный статус, моральное и политическое кредо и т.д. Каждая хронологическая эпоха исследуется с одинаковой тщательностью и подразделяется традиционно по видам ораторского искусства: на церковное красноречие (*la Chaire*), судебное красноречие (*le Barreau*) и политическое красноречие (*la Tribune*).

Исследование Л. Рамбо не содержит сколько-нибудь привлекательных общих рассуждений о риторике, хотя и является одной из самых поздних французских работ (одной из немногих в XX веке) по истории французского красноречия. Полезность книги — в полноте описания, жесткой хронологичности, в охвате мало или вовсе неизвестного материала по истории французского красноречия.

Литература¹

- Авеличев А.К.* Возвращение риторики: (Введение) // Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа и др. М., 1986.
- Аверинцев С.С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература: (Введение) // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981а.
- Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981б.
- Аверинцев С.С.* Античный риторический идеал и культура Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.
- Античные риторики / Под ред. А.М. Тахо-Годи. М., 1978.
- Аристотель и античная литература / Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1978.
- Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой. СПб., 1894.
- Безменова Н.А.* Риторика и аргументация // Языковая практика и лингвистическая теория. М., 1981.
- Безменова Н.А.* Неориторика: Проблемы и перспективы // Семиотика. Коммуникация. Стил. М., 1984а.
- Безменова Н.А.* О предмете "история риторики" // Неориторика: Генезис, проблемы, перспективы. М., 1987.
- Безменова Н.А.* Представления о специфике звучащей речи во французской риторической доктрине // Звучащий текст. М., 1984б.
- Безменова Н.А.* Из истории теоретических воззрений на искусство письменного перевода // Язык и культура. М., 1986а.
- Безменова Н.А.* Комментарии // Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа и др. М., 1986б.
- Безменова Н.А.* Массовая коммуникация в свете "отраженной" риторики // Роль языка в системе средств массовой коммуникации. М., 1986в.
- Безменова Н.А.* Retorica nova // Неориторика: Генезис, проблемы, перспективы. М., 1987.
- Безменова Н.А.* Теория и практика риторики массовой коммуникации. М., 1989.
- Безменова Н.А., Герасимов В.Н.* Некоторые проблемы теории речевых актов // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.

¹Список не содержит работ по отечественной риторике, которые можно найти в кн.: *Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.

- Брынская О.П.* Систематизация основных понятий риторики, данных в трактате Аристотеля "Риторик". М., 1987.
- Вернадский В.И.* Основы жизни — искание истины // Новый мир. 1988. N 3.
- Виноградов В.В.* Поэтика и риторика // Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980.
- Волков А.А.* Концепции публичной речи и единицы языка // Роль языка в системе средств массовой коммуникации. М., 1986.
- Граудина Л.К., Миськевич Г.И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989.
- Зарифьян И.А.* Теория словесности. Библиография и комментарий. М., 1990.
- Захарова О.И.* Риторика и западноевропейская музыка XVII — первой половины XVIII в.: принципы, приемы. М., 1983.
- Квинтилиан М.Ф.* Двенадцать книг риторических наставлений: В 2 ч. СПб., 1834.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики: В 6 т. М., 1963. — 1980.
- Лосев А.Ф.* Античные теории стиля в их историко-эстетической значимости // Античные риторики. М., 1978.
- Неориторика: Генезис, проблемы, перспективы / Под ред. Н.А. Безменовой. М., 1987.
- Общая риторика: с фр. / Ж. Дюбуа и др. М., 1986.
- Проблемы эффективности речевой коммуникации / Под ред. Ф.М. Березина. М., 1989.
- Риторика и стиль / Под ред. Ю.В. Рождественского. М., 1984.
- Рождественский Ю.В.* Риторика публичной лекции. М., 1986а.
- Рождественский Ю.В.* Проблемы влияния и эффективности средств массовой информации // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986б.
- Трошина Н.Н.* Риторика и теория коммуникации: (На материале немецко-язычных публикаций // Неориторика: генезис, проблемы, перспективы. М., 1987.
- Цицерон М.Т.* Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф.А. Петровского и др.; Под ред. М.Л. Гаспарова. М., 1972.
- Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеев, П.Б. Паршин. М., 1987.
- Adam J.M., Goldenstein J.P.* Linguistique et discours littéraire: Théorie et pratique des textes. P., 1976.
- Alletz P.A.* Modèles d'éloquence ou traits brillants des orateurs français les plus célèbres. P., 1817.
- Anthrologie des grands rhétoriciens / P. Lumthor. P., 1978.
- Arnauld A., Nicole P.* La logique ou l'art de penser (La Logique de Port-Royal): In 2 vol. Holzboog, 1965—1967.

- Austin J.L.* How to do things with words. Cambridge, 1962.
- Bancel F.-D.* Les révolutions de la parole. P., 1869.
- Baron A.* De la rhétorique ou de la composition oratoire et littéraire. Bruxelles, 1853.
- Barthes R.* Sur Racine. P., 1963.
- Barthes R.* L'ancienne rhétorique // Communication. 1970. N 16.
- Barthes R.* Le degré zéro de l'écriture. P., 1972a.
- Barthes R.* Rhétorique de l'image // Strukturelle Textanalyse. N.Y., 1972b.
- Bary R.* La rhétorique française. P., 1639.
- Batteux C.* De la construction oratoire. P., 1763.
- Batteux C.* De la construction oratoire. Tulle, 1793.
- Baumhauer O.A.* Die sophistische Rhetorik: Eine Theorie sprachlicher Kommunikation. Stuttgart, 1986.
- Beacco J.-C.* La rhétorique de l'historien: Une analyse linguistique de discours. Berne, 1988.
- Behrens R.* Problematische Rhetorik: Studien zur Franksprachebildung der Affektrhetorik zwischen Cartesianismus und Frühaufklärung. München, 1982.
- Berger A.* Histoire de l'éloquence latine depuis l'origine de Rome jusqu'à Cicéron: In 2 t. P., 1872.
- Billing M.* Arguing and thinking: A rhetoric approach to social psychology. Cambridge, 1987.
- Black E.* Rhetorical criticism: A study in method. N.Y., 1965.
- Blair H.* Leçon de rhétorique et de belles-lettres: In 4 vol. P., 1797.
- Brown R.H.* Society as text: Essays on rhetoric, reason, a reality. Chicago, 1987.
- Brunot F.* Histoire de la langue française des origines à nos jours: In 12 vol. P., 1933—1953.
- Campbell K.K.* The ontological foundations of rhetorical theory // Philosophy a rhetoric. N.Y., 1970.
- Caussade F. de.* Notion de rhétorique et étude des genres littéraires. P., 1906.
- Chamot B.* Homofonia i monolog: Retoryka prozy monologicznej. Wrocław, 1988.
- Charland T.M.* Artes praedicandi: contribution à l'histoire de la rhétorique au Moyen Age. P., 1936.
- Chateaubriand F.R. de.* Génie du christianisme. P., 1904.
- Clark D.L.* Rhetoric and poetry in Renaissance. N.Y., 1922.
- Clark D.L.* Rhetoric in greco-roman education. N.Y., 1957.
- Clarke M.L.* Rhetoric at Rome: A historical survey. Glasgow, 1953.
- Condillac F.B. de.* Essai sur l'origine des connaissances humaines: In 2 t. P., 1788—1789.
- Condillac E.B. de.* Art de penser et art d'écrire // Oeuvres complètes. P., 1821. T. 5.

- Connors R.J., Ede L.E., Lunsford A.A.* The revival of rhetoric in America // Essays on classical rhetoric and modern discourse. Carbondale, 1984.
- Corti M., Serge C.* I metodi attuali della critica in Italia. Torino, 1970.
- Coquet J.-C., Arrivé M.* La sémiologie: perspectives internationales. Bruxelles, 1979.
- Courcelles P. de.* La rhétorique. P., 1557.
- Crévier J.B.L.* Rhétorique française: In 2 t. P., 1767.
- Curtius E.R.* Die französische Kultur: Eine Einführung. Bern, 1975.
- Décrire la conversation / R. Bouchard, L. Fontaney, M. de Gaulmyn et al.* Lyon, 1987.
- Delas D., Filliolet J.* Linguistique et poétique. P., 1973.
- Demogeot J.C.* Histoire de la littérature française depuis ses origines jusqu'à nos jours. P., 1862.
- Dolet E.* La manière de bien traduire d'une langue en autre. Lyon, 1540.
- Dubois J.* Figure de l'argot // Communication. 1970. N 16.
- Dubois Ph., Winkin Y.* Rhétoriques du corps. P., 1988.
- Du Marsais C.Ch.* Des tropes et de la construction oratoire. Tulle, 1793.
- Du Marsais C.Ch.* Des tropes: In 2 vol. Genève, 1967.
- Du Marsais C.Ch.* Oeuvres choisies: In 3 t. Stuttgart, 1971.
- Du Vair G.* De l'Eloquence Française. P., 1594.
- Elertsen H., Hartig W.* Modern Rhetorik. Heidelberg, 1986.
- Fabri P.* Cy ensuit le grant et vray art de pleine rhétorique. Genève, 1972.
- Fénélon.* Dialogues sur l'éloquence en général, et sur celle de la chaire en particulier. P., 1774.
- Filon A.* Eléments de rhétorique française. P., 1826.
- Florescu V.* La rhétorique et la néorhétorique: Genèse, évolution perspectives. P., 1982.
- Foclin A.* La rhétorique française. P., 1555.
- Fontanier P.* Les figures du discours. P., 1968.
- Francis J.* L'espace logique d'interlocution. P., 1985.
- François A.* Histoire de la langue française cultivée, des origines à nos jours: In 2 t. Genève, 1959. T. 1, 2.
- François R.* Essays des merveilles de nature et des plus nobles artifices. Roven, 1621.
- Frédéric M.* La répétition: Etude linguistique et rhétorique. Tübingen, 1985.
- Fuchs C.* Paraphrase et théories du langage. P., 1980.
- Fumaioli H.* L'âge de l'éloquence: rhétorique et "res literaria" de la Renaissance au seuil de l'époque classique. Genève, 1980.
- Gage J.T.* An adequate epistemology for composition // Essays on classical rhetoric and modern discourse. South. Illinois, 1984.
- Gamaches E.-C.* Les agréments du langage réduits à leurs principes. P., 1718.
- Geissner H.* Zur Theorie des rhetorischen Kommunikation. München, 1973.

- Genette G.* La rhétorique et l'espace du langage // *Tel Quel*. 1964. N 19.
- Genette G.* Figures: essais: In 3 vol. P., 1966—1974.
- Gibert M.* La rhétorique ou les règles de l'éloquence. P., 1766.
- Givon T.* Logic vs. pragmatics // *J. Pragmatics*. 1982. Vol. 6.
- Greimas A.J., Courtés J.* Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. P., 1979.
- Grice H.P.* Meaning // *Readings in semantics*. Urbana, 1974.
- Guespin L.* L'analyse du discours: Problèmes et perspectives. P., 1975.
- Guiraud P.* Stylistique. P., 1954.
- Hamon P.* Introduction à l'analyse du descriptif. P., 1981.
- Harris L.* Discourse analysis // *Language*. 1952. Vol. 28, N 17.
- Hennequin P.* Nouveau cours de rhétorique, à l'usage de la jeunesse des deux sexes. Moscou, 1818.
- Howell W.S.* Logic and rhetoric in England, 1500—1700. Princeton, 1956.
- Introduction à l'analyse du discours en sciences sociales / A.J. Greimas et al., P., 1979.
- Kahn V.* Rhetoric, prudence, and skepticism in the Renaissance. Ithaca, 1985.
- Keller R.* Kooperation und Eigennutz // *Kommunikation und Kooperation*. Tübingen, 1987.
- Kinneavy J.L.* Greek rhetorical origins of Christian faith: An inquiry. N.Y., 1987.
- Kohnen Th.* Zurückweisungen in Diskussionen: Die Konzeption einer Sprachhandlungstheorie als Basis einer empirischorientierten Konversationsanalyse. Frankfurt a. M. etc., 1987.
- Komlosi L.J., Knipf E.* Negotiating consensus in discourse interactional schemata // *Argumentation: Proc. Conf. on Argumentation*, 1986 / Ed. F.N. van Eemeren et al. Dordrecht, 1987.
- Kopperschmidt J.* Rhetorica: Aufsätze zur Theorie. Geschichte und Praxis der Rhetorik. Hildesheim etc., 1985.
- Kopperschmidt J.* Überlegungen zu einer handlungstheoretischen Grundlegung der Rhetorik // *Rhetorik und Pragmatik*. Ratingen, 1975.
- Kraus J.* Retorika v dejkach jazikové komunikace. Pr., 1981.
- Lamy B.* La rhétorique, ou l'art de parler. Brighton, 1969.
- Lansberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik: Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft: In 2 Bd. München, 1960.
- Leech G.N.* Principles of pragmatics. L., 1983.
- Le Hir J.* Rhétorique et stylistique de la Pleiade au Parnasse. P., 1960.
- Le Gras P.* La rhétorique française. P., 1671.
- Le langage en contexte: études philosophiques et linguistiques de pragmatique / H. Parret et al. Amsterdam, 1980.
- Les Orateurs de la Révolution: Choix du discours. P., 1927.
- Lunsford A.A., Ede L.S.* On distinctions between classical and modern

- discourse // Essays on classical rhetoric and modern discourse. Carbondale (Ill.), 1984.
- Maingueneau D.* Approche de l' énonciation en linguistique française. P., 1981.
- Mallet E.* Principes pour la lecture des orateurs: In 3 t. P., 1753.
- Medieval eloquence: Studies in the theory and practice of medieval rhetoric / Ed. J.J. Murphy. Berkeley, 1978.
- Mestre P.* Préceptes de rhétorique. Lyon, 1895.
- Meyer M.* From logic to rhetoric. Amsterdam, 1986.
- Mistrik J.* Rétorika. Br., 1980.
- Moderne Rhetorik: Rede und Gespräch im technischen Zeitalter / Berg. H. Elertsen; Neubeard. W. Hartig. Heidelberg, 1986.
- Morier H.* Dictionnaire de poétique et de rhétorique. P., 1961.
- Nicole P.* Traité de l'oraison, divisé en sept livres. P., 1679.
- Ordinaire D.* Rhétorique nouvelle. P., 1866.
- Patillon M.* La théorie du discours chez hermogène le rheteur: Essai sur les structures linguistiques de la rhétorique ancienne. P., 1988.
- Pellissier A.* Principes de rhétorique française. P., 1894.
- Perelman C.* Le champ de l'argumentation. Bruxelles, 1970.
- Perelman C.* L'empire rhétorique: Rhétorique et argumentation. P., 1977.
- Perelman C., Olbrechts-Tyteca L.* Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique: In 2 vol. P., 1958.
- Plett H.F.* Textwissenschaft und Textanalyse: Semiotik. Linguistik. Rhetorik. Heidelberg, 1975.
- Plett H.F.* Einführung in die rhetorische Textanalyse. Hamburg, 1979.
- Plett H.F.* Rhetoric // Discourse and literature: New approaches to the analysis of litliterary genres. Amsterdam, 1985.
- Rambaud L.* L'éloquence française: La chaire. Le barreau. La tribune: In 2 t. Lyon, 1974.
- Reinach G.* L'éloquence française. P., 1894.
- Reiss N.* Speech act taxonomy as a tool for ethnographic description: An analysis based on videotapes if continuous behaviour in two New York households. Amsterdam, 1985.
- Rhétorique de la poésie: Lecture linéaire, lecture tabulaire. P., 1977.
- Rhétorique générale / J. Dubois et al. P., 1970.
- Rice D., Schofer P.* Rhetorical poetics. Wisconsin, 1983.
- Richards J.A.* The philosophy of rhetoric. N.Y., 1965.
- Richaudeau F.* Linguistique pragmatique. P., 1981.
- Robin R., Guilhaumon J.* Langage et idéologies: Le discours comme objet de l'histoire. P., 1974.
- Santini R.L.* Retorica e critica litteratria. Bologna, 1978.
- Scarle J.R.* Speech acts: An essay in the philosophy of lang. Cambridge, 1969.

- Searle J.R.* Vanderveken D. Foudation of illocutionary logic. Cambridge etc., 1985.
- Sémantique de la poésie / T. Todorov et al. P., 1979.
- Teigeler P.* Kommunikations wissenschaftliche Grundlagen // Rhetorik. München, 1973.
- Terrasse J.* Rhétorique et l'essai littéraire. Montréal, 1977.
- Thiébault D.* Essai sur le style. A l'usage de l'Ecole royale des jeunes gentils-hommes. B., 1774.
- Todorov T.* Poétique de la prose. P., 1971.
- Ueding G., Steinbrink B.* Grundriß der Rhetorik: Geschichte, Technik, Methode. Stuttgart, 1986.
- Valéry P.* Cahiers: In 29 vol. P., 1957—1961.
- Varinot A.* Dictionnaire des métaphores Françaises extraites des meilleurs auteurs dans le style soutenu et le style familier. P., 1818.
- Varga A.* Rhétorique et littérature: Etudes de structures classiques. P., 1970.

Оглавление

Введение	3
----------------	---

Часть I КОММЕНТАРИЙ К ТЕОРИИ

Глава 1	
Схема концепции риторики	14
Глава 2	
Риторика как логика неформального суждения	44
Глава 3	
Риторика и социальное взаимодействие	57

Часть II МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РИТОРИКИ (ФРАНЦИЯ XVI—XX вв.)

Глава 4	
Основные периоды развития французской риторики	73
Глава 5	
Французская неориторика (XX в.)	112
Заключение	139
Приложение	145
Краткая хрестоматия по истории французской риторики (XVI— XIX вв.)	145
Литература	208